Екатерина
Мириманова

Эмигрантка

История преодоления

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Наверное, каждая из нас в детстве читала про Золушку и представляла себя на ее месте, однако волею судьбы в жизни все происходило не по сказочному сценарию.

На моем пути встречалось всякое: и плохое, и хорошее. Потеря близких, неудачи в личной жизни, проблемы со здоровьем, набор веса, а затем новая любовь и триумфальное похудение, перевернувшее мою жизнь с ног на голову.

В какой-то момент судьба решила послать мне еще один подарок (а может, испытание?), и я оказалась в чужой стране, где пришлось начать все с нуля. Страшно ли мне было? Стала ли я в итоге счастливее? Могу сказать одно: если бы несколько лет назад кто-нибудь рассказал мне о том, что меня ждет, – я бы точно не поверила. Тем не менее эта история произошла именно со мной, именно в Испании, хотя могла произойти где угодно и с кем угодно!

Кто знает, может быть, уже завтра ваша жизнь кардинально изменится, ведь фортуна выбирает тех, кто не боится рисков и перемен!

- Екатерина Мириманова
  - ○
  - ○
  - ○ Вместо предисловия
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6
  - ○ Глава 7
  - ○ Глава 8
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
  - ○ Заключение

Екатерина Мириманова
Эмигрантка
История преодоления

© Мириманова Е. В., текст, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Эта история могла случиться в любой стране, с любым человеком.

Но она случилась со мной, в Испании.

Вместо предисловия

Когда-то давно я мечтала о стабильности. И мои близкие всячески поддерживали эту идею. Но со временем я поняла, что стабильность настолько же относительна, насколько относительно все в нашей жизни. Сегодня она есть, а завтра исчезнет. Увы, прежде чем осознать эту истину, порой приходится потратить долгие годы и пожертвовать слишком многим. В попытке угнаться за миражом мы становимся заложниками. Заложниками стабильности, которой нет.

За свою жизнь я столкнулась с этим несколько раз. Первый раз, когда умер мой папа. Мне было шестнадцать, и вся система представлений о мире, которую старательно внушала мне мама, полетела в тартарары. Мне говорили, что главное – это семья, но буквально за год от нее не осталось ничего: папа умер, мама переехала в Испанию… Даже морская свинка – и та умерла. На меня накатило беспросветное отчаянье, и потребовалось несколько лет, чтобы восстановиться после всего пережитого.

Вторым серьезным потрясением стала смерть бабушки. Мы с ней были очень близки, в какой-то мере она заменила мне мать. Ее настиг Альцгеймер, и я в одиночку прошла все круги ада, связанные с этой болезнью. В тот период жизни меня сильно подвел мой первый муж. Хотя нет, «подвел» – неправильное слово. Скорее, он не оправдал ожиданий, которые я на него возлагала. И я снова ощутила, что стабильность сама по себе не является панацеей и не гарантирует счастья. Чаще всего как раз наоборот: те, кто цепляется за постоянство, в конечном итоге вынуждены мириться со многим из того, с чем мириться вовсе не обязательно. А все из страха потерять иллюзию счастья. Я не говорю, что это плохо, не утверждаю, что следует делать по-другому, но для себя решила, что счастье в одиночестве всегда предпочтительнее, чем чувство глубокой неудовлетворенности рядом с чужим, в сущности, человеком.

Ежедневно я слышу истории о жизни с алкоголиками («А вдруг завяжет?»), о жестоких избиениях жен («Он случайно и больше так не будет»), о пренебрежении женой и сексом с ней («Он просто устал, я сама виновата, срываюсь на всех»), о примирении с изменами («Но любит-то он меня»), о жизни с недостойными людьми («Ну, зато он…»). Да я и сама сталкивалась с подобными ситуациями. И знаете, к какому выводу пришла? Главное – вовремя остановиться. Сказать себе «стоп», зажмуриться и прыгнуть в неизведанное.

Надо принять тот факт, что перемены всегда происходят к

лучшему. Что для любой проблемы можно найти решение и в одиночку. И тогда со временем вы непременно поймете: лучше оказаться одной, но со здоровой психикой, чем быть эмоциональным инвалидом, но в паре.

А пока этого не произойдет, постарайтесь не анализировать проблему. Не зацикливайтесь на ней. Скажите себе, как Скарлетт О'Хара: «Не буду думать об этом сейчас, подумаю об этом завтра!» Не нужно убеждать себя в том, что вы приняли окончательное решение и обратной дороги нет. Просто произнесите: «С меня хватит. Я сделаю все, что в моих силах. И я уверена, что у меня все получится».

> Главное – вовремя остановиться. Сказать себе «стоп», зажмуриться и прыгнуть в неизведанное.

И совершенно неважно, если в действительности вы даже не знаете, что будете делать завтра. Главное – действовать. Мысленно зажмуриться, чтобы не было так страшно, и работать, работать, работать в выбранном направлении. Хуже уже не будет, ведь нет ничего страшнее эмоциональной пустоты. Ничего, слышите?! Она страшнее разлуки, страшнее бедности, страшнее боли. Я знаю, потому что прошла через многое.

Возможно, кстати, что вы сейчас не осознаете всей глубины проблемы. Так даже лучше. Иногда это позволяет не сойти с ума в критических ситуациях. В таком случае тем более не стоит усердно заниматься самоанализом и искать корни своих бед, иначе вы рискуете открыть собственный ящик Пандоры. Поверьте, осознав всю «прелесть» своего состояния, вы не облегчите себе задачу. Напротив, груз знания может окончательно придавить вас, и тогда энергии на перемены совсем не останется. Поэтому сейчас просто примите как данность: вам плохо, и с этим надо что-то делать. Даже если вам кажется, что у вас нет сил, это не так. Они пока еще есть, только вы не хотите себе в этом признаться. Но с каждым днем они иссякают, а ваша жизнь становится все более невыносимой.

Цепляясь за стабильность, мы сами приговариваем себя к несчастью, к вечной тоске, к отчаянью и слезам. Но ради чего? Есть ли у нас цель, которая могла бы оправдать такие средства? Скорее всего, нет. Тогда, может быть, из страха? А вот это уже ближе к истине. В действительности то, что мешает всем нам идти вперед, – зачастую банальная боязнь перемен. Однако они вовсе не такие пугающие, какими кажутся поначалу. Да, делать первый шаг – страшно. Но каждый новый шаг придает нам уверенности в себе. Вспомните, как вы учились плавать, ездить на велосипеде или водить машину. Сперва вам было боязно, но с

каждым занятием вы чувствовали себя все спокойнее и спокойнее, а потом и вовсе стали действовать на автомате и сейчас даже не задумываетесь над тем, как сложно было вначале.

> Цепляясь за стабильность, мы сами приговариваем себя к несчастью, к вечной тоске, к отчаянью и слезам. Но ради чего? Есть ли у нас цель, которая могла бы оправдать такие средства? Скорее всего, нет.

Запомните одну фразу: нам ничего не принадлежит. Ни партнер, ни дети, ни деньги, ни дом, ни работа. В любой момент все может измениться. В мире случается всякое: болезни, расставания, увольнения, банкротства, аварии, войны, теракты. Но это не означает, что окружающая реальность отвратительна. Вовсе нет. Это говорит лишь о том, что никто не знает, сколько нам осталось прожить на свете. Может, я умру завтра или даже сегодня в полдень. Вдруг моя личная Аннушка уже пролила масло? Никто не даст гарантии, что завтра я буду обладать тем же, чем сегодня. Только в одном я могу быть уверена: мои воспоминания навсегда останутся со мной (конечно, если не потеряю память; но на этот случай я веду дневники).

Поэтому самое лучшее, что можно сделать, – жить сегодняшним днем, пусть даже для этого и придется снова учиться «кататься на велосипеде». Ловите момент, берите от жизни все, что она предлагает здесь и сейчас, смакуйте каждый ее миг, словно заправский сомелье. Примите тот факт, что ничто не вечно; цените то, что имеете, но не бойтесь перемен, ведь жизнь может круто перемениться в считаные секунды, причем без вашего участия. И за это тоже нужно уметь говорить спасибо.

Много лет назад я попала в аварию. Машину вел один из моих бывших, Сережа. Выбравшись из разбитой машины, я сказала, что это к лучшему, и он возмутился:

– Ты с ума сошла, к какому лучшему?! Ты осталась без машины и чуть не погибла!

А я ответила:

– Да, все так. Но я жива, и эта авария произошла не случайно. Это какой-то знак.

> Ловите момент, берите от жизни все, что она предлагает здесь и сейчас, смакуйте каждый ее миг, словно заправский сомелье. Примите тот факт, что ничто не вечно; цените то, что имеете, но не бойтесь перемен.

Я была настолько уверена в своей правоте, что он замолчал, недоуменно пожав плечами. А я ощутила, что поймала новую

волну. Какую именно, было неясно, однако с того момента вся моя жизнь изменилась. Стоя на 36-градусном морозе у искореженного автомобиля, я почему-то твердо знала: отныне все будет хорошо. Правда, тогда я не подозревала, что хорошо будет еще очень нескоро.

Глава 1
О событиях, подтолкнувших меня к изменениям

В детстве я любила мечтать о несбыточном. О том, что стану дизайнером, дрессировщицей или писательницей. Но мама была против всех этих профессий. Она вообще считала, что лучшая карьера для женщины – хорошо выйти замуж и никогда больше не работать. Однако я росла слишком амбициозной, чтобы принять такую судьбу, и вопреки материнским заветам стала писательницей.

И все же не могу сказать, что мамины наставления прошли для меня даром. Нет. Потому самой главной моей детской мечтой была свадьба. И не простая, а в католической церкви: я – ослепительно красивая в строгом белом платье по фигуре – в сопровождении отца медленно ступаю по проходу под песню Дайаны Росс и Лайонела Ричи «My endless love», все смотрят на меня в восхищении, а рядом со священником стоит Он – красивый, умный и, конечно же, богатый!

Реализовать подобную мечту было сложно. Хотя бы потому, что жила я в Советском Союзе, где мысль о свадьбе в церкви – даже православной – считалась абсурдной. А в католической – тем более. Кроме того, я росла пухлой девочкой, так что платье по фигуре казалось чем-то недостижимым. Но мне очень нравилась эта картинка, и я снова и снова прокручивала ее в голове.

Впрочем, к четырнадцати годам я похудела. Порой я по-прежнему вспоминала ту мечту, но все реже. И вообще, я уже успела влюбиться в человека на десять лет старше меня. Естественно, безответно. Я работала в рекламном агентстве, и мысли о литературной карьере отошли на второй план, несмотря на то что я постоянно что-то придумывала и записывала в блокнот. Жизнь представлялась мне вполне радужной, но уже через пару лет судьба внесла первые коррективы.

Когда мне было шестнадцать, папа умер от рака, мама вскоре снова вышла замуж и уехала за границу, я рассталась с очередной «любовью всей жизни» и чувствовала себя бесконечно одинокой в этом мире. Помню, я часами слушала песню Мэрайи Кэри «Hero». До сих пор, когда слышу ее, мне делается не по себе. Да, родственники и друзья поддерживали меня… Но по вечерам меня охватывало отчаянье. Мне казалось, будто земля уходит из-под

ног. И меня одолевал страх: вдруг это навсегда?

Однако постепенно жизнь наладилась. Незадолго до своего двадцатилетия я вышла замуж в первый раз… в черном коктейльном платье. Что поделаешь? На белое платье моей мечты денег все равно не было. У моего жениха Олега – высокого и симпатичного – работа, конечно, имелась, но зарплату нельзя было назвать впечатляющей. Мои родственники на свадьбе плакали, а его – не приехали. Мы скромно отметили «создание ячейки общества» в грузинском ресторанчике, а на следующий день уехали в свадебное путешествие в Тунис. Уже тогда я понимала, что мы слишком разные и что один из лучших способов проверить, подходит ли тебе мужчина, – провести с ним отпуск. Но я не учла, что делать это желательно до свадьбы. А когда спохватилась, было слишком поздно: мы поженились и вовсю планировали ребенка.

С раннего детства я мечтала о том, что когда-нибудь у меня родится дочка, которую я назову Катей – так же, как зовут меня саму и мою маму. Почему-то я верила, что дочь поможет мне избавиться от одиночества, что она станет тем человеком, который всегда и во всем меня поддержит. Отношения между мной и мамой были довольно сложными, во многом из-за ее отъезда, и мы не виделись уже несколько лет. Но я была убеждена, что у меня и моей дочки все будет иначе.

Уже тогда я понимала, что мы слишком разные и что один из лучших способов проверить, подходит ли тебе мужчина, – провести с ним отпуск. Но я не учла, что делать это желательно до свадьбы.

Осуществить эту мечту мне удалось далеко не сразу. Пришлось потратить более двух лет, пройти несколько курсов гормональной терапии и набрать очень много лишних килограммов. Но впервые взяв дочку на руки, я расплакалась от счастья: отныне рядом со мной всегда будет маленькая частичка меня.

Но вскоре у меня началась тяжелая послеродовая депрессия, а за ней – буквально через полгода после рождения дочки – последовал развод. К тому моменту я сбросила более полусотни кило, и у меня словно выросли крылья.

Я вновь почувствовала вкус к жизни, меня переполняла энергия, как в ранней юности, а муж оставался где-то позади и никак не хотел меня догонять. Да и в дальнейшем я не раз сталкивалась с аналогичной проблемой.

Я люблю расти, я трудоголик и перфекционист. Несмотря на то что все мои мужчины были старше меня, я очень быстро

достигала их уровня и перерастала их. Мне хотелось восхищаться своим мужчиной, даже чуточку благоговеть перед ним, пусть это и прозвучит крайне нефеминистично. Но найти такого человека никак не получалось.

> Впервые взяв дочку на руки, я расплакалась от счастья: отныне рядом со мной всегда будет маленькая частичка меня.

Я тяжело переживала развод, и дочка тоже. Муж страдал, хотя старался не показывать вида. В итоге мы сошлись во второй раз и даже снова поженились. Почему? Ну у ребенка же должен быть отец! Знаю, причина глупая и деструктивная. Неудивительно, что через несколько лет мы опять развелись, на сей раз окончательно. К тому времени я написала около пяти книг и стала одним из самых известных в России авторов в жанре нехудожественной литературы, но особого восторга в связи с этим не ощущала. Конечно, сначала я страшно гордилась собой и даже питала кое-какие иллюзии насчет своей работы. Но чем дальше, тем меньше их оставалось. А бесконечные «Ах, это же так интересно!» и «До чего же замечательно, наверное, быть писателем!» стали попросту раздражать. Писательский труд такой же, как и любой другой – монотонный, кропотливый и нелегкий. И не верьте тем, кто пытается доказать обратное.

С «мужчиной своей мечты» я познакомилась буквально через несколько месяцев после повторного расставания с мужем. Я влюбилась без памяти: Сережа казался мне самим совершенством. Романтичный, харизматичный, бесконечно сексуальный. К тому же он был гораздо умнее всех мужчин, с которыми я встречалась прежде.

Сначала все было потрясающе… Но потом он стал мне изменять направо и налево. То есть, как выяснилось позже, изменял он мне всегда, только я поначалу об этом не подозревала. Когда же я прозрела, мы уже жили вместе, а мою квартиру сдавали. Три года эмоционального надрыва сделали свое дело. Я почувствовала себя законченной мужененавистницей. Мне хотелось разорвать отношения, но я не находила в себе силы, потому что безумно любила его. Он дал мне многое: открыл для меня целый новый мир, по-настоящему познакомил с кинематографом и музыкой, вернул мне мою былую сексуальность, заставил меня вспомнить, что я потрясающая женщина. До сих пор я благодарна ему за это, хотя, увы, мы с ним не смогли сохранить дружеские отношения: его измены причинили мне слишком много боли.

Писательский труд такой же, как и любой другой – монотонный, кропотливый и нелегкий. И не верьте тем, кто пытается доказать обратное.

Сейчас, почти десять лет спустя, я проще смотрю на все произошедшее. И теперь я четко вижу, что мы бы все равно не смогли быть вместе, даже если бы он мне не изменял. То он говорил, что хочет от меня ребенка, то вдруг заявлял, что хочет его и от другой женщины тоже. Это сводило меня с ума. В конце концов я поняла, что если не уйду от него, то просто не смогу дальше жить. Но я отчетливо осознавала, что разорвать контакт с Сережей надо резко, болезненно, иначе я не смогу уйти и мы продолжим изнурительный бег по кругу, загоняющий в тупик и меня, и его. Мы любили друг друга, но вместе быть не могли. Я должна была сбежать. Но как это сделать?

И тогда судьба свела меня с Лешей. В тот день я застряла в пробке на Андроповском проспекте. Какой-то мужчина остановился на аварийке передо мной, вышел из машины и повелительным тоном сказал: «Телефон!» Я так опешила от его наглости, что дала номер. Молодой человек был не в моем вкусе, но я ухватилась за него как за соломинку, потому что знала: если не он, я никогда не смогу уйти от Сережи, чтобы он ни делал. Мы провели вместе вечер. Подъезжая к дому, я увидела Сережу с его возлюбленной, и у меня окончательно сорвало крышу. Я позвонила новому знакомому и предложила поужинать. То, что я давно планировала, стало явью. В начале свидания я выпила две бутылки вина. Что произошло потом, не помню.

На следующее утро я увидела пропущенные звонки от Леши, а мой будущий бывший отчего-то дико злился. К вечеру он окончательно разошелся: схватил меня за запястье и начал орать. Я не слушала, что он говорит, а просто вспоминала папу, который кричал на меня по любому поводу. Тем же вечером позвонил Леша и спросил, когда мы поженимся. Оказывается, накануне он сделал мне предложение, хотя я этого, естественно, не помнила.

Леша оказался крайне настойчивым. Он быстро подыскал квартиру, и мы переехали за один день. Отъезд показался мне побегом, да так оно и было. Но если бы я не сбежала, наши нездоровые отношения с Сережей затянулись бы надолго. А я не могла позволить себе быть несчастной и делать несчастным человека, которого все еще любила. И я исчезла. Пришлось удалить все контакты бывшего возлюбленного и заблокировать его повсюду, потому что мой новый мужчина имел связи с дагестанской мафией и угрожал, что с Сережей случится что-нибудь плохое, если я продолжу общаться с ним.

Еще до знакомства с Сережей я увидела его – идеальное свадебное платье. Такое, на мой взгляд, могла носить Наташа Ростова. Оно украшало витрину одного из магазинов на Бульварном кольце, и я – впервые за долгие годы – подумала, что все-таки могла бы выйти замуж в белом. Потом это платье не раз попадалось мне на глаза. Не то чтобы именно оно, но очень похожее. Мой мафиози страшно хотел жениться, и непременно в Грибоедовском загсе. Поскольку в прошлом у меня были проблемы с недвижимостью и его помощь мне определенно не помешала бы, я подыгрывала, хотя и понимала, что ничем хорошим это не закончится. Мы подали заявление, и Леша принялся настаивать, чтобы я занялась поиском платья.

> Я не могла позволить себе быть несчастной и делать несчастным человека, которого все еще любила. И я исчезла.

Однажды, проходя мимо свадебного салона, я увидела то самое платье. И купила его. По телефону я объяснила подруге: «Понятно, что я не выйду за Лешу замуж. Но он хотя бы успокоится, а у меня будет платье мечты, которое я использую меньше чем через год». Так и произошло.

Леша на поверку оказался наркоманом и алкоголиком. Кроме того, он не зарабатывал денег и тратил мои. А через месяц совместной жизни я обнаружила в его телефоне сообщения от других женщин.

Рана, оставленная отношениями с Сережей, была еще свежа, и на этот раз я решила не ждать, а действовать. У Леши были связи в милицейских кругах, поэтому он чувствовал себя безнаказанным. Он мог, например, сесть абсолютно пьяным за руль моей машины или в ресторане избить незнакомого человека. Так случилось в его день рождения.

Именно тогда я поняла, что надо снова бежать. Но как? Телефоны он прослушивал, почту читал.

> Однажды, проходя мимо свадебного салона, я увидела то самое платье. И купила его. По телефону я объяснила подруге: «Понятно, что я не выйду за Лешу замуж. Но он хотя бы успокоится, а у меня будет платье мечты, которое я использую меньше чем через год».

На сей раз я не испытывала душевных терзаний: я никогда не любила Лешу и не успела к нему привязаться. Я просто воспользовалась отношениями с ним, чтобы вырвать из сердца прежнюю любовь. Этакая стрессовая терапия. Оставалось лишь

дождаться удобного случая. И конечно, мне потребовалась помощь.

Я написала Олегу – своему бывшему мужу, с которым у нас и по сей день сохранились хорошие отношения. Мы условились, что свои вещи я перевезу в квартиру к нему и его новой жене (которой, кстати, я тоже благодарна за поддержку). Затем с телефона подруги я позвонила в службу срочных грузовых перевозок и узнала, как быстро они могут прислать машину. Меня заверили, что грузчики будут на месте уже через два часа после звонка.

Я выждала несколько дней и, как только подвернулся повод, устроила скандал – без криков (с детства не переваривaю, когда на меня орут, потому никогда не повышаю голос… точнее, раньше не повышала, но не буду забегать вперед), но серьезный, после чего вызвала грузчиков и перевезла свои вещи к Олегу в Дубну. Сама тем временем поселилась в гостинице (в Москве оставаться не было смысла), но очень быстро сняла квартиру – просторную «трешку» в относительно новом доме, без евроремонта, но чистую и обставленную со вкусом. Хозяева были на редкость приличными людьми, и я мгновенно нашла с ними общий язык. Уже через неделю я переехала. Ну а дальше было долгое прекрасное лето – с купаниями в Волге и походами в лес.

В августе мы с дочкой провели две потрясающие недели в Греции, на Крите. Мне всегда нравился этот остров, но в те дни – особенно. Меня восхищало здесь все: небо, море, еда… Хотя греческое вино я так и не смогла оценить. Мы взяли напрокат кабриолет и рассекали с востока на запад, словно героини какого-нибудь старого американского фильма: у меня на голове стильный платок, у дочки – очаровательная шляпка. Я остро ощутила всю прелесть свободы. Свободы от былых влюбленностей (а ведь я почти всегда начинала новые отношения, не до конца избавившись от призраков прошлого), от чувства вины за несостоявшийся брак и даже от страха перед завтрашним днем, потому что работа наконец стала приносить и стабильный доход, и удовольствие, пусть и оставалась такой же выматывающей.

Мы взяли напрокат кабриолет и рассекали с востока на запад, словно героини какого-нибудь старого американского фильма: у меня на голове стильный платок, у дочки – очаровательная шляпка. Я остро ощутила всю прелесть свободы.

Но, разумеется, не обошлось без крошечной ложки дегтя. В голове моей навязчиво крутилась мысль: «Когда находишься в подобном расположении духа, обязательно придет тот, кто все

испортит». И меня тревожило, что этот кто-то может быть совсем рядом. Хотя, возможно, это была не тревога, а предвкушение? Помню, как гуляла по пляжу одна, пока дочка спала, и вдруг ощутила, что меня за руку держит мой мужчина. Я даже вздрогнула и огляделась по сторонам: насколько реалистичной была иллюзия. С того момента ощущение чужого присутствия меня не покидало. «М-да, у меня окончательно поехала крыша», – подумалось мне. Мои подруги были со мной солидарны. Однако я чувствовала, что перемены на подходе.

Вернувшись в свой новый дом, я заскучала. Дубна находится в 120 километрах от Москвы, что означает хронические пробки на Дмитровском шоссе, из-за которых на дорогу до столицы в час пик уходит четыре-пять часов, а затем столько же на обратный путь. Естественно, это не располагает к регулярным поездкам в Москву. Иногда в выходные ко мне наведывались подруги, но они нечасто баловали меня своими набегами, а с наступлением осени и вовсе потеряли к провинциальному городку интерес. Обзавестись приятелями в Дубне мне никак не удавалось. Да и работы было слишком много. Все лето мы с дочкой путешествовали, и теперь настал час жестокой расправы за трехмесячное безделье. Однако по вечерам, когда сил работать не оставалось, мне становилось скучно и одиноко.

Телевизор я никогда особо не любила, книги отчего-то читать не хотелось, гулять с каждым днем становилось все холоднее, к тому же однотипный маршрут успел наскучить. Меня все чаще одолевали неправильные мысли о том, что могло бы быть, если бы… Да, те самые мысли, крайне нежелательные для молодой матери-одиночки, уставшей от мужчин и их глупых выходок.

Другая женщина на моем месте, наверное, впала бы в глубокую депрессию и, вероятно, сидела бы сиднем в Дубне, может, даже нашла бы себе рубаху-парня, чтобы хоть отчасти развеять тоску. Но я всегда была человеком действия.

Как-то вечером я решила, что мне не повредит заняться каким-нибудь хобби. Почему бы, например, не выучить испанский? Он пригодится: я не так уж редко летаю к маме в гости. Мне еще подумалось: странно, что я знаю всего пару фраз по-испански, ведь на севере Испании, где я провела немало времени, никто не говорит по-английски. Само собой, я – как и все – раньше пыталась изучать язык: занималась с несколькими преподавателями, но их теоретический подход мне быстро наскучивал.

«Нужна практика», – сказала я себе и… зарегистрировалась на сейте знакомств. Не в первый раз, кстати.

После первого развода именно на сайте знакомств я

встретила грека, который работал руководителем пресс-службы крупной политической партии. Он всерьез собирался на мне жениться, а я всерьез планировала согласиться: начала учить греческий, взяла в церкви свидетельство о крещении, апостилировала все документы. Но потом почувствовала, что не могу взять на себя такую ответственность, тем более что речь шла не только обо мне, но и о моей дочери, совсем еще крохотной. Кроме того, прежде я терпеть не могла, когда мне указывают, что и как делать, а грек – и это выяснилось довольно быстро – имел очень властную натуру. Мне было двадцать с небольшим, и я хотела сама распоряжаться своей жизнью. К тому же Греция никогда не была страной моей мечты. И я отказалась.

> Как-то вечером я решила, что мне не повредит заняться каким-нибудь хобби. Почему бы, например, не выучить испанский? Он пригодится: я не так уж редко летаю к маме в гости.

Второй раз я зарегистрировалась на сайте, когда Сережа сказал, что я «слишком зациклена на верности» и мне стоило бы взглянуть на вещи шире. Это вывело меня из себя, и я решила показать ему, где раки зимуют. Познакомилась с кучей народу и даже встретилась с одним испанцем, когда тот был в Москве. Позже мы с ним пересеклись в Мадриде, но все получалось как-то чересчур сложно, а мне и без того хватало сложностей. В итоге и мы расстались, так и не успев сойтись. К слову, на сайте мы общались по-испански. Не без помощи онлайн-переводчика, конечно.

Тут надо отметить, что с Испанией у меня всегда складывались странные отношения. Начну с того, что с ранних лет я постоянно слышала рассказы о ней. Мой дедушка был дипломатом (по тем временам, читай, шпионом), и они с бабушкой часто переезжали из страны в страну – каждые два года в новую. Повидавшая множество городов, бабушка тем не менее влюбилась именно в Мадрид. А заодно в Хулио Иглесиаса (я выросла на его пластинках) и… в «Эль Корте Инглес» – сеть супермаркетов, где, со слов бабушки, можно было найти абсолютно все. Когда мама переехала жить в Мадрид, бабушка, беседуя по телефону, первым делом неизменно спрашивала: «Как там “Корте Инглес”?» А однажды я подарила ей билет на концерт Хулио Иглесиаса, проходивший в Кремлевском дворце. Она была счастлива, несмотря на то что певцу уже исполнилось лет семьдесят и от его прежней красоты не осталось ровным счетом ничего.

Итак, когда встал вопрос о том, как учить испанский, я даже

не задумалась: разумеется, через сайт знакомств. Я честно указала в своем профиле, что хочу выучить язык и найти друзей. На внешность потенциальных друзей и их интеллектуальный уровень я, естественно, обращала внимание, но не считала эти параметры такими уж принципиальным. И вот однажды мое внимание привлек профиль мужчины, отличавшийся от остальных некой особой романтичностью.

«Я посмотрела твой профиль, и он меня заинтересовал», – написала я ему стандартную фразу, которую в тот день разослала уже раз двадцать.

Он ответил практически сразу:

«Да? И что же тебя во мне заинтересовало?»

Я заметила, что он пишет на английском.

«Не знаю», – соврала я, хотя в душу запала фраза о том, что ему нравится фильм «Красотка». И вообще, он производил впечатление человека чуткого, а именно такого мужчину я подсознательно стремилась встретить после всех предыдущих неудачных отношений.

«Я здесь для того, чтобы учить испанский, поэтому давай писать на нем, хотя я его почти не знаю, – сразу начала я. – Я не планирую ни с кем знакомиться для отношений, я слишком устала от них».

Верила ли я сама в эти слова? Отчасти. Нет, конечно, основной моей целью было выучить язык, а для меня (как я успела убедиться) живое общение с носителями – оптимальный вариант, куда более эффективный, чем курсы или занятия с репетитором. Но в глубине души, как и любая другая нормальная женщина, я все равно надеялась встретить своего принца, пусть и осознавала, что шансы ничтожны.

В первый день мы проболтали несколько часов. Я усердно копировала фразы, переведенные с английского в онлайн-переводчике, прежде чем отправить ему, и таким же образом старалась уловить нить его мысли. Когда становилось слишком уж сложно, я переходила на английский, – но только в крайних случаях.

«А у вас есть холодильники?» – поставил он меня в замешательство странным вопросом.

«А где, по-твоему, мы храним еду?»

«За окном! У вас же холодно!»

Я рассмеялась до слез:

«В Москве порой бывает жарче, чем в Мадриде».

На следующий день он написал:

«Я бы приготовил тебе завтрак, если бы ты была в Мадриде».

«Несколько двусмысленное приглашение», – парировала я.

«Да перестань! Почему?» – возразил он.

«Потому что на завтрак обычно приглашают после совместно проведенной ночи, а я еще не настолько хорошо тебя знаю. – Немного подумав, я продолжила: – Да что там говорить, я тебя ни разу в жизни не видела!»

Через пару дней он попросил меня выйти в скайп. Как назло, меня замучила простуда.

«Только, чур, не пугаться моего красного распухшего носа и бледного лица».

«Не буду. Мне так хочется убедиться в том, что ты реальная!»

Разговор не ладился. Письменную речь я за неделю начала более или менее различать, а вот устная – совсем другое дело. Но мой собеседник, казалось, был на седьмом небе от счастья, оттого что смог лицезреть меня.

Незаметно и как-то очень естественно наше общение, поначалу легкомысленное, переросло в отношения. Мы ежедневно разговаривали по два-три часа и обязательно желали друг другу спокойной ночи или доброго утра. Он писал мне каждую свободную минуту. И я чувствовала, что меня накрывает с головой. Правда, обжегшись столько раз, я боялась поверить в то, что меня не обманывают. К тому же я твердо пообещала себе больше не поддаваться на провокации со стороны чувств, но, невзирая на отчаянное сопротивление разума, с ужасом осознавала, что меня засасывает все сильнее.

С каждым днем мы все больше сближались. Я ничего не пыталась изображать и держалась на редкость естественно, потому что устала от бесконечных игр. Мы болтали обо всем: о прошлом, о будущем, об отношениях, о наших детях (у него их было двое). Я узнала, что в 2007 году он обанкротился, затем развелся с женой, с которой прожил семнадцать лет, и женился на марокканской девушке, оказавшейся «редкостной стервой». Она сбежала от него к другому мужчине, предварительно сделав аборт. Это показалось мне странным: ну какая нормальная женщина согласится уйти от такого мужчины, да еще подобным образом? Но с другой стороны, «арабы – загадочный народ, кто их разберет».

Незаметно и как-то очень естественно наше общение, поначалу легкомысленное, переросло в отношения. Мы ежедневно разговаривали по два-три часа и обязательно желали друг другу спокойной ночи или доброго утра.

Еще одним фактом в его биографии, который почему-то меня не насторожил, было то, что он судился… с собственной матерью.

Из-за плохого обращения. По его словам, после банкротства он хотел переехать в Канаду, но мать, чтобы воспрепятствовать этому, заявила в полицию, что он якобы толкнул ее и сломал запястье.

История, конечно, темная. Но я решила, что просто не до конца разобралась во всех нюансах, так как по-прежнему недостаточно хорошо владела испанским.

Я осознала, что влюблена, буквально через неделю после знакомства. В тот день – 1 сентября – я повела дочку в школу. Он не ответил на привычные утренние позывные и написал мне уже во время линейки. Увидев его сообщение, я ощутила прилив счастья, который резко сменился испугом. Я не могла себе позволить снова влюбиться. Я столько раз влюблялась – и неизбежно обжигалась. Однако… Он был другим. Он вел себя естественно и непринужденно. Он называл меня «моя жизнь»; поначалу это меня даже немного коробило, но постепенно я привыкла.

А потом я совершила первую ошибку – позволила своему богатому воображению разыграться. Я вспомнила предчувствие, посетившее меня в Греции летом, и подумала: а может, это тот самый мужчина моей мечты? Такой нежный и страстный (во всяком случае, на словах), такой заботливый. Готовый не спать полночи, лишь бы поговорить со мной, хотя назавтра ему работать в две смены. Я припомнила, как, гуляя по пляжу, ощутила чье-то теплое прикосновение. И теперь я подсознательно внушила себе, что тем прекрасным незнакомцем и был Хуанки (именно так он просил называть себя, хотя его полное имя было Хуан Карлос).

Мы писали и звонили друг другу одновременно, просыпались и засыпали в один и тот же миг. Он волновался за меня, если я не выходила на связь. Мог побежать на автобусную остановку в пять утра только потому, что там был Интернет, а у него дома он не ловился. Да и я ночью срывалась в интернет-кафе, когда дома были проблемы на линии. Я старательно настраивалась на его волну. Он говорил, что пытается продвинуть мою книгу в Испании, общается со своими друзьями на эту тему. Мой испанский совершенствовался с каждым днем.

Хуанки работал шеф-поваром в мадридском ресторане и утверждал, что потрясающе готовит. Это меня ужасно интриговало. Во-первых, потому что ни один из моих бывших не разбирался в кулинарном искусстве. Во-вторых, мой интерес подогревали замечательные романтические мелодрамы про поваров – вроде той, с Жаном Рено и Жюльет Бинош в главных ролях. Неудивительно, что я вообразила себя героиней подобной

картины.

Глава 2
Время перемен и решений

Однажды утром я проснулась с ощущением того, что нам совершенно необходимо встретиться лично. Я всегда руководствовалась чувствами и порывами: могла за неделю спланировать поездку на Бали или утром купить билеты в Вену на тот же вечер. Что же до поездки в Мадрид… В конце концов, что я теряла? Виза у меня была; оставалось лишь надеяться, что билеты не окажутся чересчур дорогими. В тот же день я зашла на сайт авиакомпании: там предлагались очень дешевые перелеты через Будапешт с ночевкой в нем же. Я углядела в этом знак свыше и забронировала билеты, не сказав об этом Хуанки заранее. Подумала: если он соскочит, мне же лучше, сразу все станет ясно, а я хотя бы познакомлюсь со столицей Венгрии, погуляю по Мадриду, увижусь с мамой. Вечером я сообщила ему новость: прилетаю через десять дней. Хуанки был на седьмом небе от счастья, и мы начали считать часы до встречи.

Мы договорились, что жить я буду у него. Он «отдаст» мне свою кровать, а сам будет спать на диване. «Ну-ну, – подумала я, – конечно».

В день вылета мы страстно распрощались по скайпу и договорились, что он выйдет на связь сразу после работы, часа в четыре по мадридскому времени. В два самолет приземлился в Венгрии. Я гуляла по Будапешту, восхищалась его увядающей красотой и чувствовала себя абсолютно счастливой. Но когда Хуанки не ответил на мои эсэмэски ни в четыре, ни в пять, я занервничала. Чем дальше, тем больше я себя накручивала. К шести я так разволновалась, что в Будапеште поднялся ветер. Надо сказать, что я давно заметила за собой способность влиять на погоду – вызвать, например, дождь в Сахаре или снег в Париже, или же разогнать тучи над своим домом. «Немножко ведьма», – так я говорю о себе. К семи разразился настоящий ураган. Я укрылась в кафе и заказала гуляш. Кафе с традиционными клетчатыми красно-белыми скатертями оказалось неуютным, гуляш – жирным. Мне было не по себе. Именно тогда я поняла, что серьезно влюблена.

Поужинав, я вернулась в отель под проливным дождем. И тут объявился Хуанки. Оказалось, у него что-то случилось с телефоном и он как сумасшедший бегал по всему Мадриду, пытаясь решить проблему. Он видел мои сообщения, но не мог ответить. Писал через скайп, но я отключила Интернет в

Будапеште. У меня отлегло от сердца.

> Я давно заметила за собой способность влиять на погоду – вызвать, например, дождь в Сахаре или снег в Париже, или же разогнать тучи над своим домом. «Немножко ведьма», – так я говорю о себе.

Утром я вылетела в Мадрид. Хуанки встречал меня в аэропорту. На мне были бело-салатовое платье, чем-то напоминавшее один из нарядов Скарлетт О'Хара, и светлые туфли на каблуке. Я вся светилась от счастья. Он тоже весь сиял. Я стремительно подошла к нему, и мы сразу же поцеловались.

Не знаю, как нас в тот день не остановила полиция в метро. Но то, что весь вагон смотрел на наши страстные объятия с завистью, – факт. Всю дорогу мы не могли оторваться друг от друга. Мне нравился его вкус, его запах.

Оставив чемоданы дома, мы пошли обедать в японский ресторанчик. А вернувшись, я решила наплевать на все свои моральные принципы. Я понимала, что Хуанки, наверное, плохо обо мне подумает, но мне было уже все равно.

Всю неделю мы постоянно занимались сексом. В гостиной, на кухне, на полу, в ванной, на крыше многоквартирного дома, невзирая на то, что кому-нибудь из соседей вполне могло взбрести в голову развесить белье ночью, – повсюду. Я наслаждалась. Мы много говорили, гуляли по Мадриду. Прежде я не раз бывала в этом городе, но сейчас влюблялась в него все сильнее. Мы вместе готовили по вечерам, когда Хуанки возвращался с работы. Мы засыпали в обнимку.

В те дни я была счастлива. Весь груз прошлого будто разом свалился с моих плеч.

А через неделю я вернулась домой. У меня как раз закончилась виза, и я опасалась, что мне не продлят ее так сразу. Но испанское посольство сжалилось надо мной.

Однажды утром, застряв в безнадежной пробке под Москвой, я решила проверить почту с телефона и увидела это письмо.

Тема: «Я люблю тебя»

«Ну что ж, думаю, ты сейчас едешь в Москву, преодолевая жуткие пробки и безумный холод. И предполагаю, что ты увидишь почту раньше, чем скайп, поэтому я пишу тебе письмо.

Я хотел напомнить тебе, что мысленно я все время с тобой. И хотя между нами тысячи километров, это всего лишь расстояние. Я чувствую себя прекрасно, потому что знаю: я поселился внутри твоего сердца. Надеюсь, и тебя радует то, что ты навсегда поселилась в моем сердце.

Ты мне нравишься, я люблю тебя, я желаю тебя, я обожаю

тебя и скучаю по тебе.

Знаешь, мне кажется, из-за твоего свитера рано или поздно возникнут проблемы. (Мы обменялись свитерами, чтобы надеть их на подушки вместо наволочек и по ночам чувствовать запах друг друга. Как, черт побери, романтично.) *Мне придется доставать его из носа хирургическим путем. Я сплю с ним в обнимку каждую ночь.*

Жизнь моя, желаю тебе хорошего утра.

Я люблю тебя и всегда буду любить тебя. Ты самое прекрасное, что произошло со мной.

Твой плюшевый мишка».

Я летала как на крыльях. Совсем скоро мы должны были увидеться снова. Он между тем уехал в Мелилью – городок в Северной Африке, принадлежащий Испании, но со всех сторон окруженный территорией Марокко и огороженный по периметру колючей проволокой. Хуанки уже не раз приглашали туда, чтобы он поднял уровень одного из ресторанов, который принадлежал бывшему местному депутату. Именно оттуда мой возлюбленный написал следующее письмо.

Тема: «Я люблю тебя»

«Сегодня я был в консульстве в Мелилье.

Если ты выйдешь замуж за испанца на территории Испании, тебе дадут двухлетнюю визу и право на работу и ты сможешь запросить гражданство Испании. Это делается чуть ли не автоматически через месяц после свадьбы. Чего я не знаю, так это того, сколько потребуется ждать до свадьбы.

Я знаю, что подобный ход событий покажется тебе слишком спешным, но, с моей точки зрения, это единственное разумное решение в нашей ситуации.

Если у нас не сложатся отношения (хотя не думаю, что это возможно), развод по обоюдному согласию обойдется нам в 1400 евро, а нотариально заверенное заявление о разделе собственности до брака, чтобы на тебя не переписали мои долги, – еще в 150.

Таким образом, мы могли бы жить в любой стране Европейского союза без визы.

Я уже поговорил с адвокатом: даже если меня признают виновным по суду с моей мамой, я смогу отсрочить приговор на шесть лет. То есть я смогу путешествовать без проблем.

Сегодня очень красивый день.

Я люблю тебя.

Я обожаю тебя.

Ты хочешь выйти за меня замуж?

Раз у нас нет другого способа быть вместе».

Я погасила экран телефона и, ошарашенная, села на диван.

Из динамика доносилась песня Нины Симон «Marriage is for old folks». Естественно, я ответила… «нет». Все мои бывшие делали мне предложение выйти замуж между прочим, на ходу. И сейчас я хотела, чтобы у нас с Хуаном Карлосом все было правильно, красиво, чтобы он опустился на одно колено и преподнес мне кольцо. Я написала ему об этом. Он ужасно обиделся.

Через полмесяца я снова приехала в Мадрид – уже на три недели, чтобы проверить, все ли будет так же радужно. Мой возлюбленный успел поменять работу и теперь трудился не утром и вечером, как почти все повара в Испании, а с шести утра и до четырех часов дня. Мы смогли проводить вместе еще больше времени. Все было по-прежнему прекрасно.

Все мои бывшие делали мне предложение выйти замуж между прочим, на ходу. И сейчас я хотела, чтобы у нас с Хуаном Карлосом все было правильно, красиво, чтобы он опустился на одно колено и преподнес мне кольцо.

Однажды утром я захотела посмотреть Эскориал – старинный архитектурный ансамбль с монастырем и дворцом, расположенный неподалеку от Мадрида. Рано утром мы вместе с Хуанки вышли из квартиры, он проводил меня до автобусной станции и я отправилась в путешествие. Над площадью Кастилии еще висела тьма; небоскребы выглядели суровыми и неприступными. Мне ужасно хотелось спать, потому что по ночам находились более увлекательные дела.

На станции в Эскориале я зашла в бар, чтобы узнать, куда двигаться дальше. За стойкой местные алкоголики уже пили пиво из каньяс (маленьких стаканчиков на 15–20 граммов) и ели тапас (небольшие, буквально на один зуб, порции закусок). Только спустя годы я поняла, что пить в Испании по утрам – совершенно нормально. Никто не удивится, если вместо кофе вы попросите к завтраку пиво, вино и даже коньяк. При этом наклюкавшихся в зюзю здесь гораздо меньше, чем в России. На ломанном испанском я спросила у хозяина, как добраться до королевского монастыря. Мне объяснили, но я ничего не поняла, в итоге пришлось достать телефон и воспользоваться электронной картой. Выпив кофе, я отправилась бродить по улицам. Светало, солнце красиво подсвечивало абсолютно пустынные улицы. Складывалось ощущение, что я гуляю по городу-призраку.

Наконец я добралась до дворца. Прямо скажу: мне, избалованной красотой Эрмитажа и других российских дворцов, Эскориал показался скромным. Серое здание, простое убранство – все в соответствии со спартанским вкусом короля Филиппа II, при

котором возвели этот комплекс. Первый камень был заложен в 1563 году, а уже через 21 год строительство завершили. Он был построен в честь святого Лаврентия, которого, по преданиям, изжарили на решетке, за его христианские убеждения. Король очень загорелся идеей соорудить монастырь именно здесь, после того как посоветовался с астрологами и прочими «волшебниками». Он лично контролировал возведение «чуда света», как он сам его называл. Эскориал представляет собой почти квадратное сооружение, в центре которого располагается церковь, к югу – монастырь, к северу – дворец; для каждой из частей предусмотрен свой внутренний двор. Если посмотреть на дворец сверху, он представляет собой решетку в память о той, на которой был изжарен святой Лаврентий. Бытуют разные мнения касательно энергетики дворца. Либо ее ругают, либо ею восхищаются. Люди по-разному отзываются о его энергетике, но мне местная атмосфера очень понравилась.

Я вспомнила, что Эскориал был одной из резиденций короля Хуана Карлоса в тот период, когда прославленный Гойя только начал роман с герцогиней Альба. Прогуливаясь, я вспоминала любимые сцены из романы «Гойя, или Тяжкий путь познания» Лиона Фейхтвангера и размышляла о том, что по большому счету за эти годы здесь почти ничего не изменилось. Казалось, будто время застыло. Вокруг высились горы, царила прохлада, а я, словно завороженная, бродила по просторным залам и пыталась представить, что чувствовал Гойя в стенах этого сооружения. Арагонский крестьянин, как он сам себя называл, в объятиях одной из самых желанных аристократок той эпохи.

> Только спустя годы я поняла, что пить в Испании по утрам – совершенно нормально. Никто не удивится, если вместо кофе вы попросите к завтраку пиво, вино и даже коньяк.

В Эскориале, кстати, есть и школа. Заметив ее, я подумала, что, наверное, было бы здорово учиться в подобном историческом месте. Я даже представила на миг, как по утрам привожу сюда Катю на машине…

Вечером я вернулась домой под большим впечатлением. В тот день я и предположить не могла, что с этим местом будут связаны очень важные для меня события. Никакие предчувствия меня не посетили, поэтому совсем скоро воспоминания о прогулке по Эскориалу поблекли и жизнь потекла по привычному руслу.

Мы снова гуляли по вечернему Мадриду, устраивали «тапастуры». В Испании, особенно в столице, не принято сидеть в одном баре весь вечер. Да и в принципе не принято сидеть за столом –

сначала мне было сложно к такому привыкнуть. Ты заказываешь бокал вина или пива, к нему подают тапас, ты выпиваешь напиток, закусываешь и идешь в следующий бар. Причем во многих заведениях есть свои фирменные блюда – вроде трески в панировке, которой славится ресторан Casa Labra в районе площади Пуэрта-дель-Соль, или крохотных бутербродов на рынке Сан-Мигель. Есть и места, где подают лучшие в городе сэндвичи с панированными кальмарами, пататас бравас (жаренные во фритюре ломтики картошки с острым соусом) или пинчос (бутерброды с различными салатами).

Жили мы в маленькой квартирке почти в самом центре, принадлежавшей отцу моего возлюбленного. Я уже знала, что Хуанки разорился в 2007 году якобы по вине жестоких банкиров, которые строили против него козни. Он потерял все и остался должен более полумиллиона евро. Поэтому он не мог ничего приобретать на свое имя. Вместе с ним разорились его бывшая жена, мать и несколько друзей, поверившие в его коммерческую жилку. Но он был уверен, что обязательно снова окажется на коне, и заражал меня этим чувством. Он постоянно генерировал идеи. Правда, пока не мог их реализовать. Однако я не сомневалась, что все впереди, ведь он все время читал кулинарные книги и упорно занимался самообразованием.

Между тем Хуанки выиграл дело, которое его мать возбудила против него, и был признан полностью невиновным. Похоже, я приносила ему удачу.

Дни бежали, я влюблялась все сильнее. Мы проводили вместе все свободное время. Хуанки был очень заботливым: мог проснуться в пять утра, чтобы перед работой приготовить мне на завтрак свежую тортилью – испанский омлет с картошкой и луком. И какая это была тортилья! Он и правда готовил как Бог. Мне, привыкшей к тому, что готовка неизменно ложилась на мои плечи, это казалось настоящим чудом. Олег, мой первый муж, готовил на моих глазах всего несколько раз. Первый – когда я только вышла из роддома; это была не очень съедобная картошка с курицей. Потом он попытался состряпать курицу на бутылке. И на этом его энтузиазм иссяк. В остальное время либо готовила я, либо он делал что-то унылое из полуфабрикатов. Сережа вообще относился к еде пренебрежительно. Он мог бесконечно питаться пельменями и запивать их водкой с кока-колой. Его максимум – жаренное на сковородке мясо.

Он был настоящим кулинарным маньяком.

Здесь, в Испании, я воспользовалась ситуацией и постаралась развить свою гастрономическую культуру, которая у меня, как и у

большинства соотечественников, отсутствовала. Мне непросто было осознать этот факт. Всю жизнь я считала себя вполне продвинутой в этом смысле: я много путешествовала и никогда не боялась пробовать новые блюда. Но то, как относился к еде Хуанки, – это абсолютно другой уровень, даже иное измерение.

Меня завораживала его увлеченность работой. Он был настоящим кулинарным маньяком. Обжарить лук до золотистой корочки, а потом добавить немного воды, чтобы он карамелизировался. Нарезать картошку так тонко, что она казалась практически прозрачной. Ингредиенты для паэльи (это что-то типа плова, но по-средиземноморски) подготавливать с особой тщательностью в течение часа, использовать три вида чеснока: мятый, рубленый и целые обжаренные зубки, – потому что каждый придает свой оттенок вкуса. Поехать в город за сотню километров от Мадрида, чтобы отведать поросенка в Сеговии, потому что именно там он бесподобен. Или в Авилу, чтобы попробовать фирменное мясо. Преданность Хуанки своему призванию покорила меня.

Мне всегда нравилось готовить, но в моем окружении не было людей, которые занимались бы этим профессионально. Если не считать мужа одной из моих подруг, который работал шеф-поваром во многих люксовых заведениях Москвы. Однако мы с ним не очень ладили. Впрочем, благодаря ему я попробовала фуа-гра, мясо крокодила, страуса и бегемота, которые, к слову сказать, меня не впечатлили. В остальном же мои познания о кухне разных стран ограничивались обедами во время туристических поездок и общением с многочисленными родственниками. Все они хорошо готовили. И все, естественно, учились у своих бабушек и дедушек, то есть по факту лучше всего я разбиралась в советской кухне. Добавьте сюда то, что мое детство пришлось на эпоху «развитого социализма», которая сменилась перестройкой с ее экономическими потрясениями. Короче говоря, лет до тридцати я не могла себе позволить покупать дорогие или экзотические продукты и ходить в мишленовские рестораны.

Преданность Хуанки своему призванию покорила меня.

Отчетливо помню, как впервые увидела конфету с нарисованным на обертке ананасом и приняла его за репку. И неудивительно: откуда мне было знать, как выглядят ананасы, если их никогда не бывало в магазинах? А вот еще одно детское воспоминание: мы с мамой стоим в очереди за яйцами, которые продаются почему-то в булочной; все пишут номер своей очереди

на руке, и мы 534-е! Или макароны по талонам; меня вписывали в карточку и к маме, и к папе, чтобы набрать побольше. Какая к черту высокая кухня!

Любимым блюдом были замороженные картофельные биточки в квадратной картонной коробке, в которых иногда попадалось что-то черное, чтобы создать иллюзию, будто они сделаны из настоящей картошки. Помню, как несколько месяцев мы ели только кнедлики – клецки из картофельной муки, отваренные в воде. Их подавали с соевым соусом и… все. Потому что в тот период денег не было вообще. Одной из моих любимых книг в детстве была «Румынская кухня». Я с упоением читала ее, хоть и не понимала половины слов. Все эти эндивии, бигусы, артишоки и прочее казались чем-то с другой планеты. Киви я попробовала в десять лет (его купили в «Березке»). Сейчас смешно вспоминать, но поначалу я не имела ни малейшего представления о том, как есть это волосатое чудовище.

В Европу я впервые приехала в шестнадцать лет и пережила самый настоящий шок: никогда прежде мне не доводилось видеть столько разных сыров и колбас, да еще в одном месте. Хороший стейк с кровью я попробовала в двадцать с лишним. Заказать его меня уговорил знакомый: до того момента мясо слабой прожарки вселяло в меня ужас.

И только в тридцать лет, вместе с Хуанки, я узнала, что такое дегустационный сет – набор, который состоит из пяти и более блюд (иногда их число может достигать двадцати), поданных маленькими порциями. В него входят холодные и горячие закуски, мясные и рыбные блюда, десерты. Какие именно – решает не посетитель, а повар. На мой взгляд, отличный способ попробовать все лучшие блюда ресторана за один прием пищи. Примерно тогда же я – опять-таки благодаря новому возлюбленному – впервые попала в мишленовский ресторан в Мадриде.

А еще Хуанки делал потрясающие фотографии еды. И этому я у него тоже училась. Когда-то я осваивала артхаусный кинематограф и авангардную музыку с Сережей или училась терпению и спокойствию у Олега, точно так же сейчас я впитывала информацию о работе со светом и постигала тонкости кулинарии. Все, о чем я даже не подозревала, становилось логичным и понятным.

Я уже говорила, что всегда предпочитала заниматься практикой с живыми учителями, а не зубрить теорию по книжкам. Так что мой будущий муж стал для меня истинной находкой и в этом смысле. Он знал о кулинарии все! Он собрал огромное количество кулинарных книг, которые впоследствии

путешествовали с нами из одной квартиру в другую, куда бы мы ни переезжали. Казалось, он мог сказать, как лучше всего приготовить абсолютно любое блюдо из всех, что существуют на свете.

Помимо всего прочего, у нас были схожие взгляды, привычки, ритм жизни, пристрастия в еде – да во всем, если честно. И не будем забывать о сексе. Мы могли заниматься им ночь напролет. С каждым днем, проведенным в Мадриде, я убеждалась: да, это он – мой единственный.

> Когда-то я осваивала артхаусный кинематограф и авангардную музыку с Сережей или училась терпению и спокойствию у Олега, точно так же сейчас я впитывала информацию о работе со светом и постигала тонкости кулинарии.

Стоит ли говорить, что не прошло и двух недель, как я согласилась. На что? Ну как же – разумеется, выйти замуж за Хуана Карлоса. Он не наседал на меня, но продолжал мягко настаивать на женитьбе. Нам ведь хорошо вместе? Хорошо. Мы ведь хотим провести друг с другом всю жизнь? Хотим. Но в Испании у нас для этого есть лишь одна-единственная очевидная возможность – вступить в законный брак. И я поддалась на уговоры. Директор того самого ресторана в Мелилье, в котором Хуанки обучал персонал и в котором собирался работать в дальнейшем, подыскал нам квартиру и уладил все формальности, чтобы мы смогли подать документы для регистрации брака. Самим сделать это – по крайней мере за те три недели – нам бы вряд ли удалось.

Итак, жизнь моя менялась – круто и, я надеялась, к лучшему. Но настолько быстро, что я не успевала как следует осмыслить перемены. Иногда я почти физически ощущала головокружение – и от счастья, и от неизвестности.

В ноябре Хуанки переехал в Мелилью, чтобы приступить к новой работе. Само собой, как верная жена декабриста, я отправилась с ним. Раньше я и не подозревала, что в Северной Африке есть испанский город. Хотя город – это громко сказано. Несколько квадратных километров, огороженных колючей проволокой, чтобы отпугнуть нарушителей границы. Но особого проку от нее не было. Если ехать ночью вдоль ограды, по другую ее сторону можно увидеть мелькающие то тут, то там фонарики: это те, кто мечтает попасть в Европу, ищут лазейку. Зато в Мелилье есть море и горы – и для счастья этого достаточно. Во всяком случае, так я считала тогда.

Впрочем, нырять в омут с головой я не хотела. Мне надо было

убедиться, что, помимо чудесной природы, на севере Африки найдется крыша над головой – и для меня, и для моей дочки. Хуанки не возражал, и мы договорились, что я съезжу туда на пару дней и осмотрюсь.

У моего возлюбленного была машина, на которую давно наложили арест из-за долгов, но которой он продолжал пользоваться, – красный «Фольксваген» с откидным верхом и автоматической коробкой передач. Последнее редкость в Испании: в основном здесь предпочитают более экономную механику, обращаться с которой я тогда не умела. Незадолго до поездки в Мелилью мы забрали автомобиль, стоявший в гараже у отца Хуанки. Я с удивлением обнаружила, что мой будущий свекор отнюдь не бедный человек. У него имелся огромный дом под Мадридом, а кроме того, другой – в Аликанте. Свекровь (уже вторая жена) сначала отнеслась к моему появлению скептически, но в конечном итоге полюбила меня всей душой, как, впрочем, все матери моих мужчин.

Выехали мы рано утром. Я чувствовала себя абсолютно счастливой, потому что за рулем сидел мужчина, от которого я была без ума и с которым собиралась начать новую жизнь в чужой стране. Хуанки предложил поехать через Гранаду, чтобы потом сесть на паром в Мотриле. Мы под завязку забили машину вещами и все же не смогли взять с собой очень многое. Не проблема, решили мы. Мне ведь надо было ненадолго вернуться в Москву, чтобы забрать Катю, так что на обратном пути я вполне могла захватить в Мадриде все, что не удалось взять сразу.

Погода стояла прохладная, но это ничуть не омрачало мою радость. Узкие улочки Гранады – некогда арабского города – завораживали. В Альгамбру, одну из главных местных достопримечательностей, мы не попали: выяснилось, что билеты туда надо заказывать заранее. Зато прошлись по всем барам. В этом регионе закуски к каждому напитку подают довольно увесистыми порциями. То есть, если выпиваешь два-три бокала вина, уже можно не обедать. Причем с каждым бокалом приносят тапас, в чем-то отличный от предыдущего. Так, мигас (традиционное блюдо из хлебных крошек) сменяется нежными тефтельками, а сальморехо (суп из помидоров и хлеба с большим количеством оливкового масла) – жаренными в тончайшей панировке рыбками, традиционными для Андалусии – южной части Испании.

После обеда мы двинулись в сторону Мотриля – крошечного города, где полным-полно марокканцев. Над морем начали собираться тучи, засверкали молнии. Я – в красном пальто, очень похожем на то, что носила Жюльет Бинош в фильме «Шоколад», –

как сумасшедшая бегала по пустынному песчаному пляжу, чувствуя себя повелительницей стихий.

Мы зашли в бар, расположенный прямо на пляже, и съели еще по одной порции жареной рыбы, запив ее бутылкой вина. Любопытно, что в Испании не отбирают права за повышенное содержание алкоголя в крови, а просто лишают баллов. Изначально у каждого водителя 8 баллов, их количество можно увеличить, если вы не нарушаете правил, или уменьшить, но для того, чтобы остаться без прав, надо сильно постараться. К тому же контрольные рейды устраивают либо ночью, либо днем в выходные. Так что никто ничего не боится. Я знаю немало людей, которые могут выпить бутылку вина, потом еще несколько чупитос (так называется рюмка сладкого крепкого алкоголя) и после этого отправиться домой за рулем.

В Мотриле мы сели на паром. Опасаясь морской болезни, я купила таблетки от укачивания. Стоял штиль, но нам предстояло провести четыре с половиной часа на борту судна, поэтому я предусмотрительно приняла лекарство. Возможно, сработало именно оно, а может, все дело в выпитом вине, в усталости и отчасти в беспокойстве (еще бы: я ведь ехала черт знает куда), но почти всю дорогу я проспала как убитая. Прямо за столиком на палубе, опустив голову на скрещенные руки. Когда паром зашел в порт, перед моим взором предстало необычное зрелище: короткая цепочка огней (как я позднее узнала, свет фонариков), а за ней – тьма, отвесные скалы и небольшая песчаная полоса. «И куда я прусь?» – пронеслось у меня в голове.

В Испании не отбирают права за повышенное содержание алкоголя в крови. Я знаю немало людей, которые могут выпить бутылку вина, потом еще несколько чупитос и после этого отправиться домой за рулем.

В порту нас встретил директор ресторана с женой. Он – низенький, она – на высоченных каблуках, от которых я почти отвыкла в Испании, и в безумно короткой юбке, напоминавшей скорее пояс. «Лурдес», «Анчид» – представились они. Мы расцеловались. Сейчас, спустя пять лет, проведенных в Испании, мне кажется абсолютно естественным целоваться с первым встречным (такова испанская традиция: вас с незнакомым человеком представляют друг другу, а потом вы целуетесь – и сразу после знакомства, и при дальнейших встречах), но я долго не могла к этому привыкнуть.

Еще не до конца придя в себя после утомительной поездки, я села в джип директора. Лурдес о чем-то меня спрашивала. Я что-

то отвечала, рассеянно глядя по сторонам. Мы ехали по главной улице. Низкие дома в колониальном стиле, большой парк, а за ним совсем уж диковинные строения, навевавшие воспоминания о моем первом свадебном путешествии в Тунис.

Наконец мы остановились у пятиэтажного дома. Анчид провел нас на второй этаж, открыл дверь и зашагал по длиннющему коридору. Повсюду валялись дохлые тараканы. Надо сказать, что я жутко боюсь насекомых. В том же Тунисе со мной случилась бурная истерика, когда я увидела в номере отеля какого-то летающего монстра. Я закрылась в ванной и заявила, что, пока Олег его не прикончит, не покину своего убежища.

– Да, только что потравили, – прокомментировал Анчид, заметив шокированное выражение на моем лице.

Убранство просторной гостиной: красный диван, картины с арабской вязью – свидетельствовало о том, что хозяин дома определенно марокканец. Кроме нее, в квартире обнаружились три небольшие спальни и две ванные. Обе ванны были покрыты толстым слоем извести: вода в Мелилье отвратительная. Если в Мадриде практически все пьют из-под крана, то в Северной Африке об этом остается только мечтать.

Центрального отопления в прибрежных районах Испании нет почти нигде, и эта квартира не стала исключением. В ней было холодно и неуютно. Я поежилась, но вслух сказала:

– Отличная квартира! Уверена, нам здесь очень понравится!

Анчид явно обрадовался. Мы проводили его и Лурдес до двери, после чего я села на диван и обхватила голову руками.

– Боже, да это самая настоящая задница мира! – произнесла я вслух.

– Вот увидишь, при свете тебе понравится больше! – заверил меня мой будущий муж.

Рано утром он ушел в ресторан, а я занялась уборкой. Магазинов в Мелилье было немного, и большинство представляло собой нечто среднее между «Копеечкой» и «Пятерочкой», которые я всегда недолюбливала. Я скупила все средства для борьбы с известковым налетом, какие нашла на полках, но состояние сантехники так и осталось плачевным. Кухня была огромной – гораздо больше, чем в Москве или в Мадриде. Я с грустью подумала о том, что мне будет не хватать достижений цивилизации. Несколько ободрял лишь тот факт, что скоро я выйду замуж за любимого человека.

Я вымела всех тараканов, обработала дезинфицирующими средствами все, до чего дотянулась, прикупила пару ковриков и картин, чтобы сделать дом

хотя бы относительно пригодным для жизни.

Когда Хуанки вернулся с работы и увидел, во что я превратила нашу квартиру, то на несколько мгновений лишился дара речи.

– Ты волшебница, – наконец сказал он.

Глава 3
Окончательно и бесповоротно

Я покидала Мелилью рано утром на «Фольксвагене» с откидным верхом. В багажнике лежала только маленькая дорожная сумка. Естественно, это вызвало подозрения у пограничников в порту. Они начали осматривать машину с собаками, отколупывать обшивку.

– А где хозяин машины?

В принципе вопрос был уместным: девушка с русским паспортом, вывозящая испанский автомобиль практически из Марокко… Я позвонила своему будущему мужу (он был на работе) и попросила подойти. Ресторан, где он работал шефом, находился рядом с портом, поэтому Хуанки тут же примчался.

– Я хозяин машины, – заявил он, после чего меня сразу же пропустили, даже не спросив у него документов.

Прилетев в Москву, я поняла, что очень соскучилась: по дочке, по друзьям, по бесконечным прогулкам, по любимым местам. Я снова окунулась в привычную повседневную суету: интервью, встречи с издателями и партнерами, съемки. Две недели пролетели как один день. Я собрала четыре чемодана и устроила раздачу «слонов». Одной из моих лучших подруг досталась елка с набором игрушек, стоивших целое состояние. Но не везти же их с собой! Олегу я оставила камин и кое-что из мебели. Моя тетя забрала книги и посуду из запасов бабушки. Мы с Катей договорились, что все ее игрушки перевезем из России постепенно. Понятно, что расстаться со всеми милыми сердцу мелочами я не смогла. Магнитики на холодильник, коллекция лягушек, которых я привозила из разных уголков мира, и, естественно, самые любимые туфли и одежда – все это отправилось со мной, хотя большую часть вещей пришлось раздать. А еще я взяла норковую шубу – длинную, широкую, предмет моей гордости. Я прекрасно понимала, что в Мелилье носить ее будет некуда, но и отдать ее у меня не поднялась рука. Как выяснилось чуть позже, я правильно сделала: шуба пригодилась тем же вечером. Но обо всем по порядку.

Мы прилетали в Мадрид в девять вечера, а спустя пару часов подъехали к квартире, где жили раньше. Уже в пять утра надо было выезжать в Малагу, чтобы успеть на полуденный паром. К тому моменту в машину нужно было загрузить все те вещи, которые мы с Хуанки не забрали с собой в ноябре.

Зайдя в квартиру, я вспомнила, что на дворе 23 декабря и что

в это время температура в Мадриде частенько опускается ниже нуля. В доме царил ужасный холод. Центрального отопления, как и во многих испанских зданиях, не было. Я попыталась включить кондиционер в режиме обогрева, но он отказался работать. Водонагреватель тоже не захотел со мной ладить. Я испугалась, что ночью мы просто замерзнем до смерти. И тогда я вспомнила бабушку. У нее, как у жены дипломата, было много шуб, и, когда дома становилось очень холодно, она накрывалась ими ночью. То же самое сделала и я. В ту ночь моя роскошная шуба сыграла роль одеяла.

Утром, забив «Фольксваген» до отказа, я еле запихнула в него дочку. Всю дорогу на Катю сыпались кулинарные книги – она недовольно бурчала, но терпела. Я, как обычно, несколько раз заблудилась, но на паром все же успела. Море было спокойным. Я заказала бокал вина, села на палубе, накрывшись шубой и включив музыку (в наушниках зазвучала песня Фрэнка Синарты «My Way»), – и почувствовала себя героиней старого голливудского фильма.

Добравшись до Мелильи, мы первым делом заглянули в ресторан Хуанки. Тот просиял от счастья, когда увидел меня. К моей огромной радости, они с Катей мгновенно понравились друг другу.

Почти сразу мы определили Катю, не знавшую ни слова по-испански, в школу. В Испании есть школы платные, бесплатные и «полуплатные», в которых родители вносят за обучение ребенка лишь небольшую сумму, а остальную часть берет на себя государство. Мы предпочли последний вариант. В первый день я отвела Катю в кабинет директора, пообещав, что она только посмотрит, как там, после чего мы вернемся домой. Но когда ей показали класс, она захотела остаться в школе до конца уроков. Уже через месяц дочка смогла достаточно свободно объясняться на испанском и завела друзей.

Я настояла на том, чтобы Катя шла в тот же класс, что и ее одногодки, поскольку была уверена, что она справится. Программа здесь гораздо сложнее, чем в русских школах: на Родине первоклашки в январе все еще учатся считать до десяти, а здесь уже умеют складывать и вычитать трехзначные числа. Я много занималась с дочкой, чтобы наверстать упущенное. Да и других дел у меня хватало: я продолжала писать книги и проводить семинары.

За пару недель до свадьбы любимый все же купил мне… кольцо для помолвки. За три евро. Я сама его выбрала. Когда-то давно у моего дедушки было такое же – из желтого пластика, отливающего перламутром; он подарил это кольцо мне, и

несколько лет я носила его не снимая. А потом, когда мне исполнилось восемнадцать, я завернула его вместе с другими своими амулетами и бросила в реку с любимого мостика у Третьяковской галереи, загадав найти мужчину, с которым смогу создать семью. Ровно через месяц я начала встречаться с Олегом.

За пару недель до свадьбы любимый все же купил мне… кольцо для помолвки. За три евро.

Увидев точно такое же кольцо в магазине, я попросила Хуанки купить мне его в качестве помолвочного. Конечно, мы условились, что когда он разбогатеет, то купит кольцо от Тиффани, которое мне очень нравилось. Но пока Тиффани не предвиделось…

Как-то январским утром я предложила поехать в Марокко.

– Ты хоть знаешь, что придется рулить километров пятьсот по разбитой дороге, прежде чем мы доберемся до приличного города? – спросил Хуанки.

– Ну необязательно же ехать в красивый город. Можем посмотреть тот, что в пяти километрах от нас, – ответила я с оптимизмом.

– Ну-ну, – усмехнулся он.

Мы довольно быстро прошли границу и покинули территорию Испании. Сразу же бросилась в глаза дорога – разбитая и узкая. Мимо нас проезжали такси, в которых люди набивались как селедка в бочку. В одном из них я насчитала десять человек! В легковой-то машине!

Катя проголодалась и закапризничала. Мы остановились у «Макдоналдса»: это было единственное место, выглядевшее достаточно чистым, чтобы покормить там ребенка. Я никогда не увлекалась фастфудом, за исключением, пожалуй, того непродолжительного периода, когда его поклонниками были все москвичи. Я имею в виду сумасшедшие очереди на Пушкинской, огибавшие почти весь бульвар. Но тогда я была совсем маленькой. Тем не менее забегаловку в Марокко я запомню на всю жизнь: большая пустынная терраса с видом на море. Вокруг ни души, повсюду тишина, вода спокойная – ни одной волны не заметишь, зато можно увидеть, как далеко-далеко на горизонте небо сливается с морской гладью. Я сидела на лавочке и любовалась безмятежным пейзажем. То, что мы находились в Марокко, придавало всему происходящему особый шарм.

Потом мы двинулись в город. Впечатление он произвел сильнейшее.

Забегаловку в Марокко я запомню на всю жизнь:

большая пустынная терраса с видом на море. Вокруг ни души, повсюду тишина, вода спокойная – ни одной волны не заметишь, зато можно увидеть, как далеко-далеко на горизонте небо сливается с морской гладью.

Жуткая грязь; запряженные ослами телеги, с которых местные жители ведут бойкую торговлю; грязные оборванные дети; полуразвалившиеся дома, в дверях которых висят драные занавески. Люди, опорожняющиеся прямо на улице; мужчины, сидящие в многочисленных чайных, потягивающие кальян и открыто глазеющие на меня; женщины в чадре. И запах – противная смесь терпкого аромата специй и жарящихся повсюду сладостей с вонью затхлой воды и пота. Такой Северной Африки я еще не видела, хотя неоднократно бывала в Египте и Тунисе.

Мы зашли в обшарпанное кафе и заказали марокканский чай – приторный мятный напиток, который подают в маленьких стаканчиках.

– Мы точно им не отравимся? – поинтересовалась я.

– Да нет же, я сто раз его пил, – отозвался Хуанки.

Но дочке я на всякий случай решила давать здесь только бутилированные напитки.

В Марокко я чувствовала себя очень неуютно: европейских лиц почти не было. Когда мы прошли границу, я чуть не поцеловала испанскую землю.

Мы немного отдохнули, а затем погуляли по рынку, где купили фигурки на свадебный торт. Выбор был невелик, и я взяла те, где у невесты были белые волосы. «Перекрашу!» – заявила я. Кроме того, набрали специй, еще какой-то ерунды, и наконец я сказала, что хочу домой. В Марокко я чувствовала себя очень неуютно: европейских лиц почти не было. Когда мы прошли границу, я чуть не поцеловала испанскую землю.

Между тем подготовка к свадьбе завершалась. Приглашения мне пришлось оформлять самой, потому что ассортимент в Мелилье оказался крайне бедным. Первым делом я попыталась найти открытки с готовым текстом, но большинство испанских шаблонов начиналось чем-то вроде: «Мы встречались семь лет и наконец решили пожениться». Здесь в принципе очень спокойно относятся к подобному раскладу. Люди могли завести детей, вырастить их, а потом вдруг связать себя узами брака. Я порадовалась, что Хуанки не такой. Тогда я решила вспомнить какую-нибудь фразу на русском и найти ее перевод на испанский. Во время одной из ежедневных прогулок по пляжу меня внезапно осенило: «Не было на свете двух сердец столь же открытых и

близких, вкусов столь же общих, чувств столь же согласных и душ столь же созвучных между собой». Эта цитата из романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение» подходила идеально. Через три дня все было готово к свадьбе.

И вот наступило 3 февраля – день нашей свадьбы. Платье я привезла из Москвы вместе с остальными вещами, то самое, которое купила, когда встречалась с Лешей-мафиози. С утра я отправилась к визажистке, которая потратила на меня несколько часов. Переполняемая радостным предвкушением, я повернулась к зеркалу – и в ужасе отпрянула: на меня смотрело что-то среднее между мертвой панночкой из гоголевского «Вия» и женой Люцифера. Я не стала ругаться – поблагодарила, расплатилась и… заново накрасилась сама. Получилось гораздо лучше. Уже потом я узнала, что в любом новом месте нужно прежде всего искать своего парикмахера, маникюршу, визажиста и косметолога, особенно в Испании, потому что здесь это настоящая проблема.

Первую брачную ночь нам предстояло провести в «парадоре» – так в Испании называют дорогие отели, которые располагаются в старинных замках или других зданиях, имеющих высокую историческую ценность. Из окон нашего номера открывался потрясающий вид на море и горы Марокко.

На свадьбу приехали моя тетя из Москвы, подруга из Сантьяго-де-Компостелы, с которой я познакомилась несколькими годами ранее, когда путешествовала по Испании, и еще одна моя подруга – Жека со своим бойфрендом Джеффом из Лос-Анджелеса. Может прозвучать странно, но Жека – сестра Сережи, моего бывшего; мы с ней крепко сдружились за те годы, что я жила с ним. Хуанки сильно нервничал из-за этого; он вообще оказался ревнивым, хотя всячески старался не подавать вида. Прилетели и наши общие друзья Хорхе и Мария – руководители крупной диетологической клиники в Мадриде. Все остальные гости были местными.

Анчид добился того, чтобы церемонию нашего бракосочетания провели в центральном холле мэрии – красивом помещении, отделанном в золотых и красных тонах, к которому вела деревянная винтовая лестница. Мы подключили скайп, чтобы те друзья и родные, которые не смогли прилететь на праздник, увидели нас онлайн. Ужин нам предложили организовать в ресторане, где работал мой будущий муж. Похоже, свадьба моей мечты все-таки станет реальностью. Если не брать в расчет отдельные мелочи. Например, то, что повенчаться по католическому обряду нам не удастся. Увы, перед «лицом Господа» Хуан Карлос сочетался браком со своей первой

супругой.

На улице стоял ужасный холод: сразу после торжественной церемонии выпал снег, чего в Мелилье не случалось уже много лет. Но мы с Хуанки всего этого не замечали, так как были полностью поглощены друг другом. Мое настроение не испортил ни серо-оранжевый торт вместо заказанного белого, ни кислая мина, не сходившая с лица хозяина ресторана (что меня удивляло, ведь он так старался, чтобы нам помочь).

Я воспользовалась поводом, чтобы продемонстрировать всем приглашенным свой певческий талант, и исполнила «Killing Me Softly» Синатры. А в качестве песни для нашего с Хуанки первого танца после долгих раздумий выбрала «Above the Law» Барбры Стрейзанд и Барри Гибба. Мой муж не умел и не любил танцевать, но в тот день сделал исключение. Когда же со мной пошел плясать свекор, Хуанки глазам не поверил. Он никогда не видел, чтобы отец танцевал, но тот души во мне не чаял и ни в чем не мог отказать.

На следующее утро мы вылетели в Севилью, в которой я еще ни разу не бывала. Там мы собирались провести несколько дней.

Все начиналось прекрасно. С нами поехали Жека и Джефф. Мы поселились в чудесном отеле в самом центре Севильи. Иногда мы гуляли все вместе, но чаще – вдвоем. Мы заходили в маленькие бары и пили сладкое апельсиновое вино (мое андалусское открытие), которое мягко обволакивает горло и заставляет забыть о любых проблемах. На обед заказывали местные традиционные блюда, которые я никогда раньше не пробовала: гаспачо (холодный томатный суп с большим количеством оливкового масла и хлеба), тушеные бычьи хвосты, таявшие во рту, и многие другие. Спелые апельсины падали с веток и разбивались об асфальт – весь город пропитался их ароматом.

В Севилью влюбляешься с первого взгляда – только не стоит ехать туда летом, когда город превращается в каменный мешок, в котором нестерпимая жара не спадает даже по ночам. Зимой – совсем другое дело.

К сожалению, безоблачным наш отпуск был недолго. Однажды часов в пять утра в номере раздался звонок. Я сняла трубку и услышала взволнованный Жекин голос:

– Катя, у нас проблемы! Джефф упал и ударился головой. Мы в больнице, а они ни черта не понимают по-английски. Вы можете приехать?

– Конечно, сейчас будем! Где вы?

В Севилью влюбляешься с первого взгляда – только

не стоит ехать туда летом, когда город превращается в каменный мешок, в котором нестерпимая жара не спадает даже по ночам.

Мы тут же собрались и выехали: я не могла отказать друзьям, попавшим в беду. Тем более что это не составляло особого труда. Но Хуанки – к моему удивлению и огорчению – явно разозлился.

– У нас медовый месяц!

– Я знаю, но у людей проблема. Мы не можем их так просто оставить!

– Они испортили нам все свадебное путешествие!

– Мне так не кажется!

И мне действительно так не казалось. Мне было приятно, что рядом есть кто-то близкий, да еще говорящий по-русски (в Мелилье я не встретила ни одного соотечественника).

Жека за время нашего с ней знакомства сделалась для меня почти родной. А здесь, в Испании, она стала чем-то вроде нити, связывавшей меня с прошлым. Я все еще не готова была полностью разорвать эту связь и без оглядки двинуться вперед.

Невзирая на ворчание Хуанки, мы забрали друзей из больницы и вернулись в отель.

Еще один странный инцидент произошел под конец медового месяца. Мы были в торговом центре, и муж ухватился за совершенно жуткие полосатые носки, которые якобы ему необходимы. Я рассмеялась и заметила, что он, наверное, шутит. Но он вдруг разнервничался и начал кричать, что имеет право покупать то, что ему нравится. Я опешила от такой реакции. Даже заплакала. Свадебное путешествие было испорчено, и я подозревала, что воспоминания об этой ссоре навсегда останутся в моей памяти.

Когда мы вернулись в Мелилью, жизнь потекла своим чередом. Сперва – относительно гладко, но мало-помалу неприятности стали накапливаться. Анчид все чаще задерживал зарплату из-за плохой наполняемости ресторана, Хуанки все сильнее нервничал. Я заметила, что Анчид проявляет ко мне слишком много внимания, но постаралась выкинуть эту мысль из головы: я очень любила Хуанки, а у Анчида имелись жена и трое детей. Он часто приглашал нас с Катей на разные мероприятия. Я ходила, но по возможности не обсуждала это с мужем. Не хотелось его волновать: он и без того был на взводе.

А после того, как хозяин задержал зарплату на два месяца, Хуанки окончательно пал духом. Спустя полгода после свадьбы он стал походить на призрака самого себя. Я тоже устала – настолько, что у меня не оставалось сил поддерживать его. Я и

так почти все это время тянула семью на себе. И речь идет не только о быте, но и о финансовой стороне.

Да, Хуан Карлос много работал. Но практически все заработанные деньги он отправлял детям от первого брака. А тут еще эти нерегулярные выплаты!

Лишь потом до меня дошло, что Анчид таким образом пытался выжить Хуанки. Хозяину давно не нравилось, что с появлением моего мужа на кухне постоянно возникали скандалы. Повариха-марокканка заканчивала каждый рабочий день в слезах. Да и остальные работники ресторана (все они были марокканцами) не переносили Хуанки на дух. Однажды в ответ на его замечание какой-то повар огрызнулся, началась перебранка, и зачинщик якобы приставил нож к горлу Хуанки, а тот, не растерявшись, приставил свой к горлу обидчика. Так выглядела версия моего супруга. Но, по рассказам всех остальных, правдивой была только концовка: мой муж в порыве ярости пригрозил повару ножом. Я не знала, чему верить и кто здесь прав, а кто виноват.

> С появлением моего мужа на кухне постоянно возникали скандалы. Повариха-марокканка заканчивала каждый рабочий день в слезах.

Но если бы дело было только в конфликтах на работе!

Бывшая жена Хуанки постоянно названивала, требуя денег для детей. Каждый такой разговор мой муж заканчивал криками, которые были слышны, наверное, во всех уголках Мелильи. Я успокаивала себя тем, что на меня он почти никогда не повышал голос.

Дни шли за днями, ситуация обострялась. И наконец мой муж сказал, что решил оставить работу. Я поддержала его, потому что не могла видеть, каким озлобленным и уставшим он возвращается домой по вечерам.

Однажды, чтобы хоть как-то порадовать Хуанки, я предложила:

– А поедем в Барселону?

– Но у меня нет ни копейки, я даже не заплатил алименты за этот месяц, – возразил он.

– Зато у меня есть. И я больше не могу здесь сидеть, словно взаперти, мне хочется развеяться. Только не в Марокко, если можно. – Меня аж передернуло, когда я вспомнила нашу последнюю поездку в соседнее африканское поселение.

– Ну хорошо, поехали! – на удивление быстро согласился он.

Я забронировала каюту на пароме и место для машины, и уже через несколько дней мы втроем стояли на палубе. Несмотря на

чудесную погоду и предстоящий отдых, мой муж выглядел озабоченным и нервным. Я надеялась, что смена обстановки ему поможет. Но, вероятно, для этого требовалось нечто большее, чем переезд из одного испанского города в другой.

Я принялась перебирать в уме одну идею за другой и нашла беспроигрышный, на мой взгляд, вариант. Мы гуляли по Барселоне – я и внезапно предложила мужу отправиться в Венецию на машине.

– Но это же больше тысячи километров?! – изумился Хуанки.

– Ну и что? Я в Киев доезжала из Москвы за день, а это восемьсот с лишним километров. Мы можем останавливаться по дороге и ночевать в городах, которые я еще не видела. Смотри: Марсель, Ницца, Генуя и Венеция. По пути заедем на озеро Гарду. – Я показывала ему маршрут на экране телефона.

– Ты сумасшедшая, но за это я тебя и люблю, – восхитился он. – Есть только одна проблема.

– Какая?

– У тебя нет документов. Только бумага, разрешающая тебе перемещаться по территории Испании, не покидая ее пределов. – Муж попытался вернуть меня на землю.

– И? Ты когда-нибудь видел, чтобы на дорогах внутри Евросоюза проверяли документы?

– И еще машина принадлежит банкам.

– Ну и что? Испанским, не итальянским же, – рассмеялась я в ответ.

В итоге мы двинулись вдоль побережья. Зимой Лазурный берег выглядел заброшенным. Полупустые рестораны и улицы, тихие угрюмые пляжи – все они казались мне очень похожими.

– Ты сумасшедшая, но за это я тебя и люблю, – восхитился он.

В Ницце мы объелись устрицами и покатались на чертовом колесе (его тогда еще не демонтировали). Хуанки явно начал отходить от нашей жизни в Северной Африке.

Генуя поразила меня красотой и величием, неким специфическим духом. Мы побродили по улицам, но совсем недолго: сразу после обеда надо было выдвигаться, потому что вечером нас ждали апартаменты в Венеции. Мы нашли маленький уютный ресторан и заказали еду. Увы, обслуживали там очень медленно. К тому времени, когда наш заказ соизволили принести, я уже умирала от голода. Не выдержав, я вгрызлась в хрустящую корочку хлеба. Раздался треск. «Мой зуб!» – воскликнула я. Обломилась почти половина. Только я могла сломать зуб о свежий хлеб!

В Венецию мы приехали поздно вечером. Я часто здесь бывала, и этот город ни разу не обманул моих ожиданий. Никогда не понимала тех, кто жалуется на неприятный запах от воды или на промозглую погоду. Для меня Венеция неизменно оставалась прекрасной. Я знала каждую улочку, каждый канал.

Хуанки ходил, восхищенно оглядываясь по сторонам; Катя жаловалась, что все какое-то обшарпанное. Я взяла ее за руку, села рядом с ней на набережной, показала возвышавшийся напротив дворец, тускло подсвеченный желтоватыми фонарями, и сказала:

– В увядании и есть главная прелесть Венеции. Она как осень. Каждая трещинка этого дома несет в себе кусочек его истории. Все эти потертости и осыпающаяся штукатурка говорят о том, что дом выстоял, хотя ему пришлось нелегко. Здесь каждый камень дышит прошлым. Гулять по Венеции все равно что путешествовать во времени: наверняка на этой улице ничего не изменилось за последнюю сотню лет. Запомни это, пожалуйста. В старости тоже присутствует красота. Когда-нибудь и ты состаришься, и к тому времени ты должна научиться ощущать себя красивой, несмотря на возраст и морщины. Наоборот, именно они украсят тебя, они станут символом того, что ты через многое прошла, но выстояла.

Я заглянула дочке в глаза. Мне показалось, что она поняла меня. По крайней мере с тех пор она больше не жаловалась на обшарпанные здания ни в Венеции, ни в каком-либо другом уголке мира, а наоборот, стала привлекать мое внимание к старинным постройкам, которые ей понравились.

> Гулять по Венеции все равно что путешествовать во времени: наверняка на этой улице ничего не изменилось за последнюю сотню лет.

Наши апартаменты располагались на узкой улочке недалеко от канала. Квартира была просторной и чистой, тем не менее чувствовалось в ней что-то зловещее. Картина, нарисованная в нише на стене гостиной, напоминала портал в параллельный мир. В спальне стояла кровать с пологом. Снаружи не доносилось ни звука. Когда я впервые вошла внутрь, мне стало не по себе.

Мы часами гуляли по городу, катались на гондоле и вапоретто – маршрутных теплоходах (других видов общественного транспорта в Венеции нет). На обед покупали всякую ерунду, чтобы не тратить на еду слишком много денег: рестораны здесь всегда были недешевыми.

Накануне отъезда я повела семью по своему любимому маршруту. Сначала – к собору Санта-Мария-делла-Салюте. Его

построили в конце XVII века в честь окончания эпидемии чумы, от которой погибло более трети населения города. Собор знаменит тем, что для его строительства использовали свыше миллиона деревянных балок. Он возвышается над городом, и его видно из разных точек Венеции. Если затем пройти вперед, до конца косы, доберешься до большой воды; оттуда открывается прекрасный вид на площадь Святого Марка. На краю косы стоит мальчик с лягушкой – белоснежная скульптура, работа какого-то современного художника. Сюда я обычно прихожу, чтобы выпить принесенный с собой «Беллини» – традиционный местный коктейль, который готовят из персикового пюре и просекко – итальянского шампанского.

День выдался холодный, но мы с Хуанки распили бутылку «Беллини». Я была абсолютно счастлива. Наверное, то был один из последних дней, когда я так себя чувствовала. Я смотрела на воду, и радость переполняла меня. Хорошо помню, как Хуанки сказал:

– Меня поражает в тебе то, что ты способна так радоваться, просто созерцая воду.

– В солнечных бликах на воде я вижу свое прошлое, настоящее и будущее, – ответила я.

Он поцеловал меня.

Тем временем зуб, сломанный в Генуе, с каждым днем болел все сильнее. В день перед отъездом я не могла ни спать, ни есть. Мы решили найти англоговорящего стоматолога на озере Гарда, потому что в Венеции с нас наверняка содрали бы втридорога. Когда мы добрались до места, я страшно обрадовалась, увидев объявление: «Кабинет стоматолога. Мы говорим по-английски». Мы сразу рванули туда.

Врач держалась очень приветливо, а из ее кабинета открывался невероятный вид: все озеро Гарда лежало передо мной, как на ладони. Я подумала, что за красоту определенно придется доплатить. Так и произошло: 500 евро за один зуб. Меня едва инфаркт не хватил, но другого выхода не было. До Испании я бы не доехала. Когда я вышла из кабинета, то увидела, что Катя плачет, а Хуанки сидит мрачнее тучи.

– Что случилось? – заволновалась я.

Я подумала, что за красоту определенно придется доплатить. Так и произошло: 500 евро за один зуб. Меня едва инфаркт не хватил, но другого выхода не было.

– Она крутила своего резинового уродца, он лопнул, и весь пол в приемном покое покрылся слоем цемента. Мне пришлось убирать, – злобно отозвался муж.

Тут надо заметить, что на днях я купила Кате резинового шалтая-болтая, набитого цементом. Его можно вертеть как хочешь, и дочка всю дорогу сосредоточенно теребила игрушку.

– Он сказал: «Гато капут», и провел рукой по своей шее, – всхлипывала дочь. Катя уже хорошо понимала испанский, но Хуанки, очевидно, решил объясниться с ней более доходчиво. Вероятно, речь шла про дышащего кота, которого мы тоже купили ей в Венеции.

– Нельзя наказывать ребенка, забирая игрушку, когда другая и так сломалась, – покачала я головой.

Хуанки был так зол, что даже ничего не ответил. Мое настроение резко испортилось. Остаток поездки мы провели почти в полном молчании. Катя капризничала, он ругался, а я разочарованно вспоминала свои надежды на то, что путешествие разрядит обстановку.

В Мелилье Хуанки с первого же дня начал твердить, что мы должны вернуться в Мадрид, что здесь он не найдет новую работу, что замкнутое пространство его угнетает. Это отчасти было правдой. Чтобы выбраться из города, требовалось заплатить не менее трехсот евро на семью. Поэтому большинство людей покидало его крайне редко.

Как только мы с Катей получили вид на жительство в Испании, муж с удвоенной силой принялся настаивать на возвращении в столицу. Я до того устала от постоянного прессинга с его стороны, что согласилась, хотя мысль об очередном переезде меня совершенно не прельщала. Их и так было слишком много в нашей с дочкой жизни.

Анчид, задерживавший зарплату, согласился выплатить ее перед самым нашим отъездом. Хуанки не хотел его видеть и попросил меня забрать деньги у бывшего директора. Мы встретились в кафе.

– Значит, уезжаете? – печально спросил он.

– Ну а что нам делать? Хуан Карлос не найдет здесь работу. Да и мне в Мадриде будет веселее, – отозвалась я.

– Катя, я должен тебя предостеречь. Хуан Карлос не совсем нормален. Я подумал об этом, еще когда увидел его фотографию на удостоверении личности, – продолжил он.

«Все мы не идеальны на фото в паспорте!» – мысленно огрызнулась я. А вслух сказала:

– Анчид, я догадываюсь об этом. Но что я могу сделать? Мы уже поженились, я привезла сюда дочку, она пишет по-испански лучше, чем по-русски. Для нее было бы слишком большим стрессом снова начать все сначала. Я потратила кучу денег на переезд. Я не могу сейчас все бросить. И потом… я люблю его.

Анчид взял меня за руку.

– Тогда желаю тебе удачи. Ты знаешь, я всегда буду тебе рад. И еще кое-что. Я люблю тебя. – Он пристально смотрел мне в глаза.

На несколько мгновений я растерялась, поскольку не ожидала от него подобной откровенности, но тут же собралась:

– Спасибо, Анчид! – Я поцеловала его в обе щеки. – Передай привет Лурдес.

Упоминание о жене слегка выбило его из колеи. Но, выходя из кафе, я спиной чувствовала его взгляд. Только теперь я поняла, почему он так старался помочь с документами и со свадьбой (иначе я бы просто-напросто не приехала в Мелилью, и он лишился бы возможности видеться со мной) и откуда взялась кислая мина в день бракосочетания. Он влюбился в меня по фотографии, которую Хуанки, хвастаясь, показал ему, но боялся в этом признаться.

Глава 4
И в горе, и в радости

Когда мы только познакомились, я заметила у Хуанки на животе огромные шрамы. Он объяснил, что раньше тоже был очень полным – весил 180 кг, из-за чего прошел через несколько операций, начиная от установки специального бандажа, утягивающего желудок, и заканчивая так называемым байпасом (шунтирование желудка, за счет чего уменьшается его объем).

Добавьте сюда несколько операций на сердце и прочие «мелочи». После каждого хирургического вмешательства ему вшивали специальную сетку взамен урезанных мускулов. Таким образом в теле Хуанки оказалось несколько слоев сетки, из-за которых окружающие ткани периодически воспалялись. Однако он жил с этим уже долго и болей практически не испытывал. К тому же он не хотел прерывать работу ради лечения, ведь ему нужно было платить алименты на детей. Дети же, в свою очередь, появлялись лишь для того, чтобы получить ежемесячную мзду или подарки на день рождения и Новый год. В остальное время они мало интересовались делами отца. Двадцатилетняя дочь ничем не занималась – сутками сидела на диване и толстела: ее вес давно перевалил за сотню. Сын учился в школе и подрабатывать не стремился. Бывшая жена получала так мало, что этих денег не хватило бы, чтобы сводить концы с концами. Тем не менее она не хотела ни переехать в квартиру попроще, ни выгнать деток на работу.

Надо отметить, что это весьма традиционно для Испании. Здесь никого не удивляет, когда сорокалетний сын живет с матерью на ее пенсию, никто не гнушается получать от родителей помощь. Помогать родителям? Нет, не слышали!

Едва мы переехали из Мелильи в Мадрид, Хуанки резко стало хуже. Старые раны начали болеть, и постепенно боль распространилась почти на всю грудную клетку и живот. Он с упорством, достойным лучшего применения, не шел к врачу, а глотал обезболивающие таблетки горстями. Я пыталась повлиять на него, но он не внимал доводам рассудка.

Так продолжалось до первого действительно серьезного инцидента. На дворе, кажется, стоял апрель. Муж все еще не нашел работу, и настроение его было хуже некуда. Вот уже несколько дней он то и дело срывался на нас с Катей без причины.

Здесь никого не удивляет, когда сорокалетний сын живет с матерью на ее пенсию, никто не гнушается получать от родителей помощь. Помогать родителям? Нет, не слышали!

В какой-то момент я даже заявила, что собираюсь вернуться в Москву, и начала паковать вещи в чемодан: жить в подобной атмосфере мы с дочкой не могли. Хуанки долго упрашивал меня остаться, и я, вспомнив, что люблю его и что у всех бывают тяжелые времена, согласилась.

Следующее утро началось со скандала. Я загрустила и подумала: «А надо ли мне это?» Днем истерика усилилась: Хуанки не переставая кричал на меня и Катю. Я, обычно спокойная и редко повышающая голос даже на дочку, не выдержала и стала орать в ответ.

Я уже упоминала, что у меня аллергия на ор в доме. И до сих пор моя семейная жизнь как-то обходилась без громких ссор. Мой первый муж, Олег, повысил на меня голос всего один раз. С Сережей мы ругались часто, но спокойно. Лишь однажды я вспылила (по объективной причине) и в сердцах разбила стакан о раковину. Да и Сережа накричал на меня только раз – за неделю до того, как мы расстались. И это был последний день, когда мы спали в одной постели. Но с Хуанки мы все чаще орали друг на друга. Поначалу я старалась контролировать себя, но в конце концов не выдерживала. Когда он впадал в истерику, ничем, кроме криков, пронять его было невозможно.

После обеда муж принялся обвинять меня в том, что я ему изменяю, – совершенно безосновательно, потому что я никогда не давала повода для ревности. Я поинтересовалась, где и когда я могу встречаться с любовником, если мы по двадцать четыре часа в сутки проводим вместе? Однако мои резонные доводы не подействовали на него.

– Ты мне изменяешь! – Он почти трясся от злости.

– Любимый, но зачем мне это? Даже если бы у меня было время, ты же знаешь, как ты мне дорог. К тому же меня полностью устраивает секс с тобой.

– Нет, ты врешь! – В этот миг мой телефон зазвонил: со мной хотела поболтать Айноа, наша общая подруга. – Вот! Твой любовник уже звонит посреди бела дня!

– Посмотри, это же Айноа! – Я ткнула ему в нос телефон с высвечивающимся именем. – Что за бред ты вбил себе в голову?

– Ты специально записала его под именем Айноа. – Вместо ответа я включила телефон на громкую связь.

– Айноа, привет! У нас тут проблемы. Подтверди,

пожалуйста, что ты не мой любовник.

Я не знала, смеяться или плакать. Хуанки из кухни продолжал что-то кричать про любовника.

– Да что у вас там происходит? – Голос подруги звучал испуганно.

– Сама не понимаю. Хуан Карлос вбил себе в голову, что у меня есть любовник, и я никак не могу вразумить его.

– Хуанки, это я, Айноа!

– Я не позволю себя обмануть, – отозвался он.

– Но ты же слышишь: это голос Айноа!

Ситуация стала настолько абсурдной, что я, не выдержав, сорвалась на крик. Катя закрылась в своей комнате, чтобы не слышать всего этого. И тут до меня дошло, что с мужем, видимо, что-то серьезно не так: его поведение определенно не было адекватным.

– Айноа, давай встретимся прямо сейчас! – попросила я. – Иначе я сойду с ума. Я больше не могу. Это продолжается третий день.

– Конечно, дорогая! Буду ждать на станции «Кинтана».

– Ага, ты уже планируешь с ним встречу! – выкрикнул из кухни Хуанки.

– Ты болен.

Я взяла Катю, и мы покинули квартиру.

Пока мы шли к метро, муж слал мне одну эсэмэску за другой, в которых то оскорблял меня, то признавался в любви. Мне все это осточертело, я и выключила телефон. Приехавшая Айноа выглядела озабоченной. Мы нашли столик в ближайшем баре, и я пересказала ей последние события.

– Катя, это ненормально, – после длинной паузы произнесла она.

– Знаю. Но что мне делать? Катя лучше говорит и пишет по-испански, чем по-русски. Я потратила на переезд баснословную сумму, потеряла кучу полезных контактов в Москве… И потом, я только начала привыкать к жизни здесь. Не хочу снова ставить все с ног на голову. У меня нет сил. За последние три года я пережила пять переездов. Пять! Еще один, тем более в Россию, я не выдержу. И… я по-прежнему люблю его. Но даже если бы и нет: он болен, а я не могу оставить человека в таком состоянии. Наконец, стоит мне развестись с ним, я потеряю право на проживание в Испании. А ведь мы уже подали документы на гражданство.

Я расплакалась. Айноа принялась успокаивать меня, но, несмотря на слова утешения, боль и страх не отпускали меня: я совершенно не понимала, что делать. Никогда прежде я не

сталкивалась с подобными ситуациями. Раньше я всегда могла встать и уйти, но сейчас словно попала в западню.

Через пару часов мы с подругой распрощались – пора было возвращаться домой. Хуанки, казалось, немного успокоился. Он опять попытался выяснить отношения, однако накал страстей поутих.

> У меня нет сил. За последние три года я пережила пять переездов. Еще один, тем более в Россию, я не выдержу.

А наутро муж проснулся как ни в чем не бывало. Он был приветлив, целовал и обнимал меня – словом, вел себя так, будто в последние дни мы не ругались беспрерывно. Заметив, что я напряжена, он спросил, что случилось.

– Ты три дня орал на меня. Как я могу делать вид, что ничего не случилось? – отозвалась я, чувствуя опустошение внутри. – Мне нужно время, чтобы отойти.

– Вечно ты все усложняешь, – фыркнул он, явно не понимая, в чем проблема.

Жаль, что наше хрупкое перемирие продлилось недолго. Ссоры с криками по поводу и без стали возникать все чаще. Я по возможности старалась не обращать на них внимания.

Здоровье Хуанки тоже с каждым днем ухудшалось.

Следующей зимой мы переехали в другую квартиру. Прежняя располагалась на первом этаже, и меня коробило оттого, что под окнами целыми днями шастали люди. Кроме того, в доме вечно царили темнота и сырость. Новую квартиру мы сняли в том же районе. Сама по себе она была маленькой и заброшенной. Четыре комнаты, скорее походившие на клетушки: гостиная, в которой помещались только диван и телевизор; Катина комната, где стояли ее кровать и комод; наша спальня с большой кроватью и двумя тумбочками; мой кабинет и одновременно гардеробная. На кухне едва ли смогли бы развернуться два человека – а я-то думала, что кухонь меньше, чем в советских хрущовках, не бывает. Зато в этой квартире имелась огромная терраса – 80 квадратных метров. Она-то меня и покорила.

Несколько месяцев мы потратили на благоустройство нового дома. Я скупала растения, как сумасшедшая (видимо, дали о себе знать бабушкины гены: она обожала садоводство). Первые цветы, которыми я украсила террасу, завяли довольно быстро, но я купила другие – и они прижились. Я чрезвычайно гордилась этим, потому что раньше любые растения у меня начинали хиреть буквально через неделю.

На Новый год мы решили куда-нибудь уехать из Мадрида.

Отыскав дешевые билеты в Женеву, я тут же их забронировала, так как еще не бывала в Швейцарии. Когда же я стала подсчитывать, во сколько обойдется поездка, у меня волосы на голове встали дыбом. Гостиницы, еда, транспорт – все было очень дорогим. Тогда Хуанки предложил:

– Давай прилетим в Женеву, на арендованной машине за несколько дней пересечем Швейцарию и двинемся во Францию? Смотри, – он показал мне карту на ноутбуке, – из Женевы поедем в Цюрих, потом в Страсбург, потом в Реймс – столицу шампанского, а оттуда недалеко до Парижа. Встретим в Париже Новый год и через Дижон вернемся в Женеву. Если захочешь, сможем заскочить в Лез-Арк. Это же там твоя подруга будет кататься на лыжах как раз в то время? Всего чуть более полутора тысяч километров за две недели. Немного, правда?

План показался мне идеальным. Я забронировала машину и отели. В назначенный день мы вылетели в Швейцарию. Началось путешествие отлично, но в Париже настроение у мужа испортилось.

Новый год мы решили праздновать у Эйфелевой башни, захватив стеклянные бокалы и бутылку дорогущего шампанского «Кристалл», которое я давно мечтала попробовать. На улице дул противный ветер. По дороге Хуанки постоянно ворчал, а потом, прицепившись к каким-то моим словам, устроил склоку. Мне хотелось плакать: я-то надеялась, что у нас будет идеальный Новый год. Когда мы почти дошли до моста Александра III, мужа немного отпустило:

– Прости. Именно 31 декабря моя мать подала заявление в полицию, и с тех пор я в этот день всегда не в духе.

Новый год мы решили праздновать у Эйфелевой башни, захватив стеклянные бокалы и бутылку дорогущего шампанского «Кристалл», которое я давно мечтала попробовать.

– Да уж, я заметила. Но ведь столько лет прошло, сейчас все изменилось: ты со мной, ты меня любишь, а я люблю тебя. Вся эта история осталась в прошлом.

– Тебе легко говорить.

«Да мне вообще всегда легче всех, черт возьми! Везти на себе всю семью, терпеть твои приступы… Как же меня все достало!» – пронеслось у меня в голове, но вслух я ничего не сказала. Не хотелось в такой день разругаться всерьез.

За два часа до Нового года пошел мелкий дождь. Чтобы не промокнуть и хоть чуть-чуть согреться, мы сели на прогулочный кораблик, и я немного отвлеклась от печальных мыслей. Сделав

круг по Сене, мы вернулись на берег и направились к Эйфелевой башне, у которой уже собралась толпа. До двенадцати оставалось минут сорок. Дул пронизывающий ветер, дождь усилился, зонтики мы с собой не захватили, поэтому промерзли до костей. Катя стоически терпела холод и не жаловалась.

Мы спрятались под мостом вместе с группками арабов и негров, которые подозрительно смотрели на нас. Я постаралась не думать о плохом и предложила открыть шампанское. Разлив напиток по бокалам, мы чокнулись, я с замиранием сердца отхлебнула… и едва не выплюнула.

– Какая кислятина! Целых 170 евро – и коту под хвост!

– Да уж, я ожидал большего, – ответил муж, который раньше тоже не пробовал «Кристалл».

– Можешь считать, что у меня нет вкуса, но по мне, у этого шампанского просто хороший пиар, – рассмеялась я.

Мы перешучивались, пили кислое шампанское, приплясывали от холода на месте. Словно по волшебству, нас обуяло веселье. В глубине моей души тлела тревога, но я изо всех сил поддерживала новогоднее настроение.

Наконец на башне загорелись огни. Когда отгремел салют, море людей устремилось прочь от набережной. Мы подошли к входу в метро, но он был закрыт.

– Черт, я же читала, что метро будет работать до двух ночи. Ну ничего, сейчас поймаем такси.

> «Да мне вообще всегда легче всех, черт возьми! Везти на себе всю семью, терпеть твои приступы… Как же меня все достало!» – пронеслось у меня в голове, но вслух я ничего не сказала. Не хотелось в такой день разругаться всерьез.

Однако воплотить эту идею в реальность оказалось непросто. Такси запрудили всю набережную, вот только ни на одном из них не горел заветный зеленый фонарик. Все были заняты. Я занервничала:

– Черт, черт! Наш отель у черта на рогах! Как мы дойдем до него? Мы же и так промокли насквозь!

Но делать было нечего, и мы уныло поплелись пешком в сторону гостиницы, постоянно натыкаясь взглядом на предательские красные огоньки. Когда силы окончательно нас покинули, я увидела двух полицейских и решила выяснить, почему не работает метро.

– Так оно работает! – отозвались они.

– Как работает?! Станция около башни была закрыта.

– Конечно, центральные станции всегда закрывают.

– А где ближайшая открытая? – с надеждой спросила я.

– Да прямо за углом, – ответили стражи порядка.

Мы радостно нырнули в спасительную подземку. Я посмотрела на карту и уверенно двинулась к поезду. Вагоны были пустыми – но лишь до следующей остановки: там творилось нечто страшное. На платформе толпились в основном арабы, причем не самого благополучного вида. Они врывались в вагон так, будто совершали разбойное нападение. Я отодвинула Катю к двери и прикрыла собой, чтобы ее ненароком не задавили. После того как посадка закончилась, я принялась рассматривать висевшую передо мной карту, и меня внезапно осенило: мы едем не в ту сторону!

– Черт, черт, на следующей выходим! – скомандовала я. – Прости, дорогой, кажется, я отморозила себе последние мозги. Мы едем в обратную сторону.

Только я могла так ошибиться! Гомерически смеясь, мы вышли из вагона… и услышали объявление: «Последний поезд на сегодня ушел. Просьба освободить платформу. Станция закрывается».

Тут я использовала более жесткие выражения! Вот уж повезло так повезло.

Мы поднялись наверх. Теперь до отеля пришлось бы топать два часа.

– Давайте поступим так. Сядем в каком-нибудь баре и вызовем такси по телефону. Даже если оно приедет нескоро, по крайней мере мы будем в тепле, – предложила я.

И в этот момент показался зеленый огонек. Мы спасены! Я выбежала на середину дороги и, размахивая руками, успела привлечь внимание водителя раньше, чем остальные бедолаги. Добравшись до отеля, мы с мужем растерли дочку водкой и уложили спать, а сами плюхнулись отмокать в горячую ванну.

Остаток каникул пролетел незаметно, и пятого января мы вернулись домой.

Главная цель поездки была достигнута: мы с Хуанки перестали ссориться. Несмотря на парижские злоключения – а может, и благодаря им, – я поверила (или притворилась, будто поверила), что отныне жизнь наладится. Ведь мы семья! Просто у мужа был плохой период. А у кого их нет? Все навалилось сразу – проблемы с работой, с деньгами, со здоровьем. Но рано или поздно черную полосу обязательно сменит белая. Так я себя убеждала.

Меж тем боли у мужа усилились, и я уговорила его обратиться к врачу. Тот провел обследование, диагностировал внутреннюю инфекцию с обильным скоплением гноя, прописал

морфины и велел дожидаться операции. Отмечу кстати, что в Испании никто и никуда не торопится, если нет крайней необходимости. Медиков это тоже касается. Вы приходите к семейному врачу, он вас осматривает и, когда требуется дополнительное исследование или, допустим, хирургическое вмешательство, записывает в очередь. Если речь не идет о чем-нибудь сверхсрочном – а с точки зрения испанских медиков, почти все может подождать, – то в лучшем случае вам сделают томограмму, УЗИ и рентген лишь через несколько месяцев, а спустя еще полгода вас, возможно, прооперируют.

Ожидание давалось Хуанки тяжело: под конец он уже не мог выносить боль и начал клеить морфиновые пластыри, увеличив при этом и без того немалую дозу алкоголя. В день он выпивал бутылку водки, смешанной с кока-колой и льдом. Стоит ли удивляться, что его характер опять испортился?

Однажды утром у мужа снова началось «обострение». Он проснулся не в духе, обругал даже нашу морскую свинку, и я с ужасом поняла, что неделя предстоит сложная. А ведь я планировала ударно поработать! Только его истерик мне и не хватало!

К обеду Хуанки стал совершенно невменяемым. Катя была в школе, и он явно отводил душу. В гости заглянул его сын Карлос, мы пообедали, выпили пару коктейлей, и тут разыгралась комедия абсурда. Не помню, из-за чего муж вызверился, но он полчаса орал на меня, после чего ушел на террасу и улегся на холодный пол, накрывшись покрывалом от дивана. Я последовала за ним.

– Ты простудишься, и тебе станет еще хуже. Пожалуйста, переляг на диван, – попросила я.

– Иди к черту! Ты достала уже!

– О'кей, я пойду, но только после того, как ты переляжешь. Я не хочу, чтобы в придачу ко всему ты заполучил воспаление легких. – Голос мой был тверд и спокоен.

– До чего ж ты мне надоела! Не выношу тебя! – таков был ответ.

Я вернулась на кухню и залпом выпила бокал вина. Мне потребовались все силы, чтобы не сорваться. Он тем временем перебрался в гостиную и лег на диван, но орать на меня не перестал.

– Прекрати, пожалуйста, – попросила я. – Я тебе ничего плохого не сделала.

– Да ты испортила мне всю жизнь!

– Приятно это слышать. Особенно после всего, что я от тебя вытерпела, и после всех твоих капризов, которым я потакала.

Он проснулся не в духе, обругал даже нашу морскую свинку, и я с ужасом поняла, что неделя предстоит сложная.

Он выскочил из гостиной: его буквально трясло от злости. Мне стало страшно. Катя, которая к тому времени пришла из школы, и Карлос закрылись в ее комнате, чтобы не встревать. Катя уже знала, что любое слово, сказанное в мою защиту, может быть использовано против нее.

Я попросила его вернуться в гостиную и оставить меня в покое.

– Я никуда не пойду! Это и мой дом тоже!

– Угу. Дом, за который, как и за все предыдущие, плачу я.

Я почувствовала, что утрачиваю над собой контроль и что мне надо побыть одной. Но он неотступно следовал за мной из комнаты в комнату, а его ярость все нарастала и нарастала, пока не достигла пика. Точно не помню, как это произошло, но он схватил свой свитер и принялся с остервенением лупить меня им. На мгновение я впала в ступор: никто никогда, кроме моего папы, не поднимал на меня руку. И уже в те годы я поклялась себе, что больше никому не позволю это сделать. Спустя миг я перехватила свитер и вырвала его из рук Хуанки.

– Как ты посмел меня ударить?! Ненавижу!

– Я тебя не бил, – опомнился он: в Испании за семейное насилие карают строго; это Хуанки успел усвоить, пока судился с матерью. – Если бы я тебя бил, у тебя бы остались следы!

– Что?! Да если бы у меня остались следы, я бы размозжила тебе голову сковородой!

Во мне бушевала безмерная ярость. Я развернулась и вышла из комнаты, надеясь, что теперь он точно отстанет. Не тут-то было.

В десять вечера я выключила лампу в спальне, легла в постель и попробовала уснуть, но Хуанки включил ее и продолжил обвинять меня во всех смертных грехах. Я ждала, когда он устанет от всего этого. Вскоре он действительно вышел из квартиры, хлопнув дверью, и я вздохнула с облегчением. Но спустя минут пятнадцать он вернулся и начал барабанить в дверь, требуя впустить его. Я открыла, пока соседи не вызвали полицию. Судя по всему, после прогулки на свежем воздухе у мужа открылось второе дыхание. В конце концов я позвонила в ближайший отель, спросила, есть ли у них свободные номера, собрала Катю и ушла из дома, бросив на прощанье:

– Мы ночуем в гостинице.

– Если ты переступишь порог этого дома, больше меня

никогда не увидишь! – крикнул он.

– Может, это к лучшему. Так жить невозможно.

Пока мы ждали лифта, поток оскорблений не прекращался. Потом муж стал названивать – я не брала трубку. Он писал эсэмэски – я не отвечала. Он угрожал, умолял, снова звонил. «Я тебя люблю» сменялось «Я тебя ненавижу», затем «Прости», затем «Как ты могла?». Не в силах выносить этот кошмар, я написала: «Я выключаю телефон, мне надо поспать», – и перевела аппарат в авиарежим.

Проснувшись утром, я обнаружила тьму пропущенных звонков и сообщений. Я отвела Катю в школу и вернулась домой. Хуанки лежал в ванне. Похоже, он немного успокоился, но все еще не пришел в норму.

Я присела на край ванны.

– Любовь моя, нам надо поговорить. Тебе нельзя принимать морфины: они на тебя плохо действуют. Ты себя совсем не контролируешь.

– Да, я знаю. Но без них боль сводит меня с ума.

Он заплакал. Я уже привыкла к тому, что испанские мачо могут запросто разрыдаться, хотя раньше неизменно поражалась этому. Брутальные русские мужчины, с которыми меня сталкивала судьба, вели себя иначе.

– Но я тоже не могу так жить! – Я сама готова была зарыдать.

– И что ты мне предлагаешь – мучиться? – Он мгновенно вскипел.

– Нет, надо найти другой выход. Дай мне день, и я что-нибудь придумаю.

Выйдя из ванной, я глубоко задумалась. Поскольку я выросла в семье медиков и, кроме того, еще в детстве увлеклась народной медициной, мой подход к лечению нельзя назвать традиционным. Предпочитаю не ограничивать себя официальными лекарствами и охотно пользуюсь альтернативными средствами. Сперва ничего толкового в голову не приходило, но, порывшись в Интернете, я нашла то, что искала, – кошачий коготь. Я тут же сбегала в аптеку, а вернувшись домой, поставила перед мужем банку.

– Три таблетки три раза в день, – уверенно сказала я.

– Но мне ведь даже морфины не очень помогают, – попытался возразить он.

– А это поможет.

Я не сомневалась в своей правоте. Забегая вперед, скажу, что именно благодаря этим таблеткам Хуанки дожил до первой операции.

Глава 5
Семь кругов ада

За месяц до операции мы купили собаку. У меня никогда не было животных крупнее морской свинки, но я решила, что дочке будет веселее со щенком, поскольку справедливо предположила, что какое-то время мне фактически придется жить в больнице. Я нашла местный сайт, где предлагали домашних животных. Мы втроем по очереди просмотрели все варианты и, не сговариваясь, выбрали одного и того же щенка породы вест-хайленд-уайт-терьер – очень ласкового и игривого. Я с первого же взгляда влюбилась в него. Однако, привыкшая к тихим беспроблемным грызунам, я и не представляла, сколько хлопот способен доставить щенок, особенно если никто не позаботился о его дрессировке. Он оставлял за собой лужицы и кучки по всей квартире – да так часто, что мы с Катей не успевали за ним убирать. Он рвал туалетную бумагу и раскидывал ее по всем комнатам. Он сгрыз мои сапоги Hugo Boss, хотя рядом валялись другие, подешевле. Он вырыл из горшков половину растений на террасе. И все же мы обожали Макса.

Но вот период долгого ожидания закончился. В Испании обычно не дают возможности полежать в больнице. Сначала амбулаторно делают все анализы, рентген, томограммы и прочие исследования, а накануне операции или даже утром дня «икс» пациент приезжает в клинику. И выписывают его порой в тот же день. Впрочем, это был не наш случай.

Одним ясным октябрьским утром мы приехали в больницу. Я раньше никогда не бывала в местных клиниках. Просторная палата, рассчитанная на двух человек, телевизор, раскладывающиеся кресла для посетителей и собственный душ – после российских медучреждений это напоминало скорее пятизвездочный отель. Добавьте сюда неограниченное время визитов, возможность одному из родственников ночевать в палате и – для полноты картины – трех медсестер на пол-этажа.

Привыкшая к тихим беспроблемным грызунам, я и не представляла, сколько хлопот способен доставить щенок, особенно если никто не позаботился о его дрессировке.

Часов в двенадцать Хуанки увезли на операцию. Со мной остались свекор и его жена Бисси, с которой мы почти с самого

начала стали закадычными подругами. Я не могла усидеть на месте и ходила из угла в угол. Хирург показался из операционной лишь спустя четыре часа. Он сказал, что все прошло отлично: абсцесс полностью удален, равно как и остатки сеток. Теперь моему мужу предстояло ходить со специальной машинкой, которая ускорит заживление раны, потому что разрез был очень большой.

Меня на полчаса пустили в реанимацию. Это единственное отделение, куда, как правило, пускают по расписанию. У меня сжалось сердце: Хуанки выглядел очень плохо, почти не мог говорить и постоянно давил на кнопку подачи морфинов. Я поцеловала его:

– Я так за тебя переживала, любимый. Так боялась тебя потерять!

Он смотрел на меня влюбленными глазами.

– Со мной все в порядке, не волнуйся.

– Я люблю тебя.

– И я тебя.

Я стояла около него, пока медсестры меня не прогнали. Лишь выйдя из отделения, я заплакала. Казалось, вся скопившаяся за долгие месяцы усталость разом навалилась на меня.

Покинув больницу, я зашла в ближайший бар и заказала двойной виски. Осушив стакан почти залпом, я почувствовала себя немного спокойнее.

Переночевала я дома, а утром вернулась к мужу. Он выглядел гораздо лучше.

– Боже, я так за тебя переживала!

– Ну ты же знаешь, что я робокоп, – отшутился он.

– Да уж, робокоп – чуть не отправился на тот свет.

– Спасибо, милая. Если бы не ты, меня бы уже не было в живых!

– Я знаю, – ответила я и вдруг остро ощутила, что так и есть.

На следующий день его перевели в палату. Он повсюду ходил с аппаратом, соединенным с огромной угольной губкой, выполнявшей дренажную функцию. Поначалу меня просили выйти из палаты во время перевязки, но потом я убедила врачей и медсестер, что не буду падать в обморок, и они привыкли к моему присутствию, а порой и вовсе показывали мне края раны со словами: «Смотри, Катя, вот здесь срастается, а вот здесь появилась более плотная ткань».

Я, как и предполагала, практически жила в больнице. После двух мучительных ночей на раскладном кресле я принесла с собой надувную кровать и нагло, не спросив никого, разместила ее рядом с кроватью Хуанки. Спать на полу было холодно: из окна

сквозило, но так я хоть немного отдыхала. Работала я тоже в палате, поскольку муж капризничал и требовал, чтобы я постоянно находилась с ним. Обедала я тоже в больнице, покупая еду в китайском ресторане неподалеку.

Моя десятилетняя дочка была предоставлена сама себе: она самостоятельно ходила в школу, готовила, гуляла с собакой. Она оказалась зрелой не по годам, и я восхищалась ею.

Время текло, наши соседи по палате то и дело сменялись, все на этаже успели меня узнать. Пользуясь своим особым положением, я стала спать в кровати Хуанки. Сначала я немного стеснялась этого: врачи, совершавшие обход по утрам, очевидно, удивлялись. Но ничего не говорили. Поэтому я окончательно обнаглела и даже перестала реагировать, когда дверь палаты открывалась.

Наконец Хуанки выписали – вместе с аппаратом, который нужно было носить почти до полного заживления раны. Я почувствовала облегчение: мне больше не придется сидеть взаперти целыми днями. И кроме того, я надеялась, что отныне уж точно все будет хорошо.

И напрасно. Однажды утром муж проснулся в том самом настроении, которого я боялась. Это читалось в его взгляде и голосе, и я замерла в ожидании бури. Началось все опять с какой-то несущественной мелочи, но он мгновенно завел старую песню о главном. Я долго не поддавалась на провокации.

– Ты монстр, ты эгоистка, ты никого не любишь, – сыпались на меня безосновательные упреки. – Ты со мной из-за гражданства. Как только ты его получишь, ты меня бросишь.

– Успокойся, пожалуйста, Хуан Карлос. – Я старалась держать себя в руках.

Скандал, затянувшийся на несколько часов, вытянул из меня все душевные силы, хотя как раз в тот день они были мне необходимы: помимо писательской деятельности, я несколько лет вела курсы похудения онлайн. Очередной семинар был запланирован на вечер. Кое-как приведя себя в порядок, я вышла в эфир. Никто из участниц не заметил мое внутреннее состояние: в конце все они поблагодарили меня за позитивность. И это при том, что я перестала плакать буквально за 15 минут до начала занятия и разразилась бурной истерикой сразу после.

Естественно, я предпочла бы остаться в кабинете – хотя бы до утра. Но такой возможности у меня не было. Зайдя в гостиную, я поняла, что муж и не собирается успокаиваться. Наоборот. Теперь его бесило абсолютно все, включая собственное отражение в зеркале.

– Зеркало-то перед тобой в чем виновато?

Ну конечно же, оно было ни при чем – дело во мне. Хуанки не упустил возможности в сотый раз упомянуть, что во всех его бедах виновата исключительно я.

– Я очень устала, Хуан Карлос, оставь меня в покое, – попыталась осадить его я.

Но мои слова подействовали на него как красная тряпка на быка. Он кричал не переставая несколько часов. К тому времени, как он чуть утихомирился (никто ведь не может кричать сутки напролет, надо же и отдыхать когда-то, верно?), у меня не осталось сил даже на слезы. Внутри было пусто. Спать – вот все, чего мне хотелось. Погасив свет, я легла в кровать.

– Ты со мной не разговариваешь и не зовешь спать с собой! – Он включил лампу в спальне.

«Ох, что-то подобное мы уже проходили», – мелькнула у меня мысль.

– Я не то что не зову тебя спать с собой, я хочу убежать от тебя на край света. Ты меня убиваешь, – ответила я холодно и снова погасила свет. – Я хочу спать, выйди из комнаты, пожалуйста.

Тут произошло то, чего я никак не могла предвидеть. Он сдернул с шеи прибор, весивший килограммов пять, и запустил им в меня. Слава богу, тот не долетел до головы.

– Да ты рехнулся! Пошел вон из моего дома!

– Никуда я не пойду. Это и мой дом тоже!

И меня понесло.

Он кричал не переставая несколько часов. К тому времени, как он чуть утихомирился (никто ведь не может кричать сутки напролет, надо же и отдыхать когда-то, верно?), у меня не осталось сил даже на слезы.

– Твой дом? Твой дом?! И у тебя язык поворачивается говорить это?! Я два года содержу всю семью! Твой дом! Да здесь нет даже дверной ручки, за которую ты заплатил. Ты ничтожество, которое все свободное время посвящает тому, чтобы доводить меня до белого каления. Ты хоть понимаешь, что, если бы попал мне в голову, то угробил бы меня? Ненавижу тебя, ненавижу! Я требую развод. Немедленно!

Потом все было как в тумане. Сегодня это кажется невероятным, но мы помирились. Как? Понятия не имею. Помню, что он лег в кровать, обнял меня и начал безудержно рыдать.

– Я так устал, жизнь моя, так устал, – повторял он.

– Знаю, милый.

Мне было его жалко, и – как бы дико это ни прозвучало – я все еще его любила. Да, после всего. Здравый смысл твердил, что

надо уносить ноги, пока не поздно, но сердце… С глупым сердцем я ничего не могла поделать.

Мы уснули вместе. Утром он встал раньше меня, но через несколько минут ворвался в спальню донельзя перепуганный.

– Что случилось?

– Не знаю, но кажется, что-то очень нехорошее: что-то лопнуло в ране. Надо срочно ехать в больницу.

Мы мигом собрались и поймали такси.

– Прокол кишечника, – диагностировал врач.

– Мать вашу! – вырвалось у меня; я прекрасно понимала, откуда взялся прокол, но молчала. – И что теперь?

– Мы положим его в больницу и подождем, не закроется ли прокол сам.

– Надолго?

– На несколько недель. Сейчас мы не сможем снова его прооперировать.

> Мне было его жалко, и – как бы дико это ни прозвучало – я все еще его любила.

О боже, я не переживу этого! Еще как минимум две недели круглосуточно наблюдать за его депрессиями! Некогда мне! Надо сдавать новую русскоязычную книгу и редактировать книгу на испанском: за пару месяцев до того я подписала контракт с одним из крупнейших местных издательств.

Параллельно я пыталась сдать практический экзамен по вождению. Дело в том, что в Испании нельзя водить машину по российским правам, если являешься резидентом более полугода. То есть никто не будет останавливать тебя на дороге и проверять, российские у тебя права или испанские. Испанцам все равно. Но в случае аварии виновником будешь ты и только ты, что бы ни произошло в действительности. Карточку резидента (вид на жительство) я получила более года назад и несколько месяцев спустя записалась на курсы, но теория показалась мне настолько непонятной, что автошколу я забросила.

В сентябре – незадолго до того, как Хуанки первый раз лег в больницу, – я возобновила обучение с твердым намерением сдать. Через месяц я освоила теорию и успешно сдала экзамен – всего с двумя ошибками. С практикой же вышла загвоздка: человеку, всю жизнь проездившему на автомате, сложно пересесть на механику. Кроме того, инструктор всячески стремился понизить мою самооценку, явно раскручивая меня на максимальное количество занятий. Но он по крайней мере не орал, в отличие от двух предыдущих. Как и следовало ожидать, первые два раза практическую часть я провалила с треском, из-за чего чувствовала

себя полной идиоткой и почти отчаялась. Мне рассказывали, что некоторых женщин заставляют пересдавать по шесть раз!

Хоть и считается, что попытка не пытка, в день экзамена я переволновалась – у меня даже тряслись руки. Так не пойдет, решила я. Надо прибегать к тяжелой артиллерии. Я зашла в бар, выпила бокал пива, чтобы успокоиться, села в арендованную машину и отправилась на площадку. Инструктора еще не было, зато присутствовал экзаменатор.

– Как дела? – радостно поинтересовался он.

– Очень плохо. – Его лицо вытянулось от удивления. – Мой муж несколько месяцев подряд лежит в больнице, у меня куча работы, я не успеваю заниматься домом, моя дочь предоставлена сама себе, а я, имея восьмилетний водительский стаж и отъездив более пятисот тысяч километров в двадцати странах мира, пересдаю практический экзамен в третий раз.

Эту тираду я произнесла с каменным лицом. Экзаменатор смотрел на меня с открытым ртом. Наконец к нему вернулось самообладание.

– Не надо было сообщать мне все это.

– Почему? Потому что я все равно не сдам? Само собой! Я же, во-первых, женщина и, во-вторых, иммигрантка. Значит, меня ждет еще не менее трех пересдач.

Стоит ли говорить, что в тот день я получила права?

Тем временем несколько недель в больнице растянулись на четыре месяца. До сих пор вспоминаю их с болью в сердце. Мешок, прикрепленный к ране, внутривенное питание, постоянный шум медицинского оборудования. Соблюдать режим муж отказывался. То он кричал на врачей и медсестер, то порывался выписаться досрочно, то выпрашивал у меня запрещенную еду и алкоголь, то угрожал, что покончит с собой. Как-то, отпросившись на несколько часов домой, он прямиком направился в бар, выпил несколько бокалов вина и съел все, что попалось в поле зрения, несмотря на мои протесты. Через час у него началось жуткое обезвоживание, сопровождавшееся сильными судорогами по всему телу. Я поймала такси, и мы мчали на другой конец Мадрида, как в американских боевиках. Еле доехали до врача. Еще немного, и он умер бы.

После того случая Хуанки сдал окончательно. Поняв, что не может покинуть палату даже на полдня, он впал в черную депрессию. Я попросила прописать ему сертралин – антидепрессант, который мне однажды назначали на несколько недель (дело было после аварии, в которую я попала по вине Сережи). Врачи сопротивлялись, ссылаясь на необходимость посоветоваться с психиатром, которого в больнице не было, но

наконец поддались на мои уговоры. Они давно перестали спорить со мной о методах лечения и привыкли к моему вечному присутствию в палате. Особенно их убедил один инцидент. Отменив морфины, лечащий врач назначила Хуанки успокоительное, от которого у него сорвало крышу – по-другому не скажешь. Он так наорал на врача, что та, обычно очень спокойная, вылетела из палаты, хлопнув дверью. Я тут же примчалась в больницу, успокоила обоих и настояла на отмене лекарств, после чего состояние мужа заметно улучшилось.

Приближалось Рождество, которое нам предстояло отметить в больнице. Одним прекрасным утром я завалилась в палату с кучей пакетов.

– Это что? – поинтересовался Хуанки.

– Сюрприз! Иди погуляй по коридорам, я тебя позову.

Когда он вышел, я принялась распаковывать свертки. В них были гирлянды, вращающиеся елочки, новогодние лампочки и традиционный красный цветок остролиста в кашпо. Украсив палату, я позвала мужа – он на пару мгновений онемел от восторга. Наша палата быстро стала самой популярной в больнице. К нам заглядывали и медсестры, и врачи, и больные. Все в один голос утверждали, что никому на их памяти не приходило в голову сотворить такое. Я же отшучивалась, мол, для русского человека, где бы он ни очутился, праздник остается праздником.

Рождество – с 24 на 25 декабря – в Испании отмечают куда торжественнее и пышнее, чем Новый год. Хотя и к 31 декабря приурочена одна традиция: в полночь, под бой местных курантов, расположенных на площади Пуэрта-дель-Соль, надо съесть 12 виноградин – по ягоде на каждый удар. Если успеешь, желание исполнится. Меня этот обычай раздражает: ненавижу торопиться, когда что-то ем.

На праздники из больницы выписали почти всех. Мы остались одни в палате, а санитарка даже принесла постельное белье для второй койки, чтобы Катя спокойно переночевала. Дети Хуанки «любезно» согласились приехать на Рождество. Я сдвинула две тумбочки и накрыла настоящий русский стол – с салатом оливье, селедкой под шубой, которую муж обожал, сырной тарелкой, икрой и ананасами. Хуанки «заказал» водку, я купила себе шампанское. Весь день в палату заходили врачи и медсестры, чтобы поздравить нас, и каждый восхищался обстановкой. Никогда еще они не видели, чтобы в больнице устраивали пышное застолье. Я надела красивое черное платье с перьями в стиле тридцатых годов и маленькую шляпку.

Посидели мы чудесно. Однако ближе к ночи Хуанки

ухитрился всем испортить настроение. Вполне предсказуемо. Не знаю почему, но он не мог обойтись без того, чтобы не поскандалить в праздники, например 31 декабря или в чей-нибудь день рождения. Самое странное, что меня это не сильно расстроило. Когда он в очередной раз сорвался на крик, я не почувствовала ничего, кроме досады.

Потом мы втроем отметили Новый год и понаблюдали за шествием волхвов в ночь с 5 на 6 января. По преданию, в этот день короли, как их тут называют, пришли, чтобы принести дары Иисусу Христу. Я вечно путаю этот праздник с православным Рождеством, которое приходится на 7 января, из-за чего пропускаю парад – впечатляющее шоу с оркестрами, персонажами из сказок и мультфильмов, акробатами и прочими ряжеными, которые разбрасывают конфеты в огромных количествах. Однажды мы специально выбрались в центр Мадрида: хотелось полюбоваться шествием вживую. Народу было – не протолкнуться. Оказывается, многие приходят чуть ли не за четыре часа до начала, чтобы отхватить побольше сладостей. С тех пор мы смотрим парад по телевизору.

> Я сдвинула две тумбочки и накрыла настоящий русский стол – с салатом оливье, селедкой под шубой, которую муж обожал, сырной тарелкой, икрой и ананасами.

Как и все хорошее, рождественские каникулы закончились слишком быстро. Наступили будни. Прокол кишечника не зарастал. Дату второй операции никто не сообщал. Антидепрессанты помогали, но не так чтобы очень. Хуанки все чаще грозился покончить жизнь самоубийством, а я все больше падала духом.

К Хуанки направили психолога. Я отнеслась к этому скептически. На мой взгляд, все, чего можно было добиться таким образом, – решить проблему трудоустройства в Испании. После первого же сеанса мозгоправу самому придется обратиться к психологу, а тому, в свою очередь, – к другому. Единственным человеком, к которому муж хоть иногда прислушивался, была я. Но и я, как правило, терпела поражение.

Впрочем, скоро нам стало не до сеансов. Через вену, по которой подавалось питание, мужу занесли инфекцию – температура подскочила до 40 градусов. Об операции в таком состоянии не могло быть и речи – ее отложили на неопределенный срок. Обычные антибиотики не помогали, пришлось покупать ужасно дорогие лекарства – по 400 евро за дозу. На них Хуанки провел две недели. Я ощущала, что от

усталости превращаюсь в зомби.

Дорогущие антибиотики все же сработали, и мы радостно замерли в ожидании второй операции, которую, по заверению медиков, вот-вот должны были сделать. Но обнаружилось новое препятствие. Хуанки простыл. Ничего серьезного: кашель, красное горло и слегка повышенная температура. Тем не менее инфекция есть инфекция.

– У нас нет инфекционного отделения, а у вашего мужа, вероятно, вирус в сердце, – заявила лечащий врач. – Мы вынуждены будем перевести его в другую больницу.

Это означало еще месяц для сбора всех анализов и проведения необходимых исследований.

– Если температура спадет и не поднимется, вы сделаете ему операцию здесь? – спросила я.

– Да. – Врача тоже утомил не очень вменяемый (скажем откровенно) пациент, которого не удавалось выписать месяцами. Операция – отличный способ избавиться от него.

И я приступила к осуществлению плана. Каждое утро и каждый вечер в шесть часов я целенаправленно сбивала температуру перед обходом медсестер. Градусник не должен был показать больше 37,5. Я обтирала мужа водкой, поила парацетамолом, а в особых случаях отправляла под холодный душ.

Когда до операции оставался один день, позвонил Хуанки (я гуляла по магазинам в районе больницы, перед тем как «заступить на пост») и сообщил, что температура поднялась до 38 градусов и медсестра это обнаружила. У меня упало сердце. Я бегом бросилась в больницу. К счастью, у меня с медсестрами сложились прекрасные отношения, и я упросила их, чтобы они не писали правду в отчете.

Утром Хуанки увезли на операцию. Приехали его дети – Карлос и Лидия. Сидя в зале ожидания, я пыталась отвлечься от всего происходящего. Но когда хирург не вышел ни через три часа, ни через пять, я всерьез занервничала. Через восемь часов врач все же подозвал меня – уставший, но довольный. Услышав радостную новость, я расцеловала его, и мы с детьми Хуанки отправились в ближайший бар, чтобы перекусить. Да и выпить мне тоже не помешало бы: эти восемь часов дались мне нелегко.

Мы сели за столик и заказали фирменное блюдо – осьминога. Я залпом выпила двойной виски и сразу же заказала вторую порцию, а потом еще одну. Лишь тогда я почувствовала, что напряжение спало.

После обеда мы вернулись в больницу, и меня пустили в реанимацию. Хуанки пока не успел отойти от наркоза. Я вышла и

расплакалась. При нем я держалась, но сейчас он меня не видел, и я могла позволить себе минуту слабости. Неужели мы перевернули эту жуткую страницу нашей истории? Лидия обняла меня – наверное, в первый раз за все время.

– Ты спасла папу, спасибо.

– Не за что. Разве я могла поступить иначе?

Глава 6
Когда ожидания не оправдываются

Я вернулась домой и проспала часов двенадцать. Я была вымотана, изможденa, уничтожена. Но, проснувшись, почувствовала себя лучше: во мне возродился былой оптимизм. Слава богу, все осталось позади.

Однако моим ожиданиям не суждено было оправдаться. Как выяснилось – и это, в принципе, логично – усечение кишечника дает массу негативных последствий, которые проявляются одно за другим. Начались проблемы с пищеварением, сердцем, легкими. Мужа терзали ужасные судороги, оттого что пища до конца не усваивалась. Он просыпался по ночам с криками. А врачи не могли предложить ничего нового. Я, еще с рождения Кати тяжело переносившая ночные побудки, чувствовала, что приближаюсь к опасной грани.

Нрав Хуанки тоже не улучшился. Наоборот. Если поначалу приступы «бешенства» случались с ним раз в полгода, то за последний год резко участились.

Я снова засела за книжки, чтобы найти решение, и методом проб и ошибок подобрала лечение. Сначала прекратились судороги, потом – анемия. На это у меня ушло три месяца. Затем за несколько месяцев с помощью трав я наладила мужу пищеварение. Врачи удивленно разводили руками. Русская без высшего медицинского образования оказалась опытнее, чем они. Порой я просиживала в Интернете сутками, но сдаваться не собиралась.

Я поставила перед собой три цели: вылечить мужа, получить гражданство и уйти, потому что больше не могла жить в такой обстановке. Если муж не ругался со мной, то придирался к Кате. Количество работы и дел по дому росло, а Хуанки не особо стремился помогать мне. Да, ему элементарно не хватало сил. Но от осознания этого факта мне не делалось легче.

Почему я все еще оставалась с ним? Состояние его сердца ухудшалось: пульс порой доходил до 170. Мне казалось непозволительным бросить тяжелобольного. Я терпела и искала выход. Весной Хуанки предложили работу в Сьерре – гористой местности недалеко от Мадрида. Он заявил, что нам придется перебраться в окрестности Эскориала, потому что ездить каждый день за 70 километров он не сможет. Я всячески этому противилась, но он не сдавался. В итоге через месяц бесконечных ссор мы начали присматривать дом, так как я категорически

отказывалась снимать в «деревне» квартиру.

> Я поставила перед собой три цели: вылечить мужа, получить гражданство и уйти, потому что больше не могла жить в такой обстановке.

Подходящее жилье нашлось довольно быстро. Едва зайдя в дом, я сразу поняла, что это – мое место. Три этажа, 250 квадратных метров, большой бассейн (восемь метров на четыре), камин и, самое главное, никаких соседей напротив, а прямо из сада можно было попасть в сосновый бор. Цена показалась мне приемлемой, особенно после того, как я хорошенько поторговалась – всего на сто евро больше, чем за нашу убогую квартиру в Мадриде. Мы долго согласовывали договор, потому что у Хуанки постоянно появлялись какие-то возражения. Например, в стандартном договоре был пункт, в соответствии с которым в случае развода жена и дети должны остаться на том же месте. Муж настаивал, чтобы пункт убрали. Я не обратила на это внимания.

В день переезда мой муж загремел в больницу с пневмонией. А это значит, что мне со всем пришлось разбираться в одиночку. В помощь себе я наняла двух болгар, но большинство проблем решала сама. Через месяц все в нашем новом доме было на своих местах. Кроме меня: я сходила с ума от усталости.

Пневмония дала осложнение на сердце – пульс Хуанки теперь доходил до 180–200 даже при минимальной нагрузке. Мой муж почти весь день лежал на диване. С работы его уволили через два месяца.

Слава богу, риелтор посоветовала мне помощницу по хозяйству, которая впоследствии стала одной из моих лучших подруг. Мирослава была украинкой, что в свете последних событий на политической арене могло послужить причиной неразрешимых противоречий между нами. Но мы с самого начала прониклись расположением друг к другу и старательно избегали опасных тем в беседах.

Однако, несмотря на помощь, я отчетливо осознавала, что взвалила на свои плечи неподъемный груз. На мне было все. Я не могла позволить себе выдохнуть, потому что моя работа являлась единственным источником доходов. Испания не стала для меня тем райским местом, которое я так надеялась обрести, когда соглашалась на замужество с Хуанки. Впрочем, мыслей о том, чтобы вернуться в Россию, у меня не возникало – пусть даже все обернулось хуже некуда.

Именно в городке у стен Эскориала я четко ощутила, что эмигранткой становишься не тогда, когда переезжаешь в другую

страну либо получаешь вид на жительство или гражданство, а тогда, когда перестаешь скучать по исторической родине – по ее кухне, воде, воздуху и друзьям. На новом месте появляется свой круг общения, возникают новые интересы. Нет, ты не вычеркиваешь соотечественников из своей памяти – ты радуешься, когда встречаешь их. Но желание все бросить и рвануть обратно, когда тебе плохо и тяжело, больше не одолевает. Потому что твой дом здесь, а не там.

Уже привычная к постоянным переездам, я составила алгоритм, который работал абсолютно везде. Есть две вещи, которые нужно сделать как можно быстрее, чтобы освоиться на новом месте: изучить окрестности и обзавестись «правильными» людьми. Выяснить, где находятся магазины, ателье, почта, банки, заправки, спортзал или бассейн и другие заведения, которые могут понадобиться. А затем найти парикмахера, маникюршу, косметолога, помощницу по хозяйству, если собираетесь прибегать к ее услугам. Словом, после переезда следует поскорее обеспечить себе комфорт. Вместо того чтобы запираться, идите к людям. Они помогут отыскать все недостающие звенья в вашей жизни. Загляните к соседям с пирогом, даже если в тех краях это не принято. От вкусных пирогов еще никто не отказывался. Запишитесь на какие-нибудь курсы или в фитнес-клуб. Вероятно, пользы от этого будет немного, зато вы обзаведетесь связями.

Следуя своим принципам, я очень быстро свыклась с жизнью в Эскориале и, вопреки невзгодам, даже начала получать от нее некоторое удовольствие.

Новый год мы запланировали отметить в Саламанке. Но за пару недель до праздника у мужа случился очередной приступ дурного настроения, и мы с дочкой рванули туда вдвоем: у меня не было сил выяснять отношения и я предпочла сбежать. Город мне понравился сразу, и я не пожалела о своем поступке.

> Именно в городке у стен Эскориала я четко ощутила, что эмигранткой становишься не тогда, когда переезжаешь в другую страну либо получаешь вид на жительство или гражданство, а тогда, когда перестаешь скучать по исторической родине – по ее кухне, воде, воздуху и друзьям.

Хуанки очень обиделся. Несколько дней он непрерывно названивал мне, чтобы в тысячный раз упрекнуть в эгоизме: как мы могли оставить его одного, да еще перед Рождеством? Меня его жалобы безмерно утомляли, и меньше всего на свете я хотела видеть его в новогоднюю ночь. Но иногда легче сдаться, поэтому я пообещала, что Новый год мы отметим вместе. Заручившись

моим согласием, Хуанки мигом примчался. Ради него мы с Катей переселились в другую гостиницу: отель, номер в котором я забронировала изначально, находился далеко от главной площади Саламанки, а мужа напрягал каждый лишний шаг.

Не могу сказать, что мне не было его жалко. Было. Но я не святая и тем более не великомученица. К тому же одно дело, когда внезапно заболевает человек, с которым вы счастливо прожили долгие годы, и совсем другое, когда буквально через несколько месяцев после свадьбы проблемы начинают наваливаться друг за другом, не давая передышки. И потом, одно дело, когда человек болеет, но старается всеми силами помочь тебе, и совсем другое, когда вместо этого он превращает твою жизнь в ад.

В конечном итоге мы с Хуанки – по нашей семейной новогодней традиции – разругались в пух и прах. Он вернулся в отель, а я взяла оставшуюся бутылку шампанского и вместе с Катей отправилась гулять по пустынной ночной Саламанке. С праздничной иллюминацией город выглядел еще красивее, чем при свете дня. Казалось, будто мы перенеслись в прошлое.

Я пила шампанское прямо из горлышка, потому что не прихватила с собой бокалы. И внезапно – впервые с памятного отпуска в Греции – ощутила, что скоро все изменится. Эта мысль ошарашила меня. Но я знала: раз она поселилась в моем сознании, избавиться от нее, равно как и избежать перемен, не удастся. Остановившись возле здания университета, я принялась выискивать скульптуру лягушки на фасаде (излюбленное развлечение туристов), а когда обнаружила ее, загадала желание – найти выход из этого ада.

Мы с Катей вернулись на центральную площадь, полюбовались ее убранством и, печально переглянувшись, побрели в номер, где наверняка назревал скандал.

Глава 7
Все течет, все меняется

После Нового года я продолжила работать над намеченным планом – вылечить мужа, получить гражданство, уйти.

Проще всего оказалось со вторым пунктом. Испанское гражданство я получила уже в конце марта – так одним препятствием на пути к свободе стало меньше. Отныне я могла не зависеть от мужа и не бояться того, что, расставшись с ним, лишусь права проживать в стране. Я немного успокоилась. Единственной проблемой оставалось сердце Хуанки: приступы тахикардии не прекращались, хотя в остальном его состояние несколько улучшилось.

Я удвоила усилия. Все свободное время я теперь проводила за чтением медицинских статей на русском, английском и испанском и наконец нашла несколько вероятных причин, мешающих Хуанки излечиться.

Чтобы подтвердить или опровергнуть мою основную теорию, с наступлением школьных весенних каникул мы всей семьей поехали в Бенидорм – город в провинции Аликанте, расположенный у моря. Если мое предположение было верным, то на уровне моря (а не на высоте почти 1000 метров, на которой располагался Эскориал) мужу должно было стать лучше. Да и у меня исчезла бы аллергия на кипарисы и сосны, которые во множестве росли вокруг дома.

Чуда не случилось. Более того, это путешествие окончательно поставило крест на наших отношениях. Две недели, проведенные вместе в тесной квартирке, где нельзя было спрятаться от атак Хуанки, превратились в настоящую пытку. Раздражало и то, что Бенидорм наводнили англичане, ежевечерне напивавшиеся до безобразия. Я и прежде недолюбливала жителей туманного Альбиона. Помнится, на Кубе британские туристы смешивали все имевшиеся в продаже напитки в один «огненный коктейль». Последствия подобных экспериментов несложно представить. «Больше сюда не приеду!» – думала я.

Почти все время я проводила, гуляя с Катей и нашим псом Максом. Хуанки не мог нас сопровождать: сердцебиение зашкаливало при малейшем движении. Он составлял нам компанию лишь во время обеда. В остальные часы мы были предоставлены сами себе: ходили на пляж или бродили по магазинам городка.

Как ни парадоксально, от хандры, которая преследовала меня

многие месяцы, не осталось и следа: море вернуло мне хорошее настроение. Несмотря на ежедневные скандалы, я вспомнила, что когда-то была оптимисткой, чей дух не могли сломить никакие обстоятельства. И я все четче ощущала, что второй мой брак доживает последние дни.

Обратный отсчет начался, когда у меня впервые возникли серьезные проблемы со здоровьем. Мне в том году исполнилось тридцать три, и незадолго до дня рождения моя тетя заметила: «Возраст Христа». Я отшутилась: «Надеюсь, меня не распнут». Но как выяснилось позже, в этой шутке была изрядная доля правды.

Все началось неожиданно. На запястье правой руки я уже давно заметила небольшой бугорок. Сперва он не беспокоил меня, но постепенно стал побаливать, особенно в те дни, когда я много работала. Я собиралась обратиться к врачу, чтобы спросить, что с этим делать, но из-за болезней мужа было не до того. Однако где-то за месяц до поездки в Бенидорм я решила заняться собственным здоровьем.

Сначала я пошла в государственную поликлинику. Осмотрев руку, травматолог сказал, что мне понадобится взять направление на ультразвуковое исследование. В регистратуре же сообщили, что УЗИ придется ждать почти полгода! И это я раньше жаловалась на российскую медицину? В тот момент мне захотелось забрать свои слова обратно.

Я вышла из поликлиники, проклиная испанскую медлительность, и вдруг вспомнила: у меня же есть частная страховка! В свое время я оформила ее на всякий случай, но пока ни разу не воспользовалась ею. Разумеется, я не предполагала, что столкнусь с чем-то по-настоящему серьезным. Но есть нюанс, который не помешает знать любой женщине, живущей в Испании. Для того чтобы попасть к гинекологу, здесь нужно сначала посетить терапевта и взять у него направление… за полгода. Даже если вас что-то действительно беспокоит, в государственном медицинском учреждении быстро вас никто не примет. К счастью, существует еще и частная медицина. Вот только один визит к хорошему гинекологу стоит 100 евро. И это обычный осмотр без анализов! А страховка для женщины моего возраста обходится в 25–35 евро в месяц. Поэтому большинство испанок оформляют страховку: она обычно окупается.

Мне в том году исполнилось тридцать три, и незадолго до дня рождения моя тетя заметила: «Возраст Христа». Я отшутилась: «Надеюсь меня не распнут».

Тем же вечером я записалась к частному травматологу и в назначенный день пришла на прием. Врач оказался любезным

мужчиной за пятьдесят. Он объяснил, что у меня гигрома и что, если повезет, удастся обойтись без операции, ограничившись консервативным лечением – введением в шишку противовоспалительных препаратов. А для начала он выдал направление на УЗИ и другие анализы, которые сделали уже на следующей неделе.

Дождавшись результатов всех анализов, я снова пришла к Хосе Паласиосу Кабесасу (именно так звали моего «доброго доктора Айболита»), который велел через пару недель приехать на процедуры. Что я и сделала – аккурат перед поездкой в Бенидорм.

– Я смогу вести машину после процедуры? – поинтересовалась я.

– Да, конечно, это всего лишь укол, – ответил эскулап.

С этими словами он извлек огромный шприц и начал вводить какую-то жидкость в шишку. Шприц входил плохо, из-за чего инъекция причиняла сильную боль.

– Хосе, а ты не мог бы добавить наркоз? Мне очень больно, – сквозь зубы процедила я.

Кстати, в том, чтобы называть всех на «ты», в Испании нет ничего необычного. В разговорах между собой взрослые люди всегда используют местоимение «ты», в том числе в беседах с врачами, полицейскими и служащими банка. Исключение составляют разве что старики и судьи, к которым по традиции обращаются уважительно.

– Разве больно? – отозвался он. – Ну потерпи еще.

И экзекуция продолжилась.

Следующий прием врач назначил через две недели – сразу после весенних каникул. По дороге в Бенидорм машину вел Хуанки: мне мешала сильная боль, которая так и не прошла до конца отпуска. Очередная ложка дегтя, подпортившая отдых.

Спустя пару дней после возвращения в Эскориал я отправилась на прием к Хосе.

– Что ж, раз боль такая сильная, будем оперировать, – с порога заявил он.

– Хосе, но разве это нормально, что рука болит уже две недели? – осторожно поинтересовалась я.

– В медицине возможно все.

Мне – человеку, имеющему некоторое представление о медицине, – такой ответ показался странным. Впрочем, за последние годы я, кажется, привыкла к любым странностям испанских врачей.

– Ладно, а что за операция?

– Сущий пустяк: один маленький разрез, ты даже ничего не

почувствуешь и уже через полчаса поедешь домой.

– Звучит неплохо. Резать так резать, – согласилась я.

В назначенный день я приехала в больницу. Меня проводили в общую палату, дали специальную пижаму, чтобы я переоделась перед операцией. Пришел Хосе, как всегда, настроенный оптимистично.

– Хосе, а можно обойтись без успокоительного? Я женщина закаленная: при мне перевязывали открытые раны, зашивали дочке ногу. Если ты все равно собираешься выписывать меня через полчаса, не хотелось бы потом весь день ходить как во сне.

– Как хочешь, – ни минуты не колебался он. – Прооперируем под местной анестезией.

Меня отвезли в операционную. Прежде мне не делали операций, так что я с любопытством осмотрелась: все в помещении оказалось точно таким же, как показывали в кино и описывали в книгах. Я упивалась новым опытом, прикидывая, как его можно будет использовать в работе.

Мне ввели обезболивающее и начали резать. Я не видела руку, но слышала все реплики врача и медсестер. Казалось, будто я смотрю фильм о самой себе.

– Пинцет, скальпель.

Я слушала как завороженная. А ведь когда-то я хотела стать хирургом – но помешала сильнейшая экзема. Из-за нее я не могла даже надеяться на практику.

Мои размышления прервала фраза хирурга:

– Ой, а что это?

Я напряглась.

– Кость, доктор, – ответила медсестра.

Кровь отлила от сердца. Какая кость, если мне собирались удалять грыжу?! Мгновенно вспомнились анекдоты про вещи, забытые в теле пациентов, и про «Я сказал в морг, значит в морг».

– Кость… Хм, странно.

С этими словами Хосе принялся долбить кость. По ощущениям – чем-то вроде долота. Было неприятно. И больно. Не выдержав, я тихо взвыла.

– Добавить анестезии? – спросил «Айболит».

– Да уж, пожалуйста.

Увы, повторный укол лишь приглушил боль, а от неприятных ощущений и вовсе не избавил.

Когда операция закончилась, меня пересадили в коляску и отвезли в зал ожидания. Подошедший Паласиос поинтересовался, как я себя чувствую. Я ответила, что мне очень больно, и он распорядился ввести еще дозу обезболивающего. Медсестра выполнила указание. Через полчаса врач вернулся с выписным

эпикризом. Я прочла назначения: обезболивающее и противовоспалительное.

> Какая кость, если мне собирались удалять грыжу?! Мгновенно вспомнились анекдоты про вещи, забытые в теле пациентов, и про «Я сказал в морг, значит в морг».

– Хосе, а как же антибиотики? – удивилась я.

– Зачем? – невозмутимо ответил он. – При таких операциях мы их не назначаем. Сейчас сразу зайди в аптеку, купи обезболивающее и немедленно прими.

– Но ты же сам только что велел поставить мне капельницу с обезболивающим. Разве в следующий раз лекарство не нужно принимать через восемь часов? – возразила я.

– Да, верно. Выпьешь через восемь часов.

Я ничего не ответила, хотя мои брови непроизвольно поползли вверх от удивления.

– А через сколько все зарастет? Мне нужно книгу дописывать и ехать в Москву, – напоследок поинтересовалась я.

– Через две недели будешь как новенькая, – заверил меня врач.

На этом мы распрощались.

Хуанки ждал меня в приемном покое. По пути домой мы купили необходимые лекарства. Рука ныла, хотя анестезия еще действовала. Я чувствовала себя плохо.

Следующим вечером мы вместе с друзьями отправились в соседнюю деревню на представление фокусника. Я хотела отказаться от поездки, потому что рука болела, несмотря на таблетки. Но муж уговорил меня выбраться из дома. А главным его аргументом было то, что если мы не поедем, Катя обидится, так как ей нравился один из сыновей моей подруги. Скрипя зубами, я согласилась и в целом не пожалела об этом: было весело. Но полностью расслабиться мешала боль. Она постоянно напоминала о себе: я тут, я тут.

Утром же боль сделалась невыносимой. Хуанки позвонил в страховую компанию, чтобы выяснить, как нам быть. «Просто удвойте дозу обезболивающих», – ответили на другом конце линии. Это не помогло. Ночью рука болела так, что я начала постанывать. А ведь даже при родах я попросила эпидуралку лишь в самом конце. То есть в норме я чрезвычайно устойчива к боли. Муж не выдержал и повез меня в неотложку (что-то вроде пункта российской «Скорой помощи», только приезжать туда нужно самим). К тому времени я не могла ни есть, ни спать, ни лежать, ни стоять. Ни тем более думать. Дежурный врач осмотрел меня и сказал, что проблема в гематоме. Мне вкололи морфины,

боль немного отступила, и меня радостно отправили домой, выписав «Трамал». Но уже на обратной дороге морфины перестали действовать, а через пару часов я впервые в жизни заплакала от боли. Дочка смотрела на меня с ужасом: она почти никогда не видела моих слез. Выпив «Трамал», я смогла уснуть. Лишь для того, чтобы в пять утра проснуться от адской боли. Ощущение было такое, что рука вот-вот взорвется изнутри.

– Поехали в «Скорую», – сказала я мужу сквозь рыдания.

Хуанки тоже ужасно устал от всего этого. Он уговаривал меня поспать еще чуть-чуть, не понимая, что спать в таком состоянии нереально. Мы вернулись в больницу, где повторилась та же история, что и накануне. Меня снова обкололи лекарствами и к полудню отпустили домой, порекомендовав на следующий день обратиться к хирургу, проводившему операцию (по выходным он отсутствовал в больнице, и никто не счел нужным вызвать его).

Я ворвалась в кабинет врача с самого утра.

– Хосе, что-то не так. У меня инфеция!

– Ну что ты, не может быть, – спокойно возразил он и, осмотрев меня, продолжил: – Обширная гематома. Редкой величины, но всякое бывает.

– Я еще пока в состоянии отличить боль от гематомы и боль от инфекции. Болит как нарыв, а не как гематома. – От боли я повысила голос. – Почему бы не сделать анализ крови?

– Не нужно. Я же сказал, что это гематома.

– Тогда почему так болит? И почему рука так распухла? И цвет поменялся. Она вся красная!

– Это нормально, – закрыл тему врач.

Мне ввели болеутоляющее, выдали две капсулы для домашних инъекций, а заодно «Валиум» (хотя успокоительное мне определенно не требовалось: в отличие от испанок, я не сгущала краски; раз я жаловалась на невыносимую боль, значит такой она и была) и велели вернуться в четверг.

Четверга я дожидаться не стала. Следующим же утром, сделав укол, я поехала в государственную больницу. Боль и опухоль распространились до локтя. Муж сказал, что я преувеличиваю и что все не так страшно. Но я жестко осадила его. Он понял, что спорить бесполезно, и отвез меня к врачу.

У меня взяли кровь на анализ, сняли повязку и проводили в зал ожидания. Я сидела в кресле и, хотя рядом были другие пациенты, безудержно рыдала не в силах остановиться. Это я-то, никогда прежде не плакавшая на людях! Наверное, вид у меня был обреченный: никто даже не поинтересовался, что со мной. Участливым по натуре испанцам такое равнодушие обычно не свойственно.

Часа в три до меня снизошел травматолог, который порекомендовал вернуться к хирургу, сделавшему операцию, – местные врачи вмешиваться не будут. Все это он произнес с таким скорбным выражением лица, что я поняла: ситуация плачевная.

Дома я снова расплакалась. Я сидела в гостиной на первом этаже, тихо раскачивалась и выла от боли. До этого нечто подобное случалось со мной всего один раз: когда умер папа. С тех пор я научилась при любых обстоятельствах брать себя в руки. Но боль оказалась сильнее меня.

В придачу ко всему мне не хотелось пугать Катю. Она-то уж точно за свои десять лет никогда не заставала меня в таком состоянии. Я всегда старалась служить для нее образцом выдержки, и ей было страшно видеть, во что ее мать превратилась за какую-то неделю.

Наутро я позвонила Марте – одной из подруг, с которыми познакомилась в деревне, – и попросила отвезти меня к Паласиосу, потому что Хуанки понадобилось срочно заканчивать работу. Похоже, муж по-прежнему считал, что я преувеличиваю свои страдания.

Дверь в кабинет врача я открыла практически с ноги. Во мне клокотала ярость:

– Я хочу, чтобы ты немедленно госпитализировал меня!

– Почему? – удивился он.

– Ну не знаю, – я все еще не утратила способности к иронии. – Может, потому, что я уже неделю лезу на стены от боли? Даже с морфинами и «Трамалом». Я не сплю семь ночей, почти не ем. От боли я могу думать только о том, как ее прекратить, и, к сожалению, в голову мне приходят самые безрадостные мысли. Рука опухла и покраснела выше локтя, и меня преследует ощущение, что внутри нее поселился инопланетянин, который рвется наружу. То есть там инфекция.

Интересно, ощутил ли он ненависть, сквозившую в моих словах? Я говорила спокойно, но лишь с огромным трудом удерживалась от того, чтобы не высказать все, что думаю о горе-эскулапе. Например: «Чертов идиот! Если бы ты хоть немного разбирался в медицине и прописал антибиотики, ничего этого не произошло бы!»

– Но ведь это гематома, – развел он руками.

– Послушай меня, Хосе. Я из семьи потомственных медиков. Я в состоянии различить боль от гематомы и боль от инфекции, и я прекрасно знаю, что мои симптомы свидетельствуют о наличии инфекции. Клади меня в больницу. Сейчас же.

Кажется, жесткий тон его убедил, и он нервно согласился.

Меня поместили в чистилище, как я это называю: большой зал, с тряпичными перегородками, в котором восемь-десять пациентов ждут, пока их распределят по палатам. Здесь у меня взяли кровь и сделали рентген. Мой вопрос: «Почему рентген? На нем же не будет видно инфицированной зоны», – остался без ответа. Анализ крови оказался плачевным. Все показатели зашкаливали.

> «Чертов идиот! Если бы ты хоть немного разбирался в медицине и прописал антибиотики, ничего этого не произошло бы!»

Между тем боль распространилась до плеча. Подошел какой-то врач и сказал, что руку нужно зафиксировать в вертикальном положении, чтобы спал отек. Я спросила, о каком отеке он говорит, если у меня инфекция. Он ответил, что знает лучше. Руку подвесили, привязав к стойке для капельниц. Боль предсказуемо усилилась. Теперь я не просто кричала – нет, я орала на всю больницу. С трудом дождавшись эскулапа, я потребовала немедленно отвязать руку, на сей раз он ко мне прислушался.

И мне наконец-то ввели антибиотик… аугментин. Я, естественно, поинтересовалась, какого черта мне назначают практически святую воду, если у меня уже вполне мог развиться остеомиелит. Этот вопрос тоже проигнорировали. Через пять часов после введения антибиотика рука опухла еще сильнее: пальцы начали напоминать сосиски. Фиолетово-синего цвета. Стало очевидно, что если я ничего не предприму, то в лучшем случае отделаюсь ампутацией, а в худшем – умру от сепсиса. Я потребовала у медсестры:

– Немедленно позовите дежурного врача!

Спустя пару минут показался врач – молодой человек неопределенного происхождения, но явно не испанец.

– Антибиотик не действует, – холодно заявила я.

– С чего ты взяла? Ведь не прошло и двадцати четырех часов после инъекции.

– Давай-ка начистоту. Мне известно, как должны работать антибиотики. Я отдаю себе отчет в том, что они не действуют за пять минут. Но если антибиотик правильный, то после его введения ситуация совершенно точно не должна ухудшаться. А мне стало гораздо хуже.

– Мы не можем поменять антибиотик, надо подождать двадцать четыре часа.

– Ты хоть понимаешь, что может случиться за это время? – спросила я с каменным лицом. – Я могу умереть от сепсиса.

Побледнев, он развернулся и ушел. Я спросила у медсестры,

нет ли в больнице Паласиоса. Но обнаружилось, что в связи с праздниками он взял короткий отпуск (в Испании нередки так называемые пуэнте: если праздник выпадает на выходные, то их продлевают еще на пару дней, чтобы люди могли как следует отдохнуть).

– А ничего, что его пациентке совсем плохо? – задала я риторический вопрос, заранее зная, что ответа на него не получу.

Вечером меня перевели в отдельную палату. Хуанки провел ночь рядом со мной в кресле. Своего раздражения он, впрочем, не скрывал и постоянно делал мне замечания, так что я страстно желала, чтобы он исчез, – не только из палаты, но и вообще из моей жизни. Утром меня навестила мама вместе с Марио, ее вторым мужем, – потрясающим мужчиной, умным и интеллигентным, с безупречным чувством юмора. Он один из немногих людей в этом мире, к чьему мнению я прислушиваюсь. С их приездом я слегка воспрянула духом.

Привезли обед. Правой рукой я двигать не могла, к левой была подсоединена капельница, и мама предложила меня покормить. Ради одного этого стоило пройти через ад: мама кормила меня с ложечки впервые с тех пор, как мне исполнилось два года! Телячьи нежности у нас в семье не были приняты. К тому же в последние десять с лишним лет мы редко общались, да и в принципе я привыкла полагаться исключительно на себя, не рассчитывая на чужую помощь. Но сейчас я согласилась. Наверняка это было трогательное, почти пронзительное зрелище: мать, кормящая с ложечки свою тридцатитрехлетнюю дочь. В тот момент я осознала, что мама любит меня, просто по разным причинам не хочет это демонстрировать. Возможно, чтобы не причинять душевную боль нам обеим. Я вспомнила, как ухаживала за бабушкой, маминой мамой, и точно так же кормила ее с ложечки… Уж не знаю, что на меня повлияло: наркотики, которыми меня исправно пичкали, усталость, внезапно нахлынувшая ностальгия или все сразу, но я почувствовала прилив счастья.

Утром ко мне заглянул врач-терапевт. В Испании именно терапевт назначает лекарства, а хирург, проводивший операцию, практически не имеет права голоса в этом вопросе. Тем более если хирург отдыхает на пляже, пока его пациент лезет на стену от боли.

– Поменяй мне антибиотик, – потребовала я.

– Мы должны еще подождать! – последовал стандартный ответ.

Сил на возражения у меня не осталось. Вместо этого я позвонила своей двоюродной сестре – руководителю одного из

подразделений крупной фармацевтической фирмы – и попросила совета. И вот что она порекомендовала: я должна была потребовать результаты анализов, упомянув, что собираюсь показать их профессору из России. Я с энтузиазмом взялась за дело. Потребовала бумаги. Ровно через полчаса на пороге палаты появился терапевт и сообщил, что лекарство поменяют.

– Да не может быть, – съязвила я. – А когда мне сделают томограмму, чтобы понять, из-за чего так болит рука?

Он сказал, что я – в очереди, и ушел. В одиннадцать вечера мне поставили капельницу с новым препаратом и морфинами, и через двадцать минут я уснула как убитая. Муж спал рядом на диване. Надо отдать должное испанским больницам: большинство из них превосходит российские клиники и по оснащенности, и по комфортабельности. Причем это касается как платных учреждений, так и бесплатных. Палата, в которой я лежала, была рассчитана на одного человека. В ней имелись телевизор, вай-фай, современная регулируемая кровать, письменный стол, тумбочки на колесиках, ванная, диван для посетителей и даже балкон, выходивший, правда, на шоссе. Но все лучше, чем сидеть взаперти (в палатах без балкона окна открывать запрещалось).

Проснулась я в пять утра, оттого что моя рука была мокрой. Включив свет, я увидела кровать, залитую гноем.

– Хуанки, срочно зови медсестру, антибиотики подействовали!

Тот позвонил, мигом прибежала любезная девушка Мария и, увидев мою руку, тут же пошла за дежурным врачом. В дверях появился медик странного вида (и неудивительно: в пуэнте все более или менее приличные врачи стараются уехать), говоривший с неуловимо знакомым акцентом.

– Ты из Румынии? – догадалась я.

– Да.

Надо отдать должное испанским больницам: большинство из них превосходит российские клиники и по оснащенности, и по комфортабельности.

Я объяснила ситуацию. Боль в руке не стихала, а при любом нажатии из нее вытекал гной.

– Ну что ж, будем ждать! – отрезал профессионал.

– Ты с ума сошел? Чего будем ждать? Ампутации или сепсиса?

Он стушевался, но потом ответил:

– Надо подождать двадцать четыре часа, чтоб гной собрался в одном месте!

– Ты понимаешь, что на кону моя правая рука, а я

писательница и при этом правша?! Нужно срочно сделать томограмму и чистку, установить дренаж. Только так можно спасти руку.

Он пожал плечами и вышел из палаты.

Я снова вызвала медсестру, которая попыталась почистить рану. Каждое прикосновение причиняло нестерпимую боль. Утирая слезы, я обратилась к девушке:

– Мария, послушай. Я понимаю, что это звучит абсурдно, но я сомневаюсь в компетентности местных врачей. Меня нужно срочно оперировать, но перед этим необходима томограмма.

– Сегодня выходной, и томограмму можно сделать, только если есть непосредственная угроза жизни.

– А сепсис, который, весьма вероятно, разовьется у меня в течение этих чертовых двадцати четырех часов, не кажется тебе непосредственной угрозой жизни?!

Медсестра побледнела и вышла из палаты. А через час меня отвезли в радиологическое отделение. Появившийся хирург – не Паласиос, а другой, по имени Даниэль Ферро, – пообещал, что операция начнется часов в шесть вечера.

Томограмма оказалась настоящей пыткой. А тяжелее всего было держать руку в фиксированном положении. Но я справилась, поскольку за долгие годы привыкла к принципу «надо – значит надо».

После процедуры вновь подошел Даниэль и спросил, что я ела на завтрак. Я ответила, что смогла выпить только сок. И то лишь для того, чтобы предотвратить голодные обмороки. Хирург сказал, что в этом случае, несмотря на риск, не будет дожидаться вечера и прооперирует меня экстренно. На нем лица не было, и я внезапно осознала, насколько все плохо. Ради меня даже отменили плановую операцию.

Хуанки привез Катю. Мама с Марио тоже приехали. Последнее меня особенно растрогало. Впервые за долгие годы я чувствовала себя по-настоящему нужной.

В полдень меня увезли в операционную. «1 мая, День трудящихся», – почему-то пронеслось у меня в голове. Мне надели маску, и я уснула. А очнувшись, прежде всего посмотрела на руку: зрелище было удручающее. «Разрез с двух сторон, – подумалось мне. – Черт, прощайте кулинарные передачи! С такими шрамами меня никто не захочет снимать!»

Я думала, что после операции все мигом наладится, но этого не произошло. Долгое время мне не удавалось пошевелить пальцами правой руки. Несмотря на гору принимаемых ежедневно таблеток («Трамадол», антиэпилептики, морфины, антидепрессанты и так далее), боль сопровождала меня и днем и

ночью.

Да и муж, словно нарочно, принялся доводить меня до белого каления с удвоенной энергией. Может, мои страдания доставляли ему удовольствие? Изо дня в день он талдычил, что я не люблю его и не хочу работать над отношениями. Я попросила его возвращаться домой хотя бы на ночь, чтобы Кате не было так одиноко, но он меня не слушал.

Муж, словно нарочно, принялся доводить меня до белого каления с удвоенной энергией. Может, мои страдания доставляли ему удовольствие?

Стоит ли удивляться, что сердце Хуанки начало барахлить еще сильнее?

Когда его пульс впервые ускорился до 230 ударов в минуту, я сказала, что ему стоило бы самому лечь в больницу и подлечить сердце. Он сослался на Катю, которую не хочет оставлять совсем одну. Но я возразила, что за дочкой может присмотреть и Марта, тем более что дома он, по сути, не бывает. Тогда он заявил, что я не справлюсь без его помощи. Я заверила мужа, что как раз в больнице мне помогает медперсонал, а вот после выписки придется тяжело. Чем он мне поможет, если на каждом шагу его будет преследовать одышка? Однако он и слышать об этом не желал.

Поначалу я думала, что Хуанки всего-навсего рассчитывает заполучить еще один козырь, который сможет использовать против меня в грядущих скандалах: он, мол, день-деньской просиживал у моей постели, несмотря на слабое сердце, а я, бессовестная, совершенно не ценю его жертв и не жалею его.

Но дело в том, что я-то об этом не просила. Откровенно говоря, меня напрягало круглосуточное пребывание в одной комнате с ним. К тому же он почти все время сидел, уткнувшись в компьютер, и одергивал меня каждый раз, когда я звонила подругам: якобы я мешаю ему работать над новым меню.

Лишь позднее до меня дошло, что у Хуанки имелась и иная причина. Он не покидал палаты, так как боялся, что я найду себе в больнице кого-нибудь другого. Всякий раз, когда ко мне приближался посторонний мужчина, на лице мужа отражалась целая буря эмоций.

Поскольку выбор развлечений был невелик, ведь телевизор я не смотрю, мне пришлось нарезать километры по больничным коридорам. Чтобы снять стресс, я (с каким-то даже остервенением) гуляла с утра до ночи. Был у такого времяпровождения еще один существенный плюс: Хуанки за мной не ходил, потому что тахикардия мешала ему. Я попросила его

дать развод и с тех пор поднимала эту тему ежедневно, но пока безрезультатно.

Однако сохранились у меня с тех времен и хорошие воспоминания.

Каждое утро ко мне заглядывал физиотерапевт – улыбчивый пожилой мужчина, всегда носивший галстуки с растениями или животными. Я неизменно смеялась и спрашивала: «Кто у нас сегодня?» Иногда это были жирафы, порой – бегемоты или попугаи. Вместе с ним мы пытались вернуть работоспособность моей правой руке. Процесс этот я бы приятным не назвала, а вот самого врача – очень даже.

Кроме того, я познакомилась со многими больными и сдружилась с медсестрами. История одной из пациенток поразила меня до глубины души. У нее не было забинтованных конечностей, она не хромала. Как-то я спросила, что она делает в травматологическом отделении, и та поделилась своей, не побоюсь этого слова, трагедией. Когда девушка проходила рутинный медосмотр по работе, врач обратил внимание на небольшую припухлость под мышкой. Никаких других симптомов не было, однако медик настоял на обследовании. Диагноз прозвучал как гром среди ясного неба: рак лимфатической системы и легких. А у девушки дочь лет пяти и муж, который явно души в ней не чаял. Вопреки всему она не утратила оптимизма и бодрости. И глядя на нее, я подумала: «Мне грех жаловаться. В худшем случае у меня всего лишь не будет работать правая рука».

Когда меня выписали, рука по-прежнему не двигалась, с двух сторон ее уродовали шрамы. Муж отвез меня домой и в тот же день лег в больницу.

– Но как я буду одна? – Вопрос был скорее риторический. – Я не могу ни помыться, ни причесаться толком, ни еду приготовить, ни водить машину. Мы живем в лесу, до магазина полчаса пешком, а холодильник пустой. Мне ежедневно надо делать перевязки.

– Ты хочешь, чтобы я умер, да?

– Ты сам знаешь, что нет. Но почему ты не лег в больницу, пока там была я?

– Хватит меня изводить!

– Ладно, поступай, как считаешь нужным.

На протяжении следующих недель я не уставала благодарить бога и своих родителей за то, что у меня такая самостоятельная дочь. Не представляю, как бы я справилась, будь на ее месте обычный испанский ребенок одиннадцати лет. Мама и папа воспитывали меня в строгости и сызмала приучали все делать

самой. В семь лет я умела готовить и начала подрабатывать в шахматном издательстве, где трудился мой отец, в девять научилась чинить розетки, в одиннадцать – собирать мебель, в тринадцать пошла работать, в шестнадцать зарабатывала больше, чем папа, а в семнадцать жила одна на собственные, кровно заработанные деньги. Свою дочь я растила так же. Катя умела готовить и убирать, сама ездила в школу на рейсовом автобусе. Она без страха делала мне перевязки, спокойно мыла и одевала меня, ходила со мной в магазин и носила сумки.

Хуанки же занимался тем, что изводил меня по телефону.

– Ты должна приехать ко мне, – заявил он, не успев обосноваться в палате.

– Как я приеду, если не могу водить машину? Но главное, в машине трясет – даже на ровной дороге. Ты понимаешь, что мне больно ездить в любом транспорте? – попыталась я вразумить его.

– А мне не больно было? Я сутками сидел у тебя в больнице, несмотря на больное сердце.

– Так и знала, что в итоге ты попрекнешь меня этим. Ты сидел не ради меня, а ради себя.

> Я не уставала благодарить бога и своих родителей за то, что у меня такая самостоятельная дочь. Не представляю, как бы я справилась, будь на ее месте обычный испанский ребенок одиннадцати лет.

– Какая же ты эгоистка!

– Это я слышала уже миллион раз. Есть что-нибудь новое? Если нет, я пошла, мне надо работать. – Мне хотелось поскорее завершить этот бессмысленный диалог.

– Тебя никогда не бывает рядом, когда мне плохо.

Я, до этого мгновения сохранявшая спокойный тон, не выдержала:

– Да как у тебя язык повернулся?! Все эти годы я едва ли не пылинки с тебя сдувала и при этом работала на износ, воспитывала дочь, решала проблемы. А ты? Что делал ты? Никогда я не чувствовала, что могу на тебя опереться. Я устала, я хочу развод, Хуан Карлос. Эти отношения не приносят мне ничего, кроме страданий.

– Если со мной сейчас случится инфаркт, то виновата будешь ты!

Он бросил трубку. Но тут же начал писать. В конце концов, собрав волю в кулак, я поехала к нему, хотя знала, что поездка не принесет пользы ни моему здоровью, ни нашим отношениям. И действительно. Рука разболелась, а весь тот час, что я провела в больнице, мы с мужем непрерывно ругались.

Зря я, конечно, уступила. Заметив, что во мне сохранились остатки жалости к нему, он настоял на том, чтобы я приезжала каждый день вплоть до его выписки. Которая, к моей огромной радости, все-таки состоялась. Честно говоря, в последние месяцы мне подчас казалось, что я попала в замкнутый круг, из которого нет выхода.

Тем не менее Хуанки прооперировали и отпустили домой. Перед выпиской хирург-кардиолог клятвенно заверил меня, что приступы тахикардии не возобновятся. И я с чистой совестью решила, что первый пункт моего плана – вылечить мужа – выполнен.

Осталась самая сложная часть – развод. Я больше не видела себя рядом с этим человеком и в который раз предложила развестись, но он сказал, что не оставит меня, пока я не вылечусь. Мне вспомнилась байка про птичку, увязшую в смоле: стоило ей вытащить хвост – клюв увяз; стоило вытащить клюв – хвост увяз. И так до бесконечности. Я ощутила себя той самой птичкой. Но что я могла сделать? Разве что вылечиться побыстрее.

Однако и на это сил почти не осталось. Тяжелая болезнь едва не доконала меня, а лекарства, которые я принимала горстями, запивая к тому же вином, добивали мой несчастный организм. Все вокруг рушилось, и у меня не было энергии, чтобы этому противостоять. Я не могла ни заниматься любимой работой (с одной рукой невозможно писать или готовить), ни читать (из-за таблеток мозг отказывался воспринимать какую бы то ни было информацию). Отдохнуть в тишине – и то не удавалось.

Рука практически не двигалась, несмотря на то что после операции прошло несколько месяцев. Порой целыми днями я просто лежала на диване. «Какая ирония, – думала я иногда. – Могла ли я еще полгода назад предположить, что мы с Хуанки поменяемся ролями?» Однако разница между нами была: когда он восстанавливался после операций, я хотя бы не затевала ссор.

Я не хотела никуда ехать, ни с кем встречаться. Мне было абсолютно безразлично, как я выгляжу, сколько вешу и что будет со мной дальше. Я все глубже погружалась в бездну апатии и уже не рассчитывала из нее выбраться.

Доктор Роми – терапевт, которая лечила мою руку после операции, – посоветовала мне сходить к психологу. Я восприняла это предложение скептически, поскольку не верила мозгоправам: многих из них я знала довольно близко и была в курсе того, что в их жизни, как правило, царит полный бардак. Тем не менее я уважала моего терапевта и потому решила воспользоваться ее рекомендацией.

Как и ожидалось, психолог задавала стандартные вопросы и

произносила стандартные подбадривающие фразы. Я и сама говорила бы нечто подобное, если бы захотела поддержать человека, оказавшегося в сложной ситуации, в которой мне не довелось побывать.

Но одна из идей, высказанных во время сеанса, все же задела меня за живое: «Мы не всегда задаем ритм в этой жизни. Не все зависит от нас. Порой нужно просто расслабиться и отпустить вожжи, вместо того чтобы непрерывно ставить перед собой цель за целью». Я задумалась.

С одной стороны, расслабляться – это как раз то, чего я не умела. Всю жизнь я из кожи вон лезла ради собственных или семейных целей. С юных лет мне пришлось самой зарабатывать на хлеб. Уже в семнадцать я пахала как проклятая, чтобы добиться приличной зарплаты и обеспечить свое существование, а параллельно училась в лингвистическом университете, который, к слову, окончила экстерном. В девятнадцать я начала жить с Олегом, а через два года, в 2004-м, родила Катю. За все это время я не работала только четыре дня: в тот день, когда меня положили в роддом, на следующий, потому что рожала, а затем мне понадобилось еще двое суток, чтобы прийти в себя. И сразу же после этого я приступила к «труду и обороне». Даже уходя в отпуск, я обязательно брала подработки.

Мне не нравилось останавливаться на достигнутом, я всегда была очень амбициозной. Ну а когда всерьез занялась писательством, то и вовсе забыла об отдыхе. Со мной неизменно были компьютер и телефон, постоянно разрывающийся от звонков. Я часто не спала ночами, чтобы закончить книгу в срок. Я знала, чего хочу добиться, и стремилась к успеху. Хотя вскоре после тридцатилетия немного растерялась. Казалось, я достигла всего, о чем можно мечтать в моем возрасте: более двадцати книг, замечательная дочь, переезд в Испанию, стабильный высокий заработок, путешествия по всему миру. Как отыскать новую мечту? К чему сейчас стремиться? Однако кризис продлился недолго. Уже спустя три месяца я поставила новую цель – издаться в Испании. Через год и этот рубеж был взят.

Я жестко контролировала свою жизнь и всегда знала, что должна сделать завтра, чтобы приблизиться к мечте. И никогда не позволяла себе расслабиться. Казалось, стоит мне взять передышку – и я потеряю все, чего добилась с таким трудом.

Но с другой стороны, так ли уж это плохо – быть хозяйкой собственной жизни, а не полагаться на волю капризного случая? Может, каждому свое? Кому-то – порхать мотыльком, а кому-то – тянуть свою ношу, как муравей?

Если поразмыслить, болезнь предоставила мне ту самую

передышку, на необходимость которой намекала психолог. Если бы я и хотела двинуться вперед, то физически не смогла бы сделать это. Я по-прежнему иногда проводила семинары, пусть они и давались мне с огромным трудом. Но ни о какой другой работе, а тем более о чем-то кардинально новом, не могло быть и речи. У меня появилось время… Для чего? И потом, одного свободного времени для счастья недостаточно. Нужны еще и возможности, в том числе финансовые. А они таяли на глазах. Доходы упали. Курс евро неуклонно рос, превращая мои и без того скромные заработки в пыль. Тем летом я впервые в жизни увидела нули на балансе всех моих дебетовых карт.

Меня охватила неизбывная тоска. Ну вот, я плыву по течению. И что в этом хорошего?

Помимо всего прочего, я по натуре не из тех, кто любит легкие решения и проторенные тропы. Помните, у Джанни Родари была такая сказка «Дорога в никуда»? В ней повествуется о мальчике по имени Мартино, который у всех спрашивал, куда ведет заброшенная дорога, но неизменно получал ответ: «Никуда». Однако он не мог с этим смириться, его пытливый ум отказывался верить, что тропинка упирается в пустоту. И однажды он отправился в путь по той дороге. Шел он, шел, но вокруг был все тот же лес. Мартино уже почти потерял надежду увидеть хоть что-нибудь иное, когда заметил прекрасный замок, а в нем – потрясающе красивую женщину, которая щедро одарила его и отправила домой в карете. После того как герой достиг родного селения, его примеру последовали многие другие. Но все вернулись ни с чем, ибо некоторые дороги приносят плоды только первопроходцам.

Конечно, есть люди, которые предпочитают стабильность и добиваются неплохих результатов, следуя известным курсом. Но кто знает, каких высот они достигли бы, если бы рискнули шагнуть в неизведанное?

Как правило, судьба предоставляет нам выбор. Порой он дается легко, но чаще вселяет в нас беспокойство и неуверенность. Мы не знаем, что именно принесет нам счастье и как поступить в той или иной ситуации. Однако всегда есть два пути – поверить, что в жизни возможно все, и шагнуть вперед, или остаться на том же самом месте – привычном, но бесперспективном.

Большинство моих знакомых всю жизнь следуют курсом, который проложили еще в детстве. У них все по правилам. Они упорно учатся в школе, поступают в институт, находят себе «подходящего» партнера, живут с ним в относительном мире и согласии, рожают детишек, корпят на какой-нибудь унылой

работе, из года в год ездят отдыхать в один и тот же отель, по выходным смотрят телевизор. Они настолько привыкают к такому укладу, что даже их мысли и слова начинают сходиться, причем многие считают это очаровательным. И никого не волнует, что мысли эти вращаются вокруг обеденного меню, а разговоры касаются преимущественно погоды да вечерних телепередач. Что же до принципиальных вопросов: смысла жизни, планов на будущее, – об этом стараются не задумываться. Даже музыку и книги (которые, скорее всего, не читают, потому что на подобные глупости не остается времени) они обсуждают редко.

Спросите любого случайного прохожего на улице: «Каким ты видишь себя через десять лет?» Вероятнее всего, он не даст вразумительного ответа. Кое-кто, возможно, перечислит список того, что хочет купить в ближайшие годы. Кто-то упомянет предполагаемые карьерные достижения. Женщины расскажут о своем (будущем) муже и детях. Но где же здесь душа? Где то, из-за чего по утрам открываешь глаза с радостью?

> Всегда есть два пути – поверить, что в жизни возможно все, и шагнуть вперед, или остаться на том же самом месте – привычном, но бесперспективном.

Может, я слишком требовательна к людям? Но я не умею иначе, я так привыкла. Мне нравится расти над собой. И мне хочется, чтобы люди, окружающие меня – близкие и не очень, – тоже попытались стать хоть немного выше. Кстати, когда начинаешь идти вверх, остановиться потом крайне сложно. Попробуйте взобраться по крутой лестнице. Страшно? А теперь спуститесь с нее! Еще страшнее? То-то же. Подниматься в гору, несмотря на дискомфорт, все равно проще. Потому что мы видим перед собой перспективы. Мы не знаем, что ждет впереди, и это порой пугает, но вместе с тем мы постоянно удивляемся и радуемся чему-то новому. Спуски же, которые физически даются легче, морально давят на нас, ведь мы уже шли этой дорогой, мы поднимались вверх, полные надежд, и теперь понимаем, что ничего нового на обратном пути не встретим. Чем дальше вниз, тем хуже будут виды, а жизнь все сильнее станет напоминать тлеющие угли, а не пылающее пламя. Так и возникает депрессия.

Таким образом, вместо того чтобы расслабиться и всплыть на поверхность, я, лишенная возможности «шевелить лапками», спускалась все ниже и ниже. И каждый раз, когда создавалось впечатление, что хуже не бывает, жизнь доказывала обратное. Но мне было все равно. И мне впервые не хотелось искать дорогу вверх.

Как и почему мне удалось выкарабкаться? Сложно сказать. Но

однажды я проснулась и поняла, что все печальнее некуда. Я плотно сидела на морфинах и литрами пила вино, но даже это не помогало забыть ни о боли, ни о суровой реальности. Я осознала, что вот она – настоящая депрессия. Я очутилась на самом дне. Чувствовать себя на дне и действительно находиться там – совсем не одно и то же. Когда мы чувствуем, что достигли дна, – это еще не дно. Оказавшись на дне, мы вообще перестаем чувствовать. А я уже давно не испытывала никаких эмоций: ни радости, ни отчаяния – ничего, кроме вялой тоски.

Я подошла к зеркалу и увидела в нем незнакомку – постаревшую и поправившуюся. Я перестала краситься и носить каблуки. Я забыла, когда выходила из дома в последний раз. Я то и дело плакала и почти не спала, несмотря на убойные дозы снотворных. Я не читала книг, не смотрела фильмов.

Я достала старые фотоальбомы и принялась листать. Вот мне года три: на утреннике в детском саду я с выражением читаю стихотворение Ахматовой «Слава тебе, безысходная боль», а воспитательницы слушают с открытым ртом. Вот я в школе – тогда я любила Майн Рида и «Унесенных ветром». Вот мне шестнадцать: я, совсем взрослая и очень красивая, стою рядом с парнем, в которого была серьезно влюблена. Вот моя первая свадьба, рождение Кати, первый развод, вторая свадьба, наши поездки с Сережей, встречи с читателями, участие в теле– и радиопередачах, интервью, переезд в Испанию, третья свадьба, реклама моей книги на испанском в крупнейшем книжном магазине Мадрида (плакат висит рядом с анонсом романов Маркеса)… Я захлопнула последний альбом.

«Какого черта! – воскликнула я вслух. – Это не моя жизнь. Вот здесь моя жизнь, – с этими словами я погладила увесистый альбом. – Да, я скатилась очень глубоко, но это не приговор. Порой надо проиграть сражение, чтобы выиграть войну. Войска потерпели поражение по всем фронтам, и я временно потеряла контроль над ситуацией, но это не значит, что я плохой полководец. Нужно срочно заняться реорганизацией армии!»

Я вышла из комнаты, спустилась по лестнице и сказала Хуанки:

– Мы разводимся. Я не могу так больше, я схожу с ума.

– Хочешь развестись – обращайся в суд. Но я согласия на развод не дам.

Я не рассчитывала на такую реакцию и, признаться, расстроилась. В Испании сложно получить развод, если один из супругов против.

«Какого черта! – воскликнула я вслух. – Это не моя

жизнь. Вот здесь моя жизнь, – с этими словами я погладила увесистый альбом.

– Но это же бред! У нас нет имущества, общих детей, нам нечего делить! Или ты вынудишь меня потратить пару тысяч евро просто так?

Меня беспокоили не столько деньги. Дело в том, что по испанским законам я не могла до развода выгнать Хуанки из дома без его согласия, а судебный процесс мог тянуться месяцами и даже годами.

Сколько я ни уговаривала мужа, все было тщетно. Он умолял меня одуматься, дать ему второй шанс. Уезжать из дома он явно не собирался, хотя ходил мрачнее тучи, спал на диване и почти не разговаривал со мной.

И тогда мне в голову пришла блестящая мысль. Я позвала его к себе в спальню и начала:

– Милый, я не могу жить в состоянии холодной войны. Мои условия: ты находишь работу, квартиру, и мы разводимся через нотариуса, по-доброму. Ты учишься контролировать себя и заново общаться с людьми, потому что за последние годы успел разругаться абсолютно со всеми. А потом, если я увижу, что ты изменился, мы опять сойдемся. Послушай, может быть, ты прав и мы действительно все еще любим друг друга. И я, вероятно, смогу забыть все то плохое, что между нами произошло. Но разведемся мы в любом случае. Если когда-нибудь нам захочется, мы всегда сможем пожениться снова. Сейчас ты без звука подписываешь все документы. А я обещаю, что попробую возродить в себе былые чувства.

Я прекрасно понимала, что это ложь. Но жить в аду оставшееся до развода время мне не хотелось. К тому же я всегда ненавидела конфликты в семье и, кроме того, старалась сделать расставание не слишком болезненным для Хуанки.

Он просиял:

– Правда? Если ты и правда обещаешь, то я согласен на любые твои условия!

– Сразу тебе скажу, что в единорогов я не верю.

– В единорогов?

– Да. Они описаны во многих книгах, а кое-кто утверждает, будто встречал их на самом деле. Но я не поверю в существование единорога, пока не увижу его собственными глазами. Проще говоря, я должна убедиться, что ты и впрямь изменился.

– Я докажу тебе, что единороги существуют!

Тем вечером мы поехали в лес и устроили пикник. На какое-то мгновение мне показалось, что моя любовь к Хуанки прошла

не до конца. Но так или иначе, жить с ним я бы уже не смогла.

За месяц он нашел работу с проживанием в отеле. А я собрала все документы, необходимые для развода.

Глава 8
Разрыв

Вскоре после того разговора я решила, что пора завязывать с наркотиками. Пользу они приносили весьма относительную: немного приглушали боль, но полностью от нее не избавляли. И я подумала: «Какой смысл их пить, если все равно больно? Допустим, станет еще чуть больнее, но я и не такое способна выдержать. Зато хоть смогу соображать на трезвую голову!» Сначала я снизила дозу морфинов. Никогда не предполагала, что зависимость от лекарств может быть настолько сильной. Меня трясло, голова кружилась, я не могла спать и есть, на все реагировала нервно, мучилась от страшной изжоги… Но сдаваться не собиралась.

Затем я отменила антиэпилептики, надеясь, что по сравнению с морфинами от них будет легче отказаться. Как бы не так! Первые несколько дней я практически не могла встать с кровати. Мне казалось, что я умираю. Единственное, чего я страстно желала, – открыть блистер и выпить таблетку, чтобы прекратить мучения. Но если уж я сказала «нет», значит «нет». Две недели я провела как во сне.

Хуанки между тем все пытался выяснить отношения, хотя я объясняла, что момент не самый подходящий. Изо дня в день он спрашивал, почему мы разводимся, на что я неизменно отвечала одно и то же:

– Я не хочу сойти с ума.

Но он, словно не слыша, повторял вопрос снова и снова.

– Ведь мы так любим друг друга! – восклицал он.

«Нет же, нет, я тебя больше не люблю. Есть нежные воспоминания о прошлом, о том, какими мы были, но любви не осталось. Есть секс, есть совместный досуг, но этого мало для того, чтобы мы были счастливы вместе. У нас нет общей цели. Я хочу развиваться, а ты – нет. Я хочу двигаться вперед, ты же тянешь меня назад. А главное, я устала от вечной нестабильности, но ведь ты не способен жить нормально! Ты постоянно наказываешь себя за что-то. Ты привык считать себя недостойным счастья, хоть и пытаешься скрыть это за внешней бравадой. Кроме того, меня утомила роль ломовой лошади. Да, ты болел и ничего не мог делать. Так я ничего и не требовала. Единственное, в чем я тогда нуждалась, – это спокойная атмосфера. Которой в доме не было, из-за того что ты ежедневно устраивал скандалы. Наконец, мне надоело, что ты не можешь

наладить отношения с моей дочерью. Ты обвиняешь ее во всех смертных грехах, но, черт возьми, тебе сорок шесть, а ей одиннадцать!» – проносилось в моей голове каждый раз, но вслух я отвечала только:

– Да, любим, но не так, как раньше.

– А раз любим, то и разводиться незачем.

В конце концов – после очередного спора – он в сотый раз соглашался с моими аргументами. Но лишь для того, чтобы назавтра завести ту же волынку.

Надо отдать Хуанки должное: он очень старался исправиться. Помирился со всеми моими друзьями, изображал из себя великодушного человека, активно налаживал контакт с Катей, но я отчетливо понимала, что это временные изменения.

Устроившись на работу, муж перебрался жить в отель, где консультировал поваров, но не менее трех-четырех раз в неделю приезжал ко мне. Впрочем, даже на расстоянии он умудрялся доводить меня до истерики, так как прицельно бил по самым больным местам, коих за четыре года совместной жизни обнаружил великое множество. Я не сопротивлялась – просто мечтала, чтобы весь этот кошмар скорее закончился.

И судьба сжалилась надо мной. Где-то через месяц после отмены морфинов я увидела свет в конце туннеля. Самочувствие улучшилось. Мой мозг начал со скрипом, но работать. Меня перестало тошнить, появился аппетит. Только рука беспокоила. Принимать таблетки от боли я зареклась, поэтому пришлось переключиться на вино, иначе я просто не смогла бы заснуть. Хотя и алкоголя требовалось все меньше и меньше. Это радовало. А вот врачи расстраивали: они в один голос твердили, что, по всей видимости, восстановить подвижность в кисти не удастся и жизнь моя никогда не станет прежней. «Ну это мы еще посмотрим!» – мысленно возражала я и принималась за упражнения с утроенной силой.

За день до намеченного развода Хуанки написал, что у него жуткая депрессия. Он якобы принял огромную дозу антидепрессантов и дважды упал в обморок на работе. Но я не обращала внимания на его жалобы. Я думала лишь о том, что завтра все это закончится.

«Меня чуть не забрали в больницу, но я отказался, завтра же надо приехать на развод», – сообщил он.

«Да уж, будь так добр», – ответила я холодно.

Вечером Хуанки приехал ко мне домой, невзирая на «ужасное самочувствие». Выпив кока-колы с водкой, он двинулся в сторону кухни, как вдруг опустился на пуфик.

– Ах, у меня опять обморок! – слабо воскликнул он.

Мы с дочкой переглянулись: уж слишком все это выглядело наигранным. Потом он дошел до туалета, где снова «упал в обморок». Услышав грохот, я открыла дверь: Хуанки лежал на полу.

> Врачи в один голос твердили, что, по всей видимости, восстановить подвижность в кисти не удастся и жизнь моя никогда не станет прежней. «Ну это мы еще посмотрим!» – мысленно возражала я и принималась за упражнения с утроенной силой.

– Где я? – спросил он, старательно изображая растерянность.

– Дома, в туалете, – спокойно отозвалась я.

– Нет, я в гостинице, – возразил мой будущий бывший муж.

– Да нет же, дома. Давай я помогу тебе, и ты ляжешь в кровать.

После этого «обмороки» резко прекратились, и всю ночь мы по сложившейся традиции провели ругаясь.

Утром 13 октября мы поехали к нотариусу. «Неужели сегодня все закончится?» – я боялась поверить своему счастью. Хуанки вел машину с каменным лицом.

– Ты подготовила речь? – внезапно спросил он.

– Какую еще речь? – удивилась я.

– Ту, в которой ты скажешь, что любишь меня и что мы снова поженимся, если все будет хорошо. – Он улыбнулся.

– Боже, ты с ума сошел?! Ты представляешь, как это будет выглядеть в глазах окружающих? И главное – зачем?

– Я так хочу. А иначе я не дам тебе развод.

Я едва не заплакала, но, пересилив себя, процедила сквозь зубы:

– Хорошо, будь по-твоему.

«Ненавижу!» – пронеслось в голове. Неожиданно зазвонил мой телефон: номер был незнакомый.

– Екатерина? Это помощник нотариуса из Эскориала. Я никак не могу дозвониться до вашего адвоката. Дело в том, что мы не сможем вас развести. – У меня екнуло сердце.

– То есть как не сможете? Почему? У вас же все бумаги были на руках целых полтора месяца! – Страх во мне нарастал.

– У вас есть несовершеннолетний ребенок, который живет с вами, – отозвались на другом конце провода.

– Но ведь Катя не его дочь, Хуан Карлос не ее опекун. Он вообще не имеет к ней никакого отношения! – Я была на грани отчаянья.

– Ничем не могу помочь, сожалею. Вы можете забрать документы в любое удобное для вас время. – И он повесил трубку.

Хуанки сиял. Я же сидела как громом пораженная: столько терпеть его издевательства, чтобы теперь все равно разводиться через суд!

– Надо будет проставиться Хесусу! – радостно воскликнул он.

– О чем ты? – оторвалась я от печальных мыслей.

– О помощнике нотариуса. Он мой друг, и я попросил его предотвратить наш абсурдный развод.

– Ты в своем уме?! И потом, какой еще друг? Ты его даже не знаешь толком. – Во мне пробудился гнев.

– Думай что хочешь, – ответил Хуанки, все так же хитро улыбаясь. По всей видимости, он пришел к нотариусу, пару раз упал в обморок, пригрозил покончить жизнь самоубийством, добавил, что я сижу на наркотиках (он частенько говорил знакомым, что я наркоманка), и в конторе решили с ним не связываться.

Мне захотелось дать ему по морде. Я в красках представила, как разворачиваюсь и с размаху бью его по щеке. Впервые в жизни. Но я сдержалась.

Хуанки сиял. Я же сидела как громом пораженная: столько терпеть его издевательства, чтобы теперь все равно разводиться через суд!

Оставив Хуанки дома, я поехала на автобусную станцию за Марио – моим отчимом и по совместительству адвокатом, который занимался бракоразводным процессом. Мы договорились, что в назначенный день он подъедет к нотариусу, чтобы, если понадобится, уладить формальности. Теперь же, выходит, он зря потратил время на дорогу. Если бы Марио имел привычку носить с собой мобильный телефон, я бы предупредила его, что визит отменили. Но, как выяснилось позднее, хорошо, что мы все-таки встретились. О нашей беседе я потом не раз вспоминала с благодарностью.

Итак, я поприветствовала Марио, рассказала ему о случившемся, и мы направились в нотариальную контору.

Нотариус даже не вышел к нам. Хесус упорно нес бред про общего ребенка, и все попытки Марио воззвать к его разуму ни к чему не привели. Тогда отчим сказал:

– Катя, пойдем-ка выпьем кофе.

На улице было промозгло, уныло и холодно – как и у меня на душе. Мы нашли столик в кафе на центральной площади и заказали эспрессо. Я чувствовала себя раздавленной и очень злой одновременно.

Марио внимательно посмотрел на меня:

– Я знаю, что ты прислушиваешься к моему мнению. А ты

знаешь, что я никогда не лезу в твою жизнь. Но сейчас я должен сказать тебе кое-что. Ты любишь его?

– Любила, да. Очень любила вначале. Мне казалось, я нашла то, что искала. Но события последних лет убили во мне былые чувства. Хотя мне его жалко. И я боюсь, что он покончит с собой. Ты не видел, в каком он состоянии, Марио. Он невменяем.

– Послушай, мы с твоей мамой живем вместе шестнадцать лет. Иногда мы цапаемся по мелочам, потому что у каждого из нас есть свои недостатки. Но мы все еще любим друг друга. И я убежден: единственная причина, по которой стоит жить с человеком, – это любовь к нему. Все остальные причины не заслуживают внимания. – Марио говорил увлеченно и очень уверенно. – Оставаясь с человеком из жалости, ты портишь жизнь не только себе, но и ему, ведь в конечном итоге вы оба становитесь несчастными. Он манипулирует тобой, и ты это знаешь. Он делает все, чтобы ты не ушла: играет на твоих чувствах, изображает тяжелобольного, использует ребенка (не удивлюсь, если и собаку тоже). Но люди не меняются. Тем более в этом возрасте. Помимо того, что у него, очевидно, биполярное расстройство, он и тебя тянет вниз.

Я хотела возразить, но прикусила язык, понимая, что он абсолютно прав. Мне вспомнилась фраза, много лет назад произнесенная мужчиной, которым я тогда восхищалась. У нас с ним не было близких отношений, даже моим любовником его можно было назвать разве что с большой натяжкой; он казался мне идеальным и недосягаемым. Когда мы с Сережей из-за его беспечности попали в аварию, тот мужчина сказал мне: «Надо правильно выбирать спутников». Знаете, как бывает: кто-то случайно обронит пару слов, а они проникают в душу и ты уже не можешь думать ни о чем другом, потому что эти слова всплывают в памяти снова и снова. И в конечном итоге меняют твою жизнь.

Вот и сейчас слова Марио попали в точку. Хуанки действительно тянул меня на дно. Я толстела, слишком много пила, постоянно хандрила, плотно сидела на таблетках и часто болела. Жизнь всеми способами намекала, что пора притормозить и задуматься над выбором дальнейшего пути, но я мчалась, как экспресс, по накатанной дороге и не могла свернуть. И возможно, мне стоит поблагодарить судьбу за проблему с рукой. Я давно поняла, что характер мужчины лучше всего раскрывается в экстремальных ситуациях. Именно они позволяют увидеть, как ведет себя твой избранник, когда случается беда. И Хуанки совершенно точно вел себя не так, как мне бы хотелось. В определенной степени все, через что я прошла в связи с операцией, стало для меня спасением. Лишь пережитые мучения

помогли мне отказаться от отношений, которые меня убивали – медленно, но верно.

> Знаете, как бывает: кто-то случайно обронит пару слов, а они проникают в душу и ты уже не можешь думать ни о чем другом, потому что эти слова всплывают в памяти снова и снова. И в конечном итоге меняют твою жизнь.

Марио тем временем продолжал:

– Когда я последний раз заходил к доктору Роми, она сказала, что поражена твоей силой. Несмотря на адскую боль и вынужденный прием наркотиков, ты не пропустила ни одного сеанса физиотерапии. Ты улыбалась и смеялась. Ты прихорашивалась перед каждым визитом. Кто-нибудь другой на твоем месте сдался бы, но не ты. Обычно люди с подобным диагнозом и прогнозом замыкаются в себе и впадают в депрессию. Ты же – такое складывается впечатление – не только не сломалась, а наоборот, стала еще сильнее. И ты действительно сильная. На твою долю выпало столько серьезных испытаний, но ты ни разу не опустила руки! Это восхищает меня в тебе. Ты заслуживаешь мужчину, который будет заботиться о тебе, будет боготворить тебя, а не изводить бесконечными и бессмысленными скандалами. Ты заслуживаешь мужчину, который позволит тебе быть собой. Ты столько лет работаешь без продыху! Пора ослабить контроль, и пусть кто-нибудь другой возьмет на себя роль главы семьи. Ты очень устала.

Я ничего не говорила, лишь кивала в ответ. Меня глубоко, почти до слез тронуло то, что доктор Роми так отзывалась обо мне: эта женщина, полька по национальности, сама была чрезвычайно сильной, умной и хваткой, и с первой же нашей встречи я прониклась к ней почтением. Но еще приятнее оказалось выслушивать похвалы из уст Марио, которого я безмерно уважала. После четырех лет жизни с Хуанки моя самооценка упала очень низко. И я понимала, что предстоит проделать длинный путь, чтобы ее восстановить.

– Если ты уверена, что тебя с ним связывает только жалость, надо решительно порвать отношения. Перекрыть все входы и выходы. Отрезать любые пути к возвращению. Разведись через суд, перестань с ним разговаривать по телефону, «Вотсапу», «Фейсбуку» или скайпу. Заблокировать его везде. Никаких контактов с дочкой или собакой. Вытолкнуть его из своей жизни, оторвать от себя.

Меня передернуло, и во мне проснулся страх. Не могу объяснить, чего конкретно я испугалась, ведь я давно разлюбила

Хуанки. С другой стороны, шагать в неизвестность всегда страшно. Какой бы смелой ты ни была. Сколько бы раз ни рисковала и ни начинала все с начала. А ведь я уже много раз пыталась обрести счастье, но результат неизменно оказывался неудовлетворительным.

– Мне так не хочется начинать все с начала. Я страшно устала, – призналась я.

– Если не расстанешься с ним, то устанешь еще больше, и ты это знаешь.

Я знала.

– И что же мне теперь делать?

На протяжении всей беседы меня не покидала растерянность. Обычно я расставалась с мужчинам мирно: никто никого не выбрасывал на улицу. Но есть ли сейчас выбор?

И потом… К разводу все готово. Хуанки относительно здоров, у него есть работа – не бог весть какая, но все же от голода он не умрет. Он может сколько угодно жить в отеле, в котором работает. Я помогла ему помириться с матерью. Договор аренды дома я «незаметно» переписала на себя еще весной, как только получила испанское гражданство. Это оказалось несложно: я позвонила хозяину и попросила оформить документ на мое имя в связи с получением новых документов. По какой-то загадочной причине (которая, впрочем, позднее прояснилась) он не стал задавать лишних вопросов. Но прислал бумагу, которую Хуанки должен был подписать. Суть ее сводилась к тому, что мой муж отказывается от претензий по договору аренды. Я была в замешательстве, не зная, как объяснить это мужу. Но потом вспомнила свой любимый прием – tonta rusa, что переводится как «глупая русская». Он заключается в том, чтобы изобразить недостаточное знание испанского языка, из-за чего якобы не удается донести мысль до собеседника. К слову, очень полезная уловка для тех, кто желает потянуть время. Я с трепетом в сердце показала бумагу Хуанки.

– Ничего не понимаю. Смотри, что прислал мне Хосе Мария. А я ведь просто попросила поменять номер документа и банковского счета! – Я усердно демонстрировала недоумение. – Похоже, он неправильно понял, когда я сказала, что нужно переписать договор на мое новое имя, и подумал, что тебя можно вычеркнуть. С другой стороны, теперь нам вовсе не обязательно иметь договор на оба имени, поскольку гражданство у меня уже есть. Демонстрировать, что мы живем вместе, совершенно необязательно.

Уловив недоверие в его взгляде, я увлеченно продолжила:

– И кстати, это нам даже на руку: в случае чего никто не

спросит, откуда у тебя деньги на аренду дома, ведь ты уже несколько лет не работаешь. А живем мы на алименты от отца моей дочери. Не очень логично, что договор записан на нас двоих, да?

– Ты просто хочешь выгнать меня из дома, – то ли в шутку, то ли всерьез заметил Хуанки.

– Ну конечно! – отозвалась я.

Сам того не понимая, он попал в яблочко. Я и впрямь затеяла «махинацию» с документами ради того, чтобы выставить его вон. Однажды в пылу ссоры муж заявил, что никуда из своего дома не уйдет. Меня как ножом полоснуло, ведь и переезд, и аренду дома, и еду, и одежду – все оплачивала я. И он смеет говорить, что это его дом?! «Ладно, – подумала я тогда. – Посмотрим, кто кого!» И тут же приступила к осуществлению операции «наивная чукотская девочка» – почти не рассчитывая на успех, позвонила хозяину с просьбой переоформить договор.

Мне повезло, что Хосе Мария изначально не питал симпатии к Хуану Карлосу. О причине такого отношения я узнала, лишь когда сообщила хозяину о нашем разрыве и попросила не поддаваться на провокации со стороны моего бывшего, если они возникнут. Я как-то упоминала, что в исходном договоре аренды был пункт, гарантирующий, что после развода жена и ребенок остаются в доме. Мой муж активно настаивал на его исключении, и оказалось, что Хосе Марию это сильно задело, так как он был свидетелем неприятного развода матери с отцом, а также сестры с мужем. Порой мне кажется, что все, кроме меня, с первого взгляда понимали: с Хуаном Карлосом что-то не так. У меня же на то, чтобы это заподозрить, ушло полгода, а чтобы в этом убедиться – год.

Впрочем, я отвлеклась. К тому времени, как мы допили кофе, Марио объяснил, как мне действовать дальше. Я проводила отчима на станцию, поцеловала на прощание и пообещала сделать то, что должна.

По дороге домой я размышляла. На душе было тяжело, и я не понимала почему. Естественно, никто не знает правильных ответов заранее. Но ведь то, что ты для себя выбираешь, и является правильным решением, самым подходящим в данный момент. Может, для другого человека в тех же условиях правильным было бы что-то иное, но для тебя верным является именно твой выбор. И потом, не об этом ли я просила в последнее время? Не о желанном ли освобождении? Пусть поначалу будет в два раза, в пять раз больнее, но зато я быстрее обрету счастье. Никто не скажет, сколько придется ждать, но своими нынешними страданиями я приближаю долгожданный миг. Никто не скажет,

где и когда случится чудо, но я встречу мужчину, предназначенного только для меня. Кто он – секрет. Пока секрет. Просто надо подождать. И верить, что это вот-вот произойдет.

Когда я вернулась, Хуанки поджидал меня у гаража.

– Где ты была столько времени?! Ты же знаешь, мы должны ехать к моей маме!

Я глубоко вдохнула и собралась с мыслями, но ничего не ответила.

– Поехали уже, мы опаздываем!

Я пристально посмотрела на него.

– Я никуда не еду. – Мой голос прозвучал на удивление твердо.

– То есть как это? Что еще за новости? – Он напрягся.

Я прошла в гостиную. Села за стол. Он опустился на диван и уставился на меня.

– Нам нужно поговорить, – продолжила я, глядя на него в упор.

– Нет, пожалуйста, не начинай! Да что с тобой такое? – В его глазах проступили слезы.

> Никто не скажет, сколько придется ждать, но своими нынешними страданиями я приближаю долгожданный миг. Никто не скажет, где и когда случится чудо, но я встречу мужчину, предназначенного только для меня.

– Я все решила: мирные переговоры закончены. Я больше не люблю тебя. Я хочу, чтобы ты ушел прямо сейчас. Мы разводимся через суд. Ты измотал меня. Ты вынул из меня всю душу. Я так больше не могу и не хочу продолжать. Уходи, пожалуйста.

Я говорила спокойно. Он же разразился слезами, упал на колени и принялся умолять меня одуматься.

– Хуан Карлос, не нужно спектаклей, просто уйди, прошу тебя. – Я была непреклонна.

– Но ведь мы всю ночь занимались любовью! – попытался возразить он.

– Мы уже много месяцев занимаемся сексом, – парировала я.

– Подумай немного!

– Я приняла решение. А чтобы у тебя не осталось сомнений в том, что я настроена крайне серьезно, загляни на «Фейсбук»: я поменяла социальный статус и написала, что мы разводимся.

Хуанки переменился в лице. Он-то думал, что, устроив цирк с нотариальной конторой, избежит развода, но получилось наоборот. Он лишь ускорил разрыв и разозлил меня. А меня опасно доводить до точки кипения. У меня большой запас терпения, но, когда человек переступает черту, я ухожу

стремительно, не оглядываясь и не объясняясь. Возможно, кто-то воспринимает это как бегство. Ну и ладно. Главное, что сама я знаю: это осознанное и обдуманное решение.

– Любимая, для чего мне теперь жить? – предпринял он последнюю отчаянную попытку.

– Это не моя проблема, прости.

Он начал с мрачным видом собирать вещи, а немного погодя позвал собаку, но я его остановила:

– Нет, собака останется со мной. Ты не в том состоянии, чтобы я могла доверить тебе живое существо. Макс, домой, – скомандовала я. Пес повиновался.

– Не поступай со мной так, ты же знаешь, как я люблю Макса! Не отнимай у меня сразу все. – Хуанки старательно давил на жалость.

– Напоминаю, что ты живешь в отеле, в котором не разрешается содержать собак, – парировала я.

– Я буду ночевать в машине, только бы быть с ним!

– Ну уж нет. Я не хочу, чтобы моя собака спала в машине. А ты можешь делать что хочешь. Заведи себе свою собаку, например.

– Но Макс и моя собака тоже!

– Да? Серьезно? Заплатила за него я, вырастила его я, выгуливали его я и моя дочь, деньги на его содержание тратила я. Я что-то пропустила?! – Я ощутила прилив гнева. – Уезжай немедленно, а за остальными вещами зайдешь потом. Отдай ключи и мои кредитки.

Он сдался без боя. Отдал все, что я потребовала, и ушел.

Правда, перемирие было коротким, как и следовало ожидать. Он засыпал меня звонками, на которые я не отвечала, и сообщениями, которые я игнорировала. Хотя порой все же писала что-нибудь вроде: «Ты для меня больше не существуешь». Но он не унимался, и через неделю мне это осточертело. Мне и так было тяжело, а он еще сильнее трепал нервы. Я написала ему: «Если ты сейчас же не прекратишь писать мне и Кате, я с этим телефоном пойду в полицию и попрошу, чтобы тебе запретили со мной контактировать каким бы то ни было способом». Памятуя случай со своей матерью, он быстро одумался.

Но опять-таки ненадолго. Спустя несколько дней он возобновил атаку. Тогда я пошла на крайнюю меру – заблокировала его в скайпе, «Фейсбуке», «Вотсапе» и телефоне.

Он попытался связаться со мной через дочку, но это я мигом пресекла. Тогда он начал писать нашим общим друзьям, рассказывая обо мне всякие ужасы, жалуясь, что я выгнала его на улицу практически голым и без средств к существованию, или

требуя, чтобы я немедленно вернула ему какие-то вещи. Пришлось обзвонить знакомых и объяснить, что происходит. Большинство отнеслось к ситуации с пониманием. Кроме того, зная Хуана Карлоса, они верили мне, а не ему. Но некоторые все же встали на его сторону.

Он писал даже тем, с кем давно разругался. К примеру, в «Фейсбуке» решил вновь добавить в друзья Айноа, которую за несколько месяцев до того заблокировал в порыве очередного приступа бешенства. Ей тогда понадобилась помощь, и я, разумеется, не могла отказать. Мы с Катей отправились к Айноа, оставив Хуана Карлоса дома: его сердце плохо реагировало на любую нагрузку, включая обычную ходьбу. Он ужасно разозлился, так как в последнее время старался никуда не отпускать меня одну. Я уехала, не обращая внимания на истерику мужа и на его бесконечные эсэмэски.

Айноа открыла мне дверь с перекошенным лицом: видя, что я не отвечаю, Хуан Карлос начал писать ей. Сто пятьдесят сообщений в секунду, как обычно. Чтобы прекратить это, я ответила ему, что доехала. Он принялся засыпать меня посланиями с новой силой. Айноа сказала:

– Катя, как ты с ним живешь?! Он же настоящий самодур.

– Я знаю, дорогая, знаю, но пока у меня нет другого выбора.

С тех пор Хуан Карлос заблокировал Айноа везде, обосновав это тем, что она не считается с его дружескими чувствами. Я только пожала плечами: у меня не было сил спорить. Когда Айноа навестила меня в больнице, он с ней не поздоровался – просто прошел мимо. Кстати, я не сразу сообразила, но он делал все возможное, чтобы рассорить меня со всеми подругами, и постоянно рассказывал, какие они нехорошие. И вот теперь он захотел возобновить дружбу. Айноа, естественно, отказалась.

Наконец Хуан Карлос, кажется, осознал, что сопротивление бесполезно, и прекратил меня донимать. Когда после его отъезда прошло четыре месяца, я написала ему: «Когда ты заберешь свои вещи? Мне бы хотелось начать жизнь с чистого листа, а огромное количество твоих вещей никак этому не способствует!» Мое сообщение потянуло за собой двухдневную перебранку, но затем он заявил, что приедет на следующей неделе.

Я не сразу сообразила, но он делал все возможное, чтобы рассорить меня со всеми подругами, и постоянно рассказывал, какие они нехорошие.

В назначенный день он появился, требуя вернуть даже то, что я покупала на свои деньги. Я не спорила и молча выносила сковородки, крышки и все остальное, что он называл. По

указанию Марио я не пустила Хуана Карлоса на порог. Дело в том, что по испанским законам, если бы я пустила мужа (все еще не бывшего) в дом и он захотел остаться, было бы очень сложно его потом выгнать.

Хуан Карлос попытался накричать на меня, но я скрылась в глубине дома, чтобы не видеть и не слышать его. Когда фургон с вещами отъехал, я выдохнула с облегчением.

Глава 9
Все заканчивается хорошо

Итак, я рассталась с мужем окончательно и бесповоротно и заблокировала его по всем фронтам. Однако меня, естественно, обуревало женское любопытство: мне хотелось узнать, что происходит в его жизни и долго ли он будет страдать по мне. Поэтому я регулярно следила за его страницей в «Фейсбуке», пользуясь профилем дочери. Наверное, подсознательно мне хотелось убедиться еще и в том, что люди не меняются и что вскоре он начнет вести себя как раньше.

Довольно скоро у него на странице появилось фото его руки и женской кисти, держащих бокалы вина, с подписью «Очень особенный вечер». Я увидела фото мельком и убежала по делам, но позднее решила приглядеться повнимательнее. Зайти в «Фейсбук» с телефона почему-то не получилось, тогда я ввела в поисковую строку гугла имя и фамилию своего бывшего. Каково же было мое удивление, когда я обнаружила, что он зарегистрировался на сайте знакомств! Том самом, где мы с ним познакомились!

Незарегистрированные пользователи не имели права просматривать анкеты на этом сайте, так что я создала свой профиль: меня разрывало от любопытства. Но оказалось, что с пустым профилем я все равно не смогу просмотреть полную версию страницы Хуана Карлоса. И я подумала: «Какого черта? Сделаю свою страничку!» Сказано – сделано. Мне наконец открылась анкета бывшего мужа.

Ник: Дон Кихот.

Возраст: 43.

Я обожаю находиться рядом с людьми, которые мне дороги. Мне очень нравятся собаки и особенно Вести. Я не ищу нездоровых отношений. Мне очень нравится со всеми хорошо ладить и я не люблю никого ранить (о, да!)*, обожаю гулять босиком по траве, когда выпала роса* (кто вам пишет тексты?!), *погружать ноги в морскую воду, пока наслаждаюсь бокалом вина в хорошей компании, гулять и путешествовать* (забыл написать: «за счет жены»). *Я дневная птица, хотя и ночью вполне активен. Обожаю гастрономию, хотя и не очень люблю есть* (именно поэтому, видимо, весит хорошо за сто). *Я всегда был верен моим бывшим партнершам. Хочу познакомиться с такими же позитивными людьми, как и я* (куда уж позитивнее!), *которые растут над собой день за днем и рассматривают радость как цель жизни* (здесь я

разразилась смехом и не могла остановиться полчаса). *Рост 185, вес 90* (ага, 10 лет назад).

Как только я зарегистрировалась, на меня посыпались десятки сообщений, и неудивительно: писательница, которая любит читать, обожает политику, искусство, да еще и симпатичная, – ко мне прямо-таки не зарастала «народная тропа». Но большинство претендентов оказались либо идиотами, либо маньяками. Ни с кем из них я не согласилась встретиться, даже чтобы попить кофе.

В этот момент я вспомнила о своем физиотерапевте Пабло – в высшей степени воспитанном и интеллигентном мужчине. Мы подружились за те долгие месяцы, что я ходила к нему на лечение, и часто болтали обо всем на свете. Совсем недавно он упомянул о сайте, который выгодно отличался от всех остальных количеством вменяемых людей. Я написала ему через «Вотсап»: «Пабло, ты говорил про сайт знакомств, где есть нормальные люди. Как он называется?» Он ответил незамедлительно. Я удалила профиль с прежнего портала и зарегистрировалась на новом.

Поначалу я лишь перебирала фотографии «претендентов», отбраковывая почти всех. Кто-то на снимке походил на серийного маньяка, из кого-то прямо-таки выпирало чрезмерное самолюбие, кто-то откровенно искал исключительно секса. Некоторые фото я все же «лайкала», но большинство тех, с кем у нас обнаружилась взаимная симпатия, отваливались после первого же разговора. Остальные – после первой чашки кофе.

Однажды я наткнулась на фотографию мужчины, производившего нормальное впечатление. Анкета у него была заполнена, и в целом он выглядел неглупым человеком. Я нажала значок в виде сердечка и вышла из приложения. Через несколько дней он ответил взаимным «лайком». Еще спустя какое-то время мы немного побеседовали в чате и обменялись «вотсапами». Давид сразу сказал, что не из тех, кто любит неделями переписываться, а предпочитает побыстрее встретиться и выпить кофе. «Ишь, какой шустрый!» – подумала я. Но в ответ предложила встретиться… в Эскориале, сославшись на занятость.

– Без проблем, – тут же согласился он. – Говори где и во сколько.

– На главной площади. Площадь Испании, кажется.

В назначенное время я приехала к главной достопримечательности нашей деревни «великому и ужасному» Белену – огромной рождественской композиции с жуткими фигурами людей и животных в полный рост, которую ежегодно устанавливали в середине декабря. Я услышала звук сообщения:

«Ты где?» – «Я на месте, а ты где?» Он позвонил:

– Может, я на каком-то другом месте?

– Мм, ты видишь Белен?

– Нет.

– Тогда ты точно на какой-то другой площади. – Я двинулась к соседней улице, но тут подумала, что он, быть может, вообще не в том Эскориале.

Дело в том, что городок делится на две части: верхнюю, где жила я, – Сан-Лоренсо-де-эль-Эскориаль, и нижнюю – собственно Эскориал. Хотя в обоих случаях все говорят просто «Эскориал».

– Скинь-ка мне свое местоположение по телефону, – предложила я.

«Сорок минут ходьбы до места назначения», – порадовал меня навигатор.

– Сейчас приеду за тобой на машине! – проговорила я сквозь смех.

Давид оказался приятным и моложавым мужчиной лет сорока, скромным и явно нервничавшим в моем присутствии. Мы с ним, судя по всему, были во многом похожи. Он постоянно путешествовал и изучал что-то новое, а главное, мне с ним было весело. Однако в тот период у меня появилось столько дел и столько потенциальных кандидатов на роль бойфренда (с ними я тоже общалась), что я не восприняла Давида особенно серьезно.

Вечером он написал, что ему было приятно со мной познакомиться и что он очень хотел бы встретиться еще раз. Я ответила, что скоро уезжаю в Барселону, но по возвращении мы обязательно встретимся.

В Барселоне мы с дочкой провели две замечательные недели: много гуляли, общались с друзьями. Я рвалась в Монтсеррат – монастырь, в котором хранится чудотворная статуя «Черной Мадонны». Со всего мира туда стекаются паломники, чтобы прикоснуться к ней и загадать желание. Я уже дважды ездила туда, и каждый раз все, о чем я просила Богородицу, сбывалось.

Знакомые пообещали свозить меня, но в последний момент передумали. Я не хотела оставлять собаку одну в номере отеля на целый день, поэтому отмела идею ехать поездом или автобусом. Свободных машин в пунктах проката как назло не нашлось. Я поняла, что в этот раз, видимо, не судьба. Мы с Катей отправились на море, посидели на пляже, пообедали, я выпила шампанского, чтобы отпраздновать завершение отпуска. Внезапно позвонила моя давняя подруга, жившая под Барселоной, и я пожаловалась ей, что не попаду в Монтсеррат, хотя очень хотела. И тогда Марго предложила отвезти меня на своей машине. Я так обрадовалась! Мы договорились, что она заедет за нами в шесть

вечера.

Пока мы добрались до горы, было уже восемь. Внутри почти не осталось народу: никакой традиционной очереди к Мадонне и никого у стены со свечами, которые ставили, чтобы желание сбылось наверняка. Я загадала, чтобы мне наконец встретился мужчина, который меня сильно полюбит и который будет меня достоин. Когда мы покидали храм, зазвонили колокола. «Ну все, Марго, теперь точно погуляем друг у друга на свадьбе», – рассмеялась я. На душе стало спокойно: бог, очевидно, услышал мою просьбу.

> В тот период у меня появилось столько дел и столько потенциальных кандидатов на роль бойфренда (с ними я тоже общалась), что я не восприняла Давида особенно серьезно.

На обратном пути, не успев добраться до Мадрида, я получила сообщение от Давида, который предложил встретиться. Это было во вторник, а договорились мы в итоге на вечер пятницы. Всю ту неделю он не звонил и не писал, и я пребывала в твердой уверенности, что ему лень снова ехать в Эскориал и он передумал. Пятничным днем ко мне заглянула Мирослава, мы с ней выпили бутылку вина за обедом, а потом еще немного после. В восемь вечера пришло сообщение от Давида: «Ты где?»

– Ой, Давид-то приехал, – ошарашенно проговорила я.

– И что будешь делать? – спросила Мирослава.

– Пойду на свидание, – храбро ответила я. – Ненакрашенная, прямо в этом драном свитере и нетрезвая.

И пошла.

Мы с Давидом сидели в кафе, пили вино и болтали. На прощание он поцеловал меня. «Целуется он хорошо», – пронеслось в голове. Дома я сразу завалилась спать, а утром обнаружила сообщение: «Начинаю тренироваться для нашей совместной поездки на Мачу-Пикчу». Я улыбнулась, вспомнив, что вчера мы обсуждали мою давнюю мечту – путешествие в Перу.

Давид мне нравился, но я не верила, что у нас с ним может получиться что-то серьезное. Слишком уж легко с ним было общаться. И на День святого Валентина я решила отправиться куда-нибудь одна. Лондон показался мне идеальным вариантом. Давид, хорошо знавший этот город, выразил сожаление по поводу того, что не сможет меня сопровождать. Но я только обрадовалась. Мне было необходимо отрешиться от всего мира, остаться наедине с собой и привести мысли в порядок.

Я прилетела в Лондон в два часа. Ни ужасный аэропорт Станстед, ни очереди на паспортном контроле меня не

беспокоили: я настроилась провести идеальный День святого Валентина. В одиночестве. Всю жизнь я искала себе компанию, чтобы отпраздновать его вместе, но в тот год поняла: лучше быть абсолютно одной, чем с человеком, который разрушает меня, подрывает мою самооценку и стремится изменить мою сущность. Кто-то может возразить: «В отношениях всегда идешь на уступки». На уступки – да, но не на жертвы. Жертвы никто не оценит. Гибкость, безусловно, нужна. Но не разрешение вытирать о себя ноги, не позволение унижать себя. Надо помнить, что каждая из нас пришла в этот мир для чего-то важного. Я не говорю о том, чтобы непременно стать космонавтом, генералом или известной писательницей, – вовсе нет. Можно быть великой строительницей и хранительницей семейного очага. Но лишь в том случае, если есть из чего строить и для кого хранить. Если же попытаешься возвести деревянный дом на тлеющих углях, оставшихся от предыдущего строения, это может закончиться только одним – пожаром.

Я села в экспресс, идущий в центр Лондона. Погода стояла мрачная, за окном тянулись безрадостные, практически подмосковные пейзажи, но в моей душе царила необъяснимая эйфория. Доехав до отеля и бросив сумки, я пошла гулять по городу. И именно тогда поняла, что снова влюбилась. Влюбилась в свою жизнь. Давно я не испытывала столь сильных эмоций. Наверное, причина в том, что одно наложилось на другое. После расставания с мужем прошло четыре месяца: они пролетели как-то совершенно незаметно. Вопреки мрачным прогнозам врачей, рука болела все меньше, хотя с Нового года особых улучшений я не видела. Моя финансовая ситуация начала выправляться. Последствия приема лекарств исчезли. У меня пропала потребность в ежедневной выпивке, потому что мне не от чего было больше убегать. Катя стала вести себя гораздо лучше, с тех пор как Хуан Карлос исчез с горизонта. Мои отношения с мамой тоже наладились. К тому же высвободилось время, которое я раньше тратила на ругань с мужем и на пустые разговоры. Теперь же я могла использовать его для работы, чтения и гимнастики. Ко мне вернулся оптимизм, проснулось желание двигаться вперед. Я опять поверила в свои силы и вспомнила, что чудеса случаются. В который раз, словно птица феникс, я готова была возродиться. Я потеряла мужчину, которого когда-то любила, но взамен обрела свободу, счастье и, главное, спокойствие.

Кто-то может возразить: «В отношениях всегда идешь на уступки». На уступки – да, но не на жертвы. Жертвы никто не оценит.

Отношения похожи на дерево. Сначала ты сажаешь семена, поливаешь их, подкармливаешь и радуешься проклюнувшимся росткам. Они быстро набирают высоту, и ты внезапно оказываешься на вершине дерева, – вдыхаешь дивные ароматы его цветов и мокрой листвы, наслаждаешься плодами и любуешься чудесными видами. Но потом приходит зима. Плоды заканчиваются, листья опадают, а некогда живописные виды тускнеют под пронизывающими ветрами. Ты решаешь спуститься с дерева и осторожно нащупываешь ногой ветку чуть пониже, но вдруг поскальзываешься и, чтобы удержаться, хватаешься за крошечный сучок, попавший под руку. Он надламывается, ты хватаешься за другой, побольше – то же самое! Лишившись опоры, ты падаешь и либо разбиваешься, либо, если повезет, отделываешься переломом. Ничего, что больно: через какое-то время ты снова сможешь ходить. Куда хуже, если человек, невзирая на холод, голод и усталость, даже не пытается слезть с дерева, а ждет весны. Та, конечно, наступает, хотя у изможденного страдальца почти не остается сил, чтобы порадоваться ей. Однако весну сменяет лето, а потом неизбежно возвращаются осень и зима. При этом теплые сезоны с каждым годом становятся все короче, а холодные – все свирепее. Человек начинает впадать во все более длительную эмоциональную спячку и в конечном итоге превращается в робота.

Я всегда старалась «спрыгнуть с дерева» вовремя – когда видела, что зима рискует затянуться. Меня не останавливали ни его высота, ни вероятность того, что в мороз я, быть может, не отыщу еду и на земле. Я рассуждала так: в жизни на высоком дереве есть не только очевидные преимущества, но и столь же объективные недостатки. Да, тебя не могут достать некоторые хищники, но ты становишься легкой добычей для опасных птиц. Да, у тебя полно пищи летом, зато зимой приходится глодать кору без шансов найти что-нибудь более съедобное. Да, земля тоже замерзает, но внизу всегда можно отправиться в теплые края.

Наверное, секрет успешных отношений кроется в совместной подготовке к холодам. И в готовности, если понадобится, вместе спрыгнуть с дерева, чтобы двинуться на поиски нового места. И конечно, в том, чтобы в период оттепели вдвоем запасти побольше положительных эмоций, которых хватило бы вплоть до следующей весны. Но такое случается крайне редко. Чаще всего с наступлением зимы выясняется, что человек, который оказался рядом, прекрасно чувствует себя в пустыне и спокойно наблюдает за тем, как пересыхает ваше дерево.

Моя предыдущая «зима» была чересчур длинной, и накануне

поездки в Лондон я все еще зализывала раны. Но во время прогулок я ощущала душевный подъем. Я твердо верила, что дверь в новую жизнь не раз распахнется передо мной, хотя окунаться в омут с головой не торопилась, а просто наслаждалась внутренней гармонией.

В Лондоне мне повсюду виделись знаки – вещие фразы, появлявшиеся в самых неожиданных местах. К примеру, на памятнике неподалеку от Букингемского дворца было написано: «It all starts with a little faith» («Все начинается с маленькой искры веры»), а на огромном рекламном экране на площади Пикадилли я прочла: «Your future is better than your past» («Твое будущее лучше, чем прошлое»).

Я словно сбросила тяжкий груз всех прожитых лет. Я восхищалась каждым кирпичиком, каждым лучом солнца. А ведь я думала, что навсегда застряну в той фазе жизни, когда Париж или Венеция становятся всего-навсего городами, когда один день сменяется другим, оставляя за собой лишь горькое послевкусие. Но я ошибалась. Просто рядом со мной был человек, чей пессимизм заставил меня забыть, кто же я на самом деле.

Утром 14 февраля Давид написал поздравительную эсэмэску, очень милую и трогательную. Я набрала его номер, но не дозвонилась. Бесцельные блуждания по городу вывели меня к Лондонской национальной галерее, и я, повинуясь порыву, купила билет. Я переходила от картины к картине, как вдруг у меня перехватило дыхание: передо мной висела одна из версий «Подсолнухов» Ван Гога. Никогда прежде я не видела оригиналов его картин, но теперь поняла, почему они стоят таких денег. Я села на банкетку и любовалась «Подсолнухами» с полчаса, наслаждаясь игрой света, текстурой и волшебной энергетикой. Когда я встала, зазвонил телефон. Это был Давид.

Иногда в тридцать четыре года жизнь только начинается, а все, что было раньше, оказывается подготовкой к будущему. Я плыла на кораблике, плавно скользившем по Темзе, и меня переполняло счастье. Под звуки песни Габриэль «Sunshine through my window» я подняла бокал с шампанским и чокнулась с солнцем. Я не сомневалась, что стою на пороге новых серьезных отношений. Это и радовало, и вселяло некоторое беспокойство.

Я задумалась над тем, что делать дальше. Бывают ситуации, когда ты точно знаешь, чего хочешь, но чувствуешь, что время перемен еще не пришло, и тогда весь мир будто сопротивляется любым твоим попыткам что-то предпринять. Но я считаю, что даже в такие моменты лучше действовать. Пусть не очень настойчиво, пусть не совсем в том направлении, но нельзя просто смириться и опустить руки.

Передо мной висела одна из версий «Подсолнухов» Ван Гога. Никогда прежде я не видела оригиналов его картин, но теперь поняла, почему они стоят таких денег.

Наша жизнь подобна желе. Если слегка надавить на него, оно лишь едва заметно прогнется на несколько мгновений. Однако если не отнимать палец достаточно долго, упругая масса растает и превратится в липкую жидкость. В такие минуты ощущаешь себя почти волшебником, алхимиком, способным изменить суть субстанции. Так же и с переменами в жизни. Сначала осторожно делаешь шаги то в одном, то в другом направлении, словно проверяешь, куда тебе позволено идти. Но чем настойчивее попытки, тем больше открывается возможностей и тем сильнее меняется жизнь. А затем наступает миг, когда она уже не может остаться прежней. И одним прекрасным утром ты просыпаешься и понимаешь, что под твоими пальцами – сладкая цветная жидкость, с помощью которой можно нарисовать любое будущее. Здесь очень важно не испугаться – не отдернуть руку, а смело посмотреть вперед и пожелать все, что заблагорассудится. В Лондоне я четко осознала: мое желе растаяло.

В тот же день позвонил друг и сказал, что нашел в Мадриде новых врачей: специалиста по иглоукалыванию и остеопата, которые пообещали помочь с рукой. Что ж, если традиционная медицина бессильна, всегда можно обратиться к альтернативной.

Как только я вернулась в Испанию, Давид настоял на скорейшей встрече, после чего мы стали видеться каждые выходные. Мы гуляли, обедали, целовались, много говорили и смеялись, как безумные. Он вел себя учтиво, не стремился меня полапать и не заводил разговоров о сексе. Я чувствовала, будто мне снова семнадцать. Хотя к четвертому свиданию такая сдержанность начала настораживать (моя тетя предположила, что Давид может быть геем).

Однажды вечером я, немного устав, предложила зайти в кафе или бар и выпить чего-нибудь. Он согласился, но сказал, что сам выберет подходящее место. Мы свернули на «проститутскую улицу» – ответвление от центрального проспекта, где всегда полно девушек легкого поведения. Пройдя ее до половины, мы зашли в магазин… чемоданов. Заметив, что я озадачена, Давид улыбнулся:

– Ты, наверное, сейчас думаешь: «Какого черта он привел меня сюда?»

– Именно! – отозвалась я со смехом.

– Сейчас увидишь.

В лифте мы поднялись на третий этаж. Выйдя, я ахнула: мы

оказались в настоящем саду, красиво подсвеченном.

– Ух ты, как красиво!

– Рад, что смог показать тебе что-то новое. – Давид просиял.

Мы сели у камина и заказали чай. Как обычно, время пролетело незаметно. Давид проводил меня до стоянки на площади Испании, где мы целовались еще минут пятнадцать.

– Так, поеду-ка я, иначе… – не стала продолжать я.

– Иначе мы процелуемся всю ночь, – закончил он за меня.

«Э-э-э, я не совсем это имела в виду», – подумала я, но не озвучила свою мысль.

После этого свидания мама тоже высказала предположение, что он гей. Мои подруги в один голос заявили, что, наверное, у него какие-то проблемы. Я рассмеялась:

– Вам не угодишь. Когда пытаются затащить в постель на первом свидании – плохо, когда не пытаются – тоже плохо.

На шестое свидание, которое должно было состояться в пятницу, Давид (программист по профессии, он в качестве хобби выступал с комедийными монологами) пригласил меня на концерт своих друзей. Я, в свою очередь, предложила ему в ту же субботу пообедать в русском стиле у меня дома, если его не смущает присутствие дочки и собаки. Он ответил, что, наоборот, мечтает познакомиться с Катей. Концерт был смешным; Давид постоянно следил за моей реакцией и радовался, как ребенок, видя, что мне нравится. Потом он проводил меня до машины. Полчаса мы целовались на тротуаре. Пошел снег.

– Черт, снег в конце февраля, – сказала я.

– Как романтично! – ответил он.

А мне вспомнился фильм «Бриджет Джонс» и заключительный поцелуй главной героини с Марком Дарси. Давид по-прежнему не делал никаких предложений. Я намекнула:

> Я сказала:
> – Знаешь, я боюсь влюбиться в тебя.

– Не знаю, как поеду в Эскориал в таком состоянии!

– И я тоже не знаю, как поеду домой, – отозвался он.

«Черт, ну же!» – мысленно подбодрила я его. Увы, он не умел читать мысли, и спустя еще минут десять я не выдержала:

– Ну и что мы будем делать? – Я призывно посмотрела на него.

– Если хочешь, можем поехать ко мне? – дрожащим голосом выдавил он.

– Да! – ответила я моментально.

Стоит ли говорить, что в ту ночь я убедилась в традиционной ориентации Давида и осталась очень довольна. Утром он принес

мне кофе в постель. Я ощущала себя очень комфортно, будто не в первый раз проснулась с ним вместе, а так было всегда. Давид выглядел по уши влюбленным, да и я чувствовала, что запала на него.

Выходные пронеслись как один миг. Я приготовила обед: главным блюдом стали мои фирменные пирожки с мясом. По мнению моей подруги Эллы из Барселоны, без них путь к сердцу мужчины проложить практически невозможно. Я как-то испекла их, пока гостила у нее. Тесто долго не подходило, но, когда выпечка наконец была готова, Элла принялась почти со слезами на глазах поедать пирожки, приговаривая, что теперь должна на мне жениться. Кроме того, я побаловала Давида блинчиками с красной икрой и борщом. На большее у меня не хватило ни сил, ни времени.

После обеда я отвезла Катю к подруге, и мы вернулись домой. Я сказала:

– Знаешь, я боюсь влюбиться в тебя.

Он посмотрел на меня:

– А почему ты этого боишься?

– Потому что слишком часто обжигалась и слишком устала страдать. Вообще слишком устала. Я не переживу еще одного разочарования.

– А почему ты думаешь, что будет разочарование? – спросил он, глядя мне в глаза.

– Опыт, Давид, опыт, – отозвалась я, размышляя о том, с каких пор стала такой пессимисткой.

– Не нужно бояться, просто наслаждайся каждым мгновением, – ответил он.

Весь вечер мы провалялись на диване и проговорили о своем прошлом. Когда я закончила рассказ, Давид заявил:

– Неудивительно, что ты боишься влюбляться! – Он нежно обнял и поцеловал меня, после чего продолжил: – Я люблю тебя. Такой, какая ты есть. Знаю, тебе может показаться, что я чересчур тороплю события, но со мной никогда такого не случалось. Я безумно влюблен в тебя. И я хочу просыпаться с тобой каждый день.

– А я влюбилась в тебя еще до первой нашей встречи.

Я не соврала, сказав это. Мне всегда хотелось встретить такого мужчину, как он.

Мое сердце наполнилось радостью и покоем, ведь я нашла то, что так долго искала. Впервые я ощутила, что смогу прожить с одним и тем же мужчиной всю жизнь. И я поняла, что именно он может стать отцом моего второго ребенка.

Мы встречались все чаще, а практически все выходные

проводили либо у него, либо у нас.

Давид прекрасно ладил с Катей. Дочка заметила, что он похож на Марка Дарси из Бриджет Джонс (она обожала этот фильм). И я с ней согласилась. Все это время я искала свои красные лаковые туфли не в том месте. А они были совсем рядом.

На пасхальную неделю Давид должен был поехать с другом в Аликанте. Я ужасно разнервничалась, но не показала виду. Он объяснил, что они давно договорились и заранее все забронировали, иначе он бы ни за что не оставил меня надолго. Но меня это не убедило: шаг вправо я считала побегом, а прыжок на месте – провокацией. Тем не менее я заверила его, что все понимаю. Буквально через час после отъезда он позвонил и сказал, что уже скучает и что, если мне этого хочется, он с удовольствием будет жить с нами вместе. И ему совершенно неважно – в Мадриде или в Эскориале, главное для него – быть со мной рядом. Катя, услышав новость, очень обрадовалась.

Первые дни разлуки дались относительно несложно, но чем больше проходило времени, тем сильнее я переживала. Мы списывались по сто раз на дню и созванивались по вечерам, но я никак не могла успокоиться. Однажды утром я проснулась и увидела пропущенный вызов от Давида. Он звонил в полночь, но вечером я всегда отключаю звук, поэтому звонить, когда я сплю, – занятие бесполезное. Потом я обнаружила сообщение: «Я звонил, чтобы сказать, что у меня для тебя сюрприз: билеты на концерт Пола Маккартни в Мадриде на 2 июня!» Давид знал, что я с детства была фанаткой «Битлз», как и он; я и сама хотела предложить пойти туда, но решила подождать до его приезда. Взять билеты на июнь, хотя мы были знакомы всего несколько месяцев, а на дворе стояло начало марта! Меня очень тронул этот поступок, а одна из моих подруг заметила: «Самое удивительное в этой ситуации заключается в том, что Катю кто-то смог опередить!» И она была права. Раньше я всегда делала что-то, подчиняясь первому же порыву, но в последнее время стала немного уравновешеннее. Наверное, возраст.

> Впервые я ощутила, что смогу прожить с одним и тем же мужчиной всю жизнь. И я поняла, что именно он может стать отцом моего второго ребенка.

Однако не стоит думать, что я потратила всю неделю на сплошные переживания. Я воспользовалась отъездом возлюбленного, чтоб заняться рукой, и посетила специалистов, которых мне порекомендовали. После первых же сеансов боль начала отступать, а подвижность – восстанавливаться с небывалой скоростью.

Как только Давид вернулся, мы принялись планировать его переезд. Я сразу сообщила, что из дома, который тогда снимала, никуда не поеду: хватит с меня переездов. Он радостно согласился:

– Мне все равно, где жить, если ты будешь рядом.

– А ты понимаешь, что на дорогу будешь тратить как минимум на полчаса больше? – поинтересовалась я.

– Зато я смогу каждый день засыпать и просыпаться с тобой.

Мне все еще не верилось в реальность происходящего.

В следующие выходные мы отправились в долину Херте – красивое ущелье, которое в это время года обычно усыпано цветущими вишнями. Давид в пятницу простудился, но, несмотря на мои возражения, настоял на поездке. Однако выяснилось, что бутоны на деревьях еще и не собирались распускаться, хотя весенняя долина все равно выглядела чудесно. Мы условились с Давидом, что она станет нашим тайным местом: мы будем приезжать сюда каждый год в конце апреля. Между тем Катя весь день вела себя отвратительно: грубила, огрызалась, нервничала без повода и говорила глупости, как и полагается подростку двенадцати лет. Давид успешно изображал спокойствие, но я понимала, что в действительности происходящее ему неприятно. И дома до меня вдруг дошло, что после такого дня он способен отказаться от переезда.

– Я бы на твоем месте, наверное, уже собрала вещи и убежала куда глаза глядят, – мрачно проговорила я.

– Ты с ума сошла? Я люблю тебя и твою дочь, и я знаю, что вы через многое прошли за последние годы. Сейчас вам необходимы внимание и забота. К тому же Катя должна привыкнуть ко мне, она ведь ребенок. Не переживай, никуда я от тебя не денусь. Ты моя половинка апельсина.

Я не выдержала и заплакала, а он прижал меня к себе и стал успокаивать:

– Ну же, милая, не плачь. Я хочу всегда быть с тобой. Я искал тебя всю жизнь.

Спустя несколько недель произошло событие, благодаря которому я прониклась еще большей любовью к Давиду. Через месяц после нашего знакомства я по его настоянию («Зачем тебе таблетки, если ты и так счастлива?») стала снижать дозу антидепрессантов, которые – единственные из всех лекарств, что мне назначили после выписки из больницы, – пила до сих пор. Но полный отказ от них привел к неожиданным последствиям: я резко набрала семь килограммов на ровном месте, а к боли в правой руке добавились боль и потеря чувствительности в левой. Я испугалась, но лечащий врач сказала, что такое часто

случается, и предложила вернуть антиэпилептики. Я не хотела этого, потому что слишком тяжело отвыкала от них, но на всякий случай врач выписала одну упаковку и посоветовала иметь таблетки при себе.

Вскоре мне и впрямь пришлось к ним прибегнуть: нужно было проводить онлайн-семинар, а рука разболелась не на шутку. Я понимала, что без таблеток не справлюсь, и выпила одну. То ли с непривычки, то ли от усталости она подействовала на меня так же, как, например, бутылка водки. Тем не менее я не хотела переносить занятие: на него записалось более двух тысяч человек. Выйдя в эфир, я почувствовала, что мне тяжело концентрироваться. Участницы заметили это, и, естественно, кое-кто принялся безостановочно строчить гадости в чате. Я постаралась совладать с ситуацией, но у меня не хватило душевных сил. Не рассказав и половины того, что запланировала, я, ужасно расстроенная, завершила семинар. Моя помощница запаниковала, мол, что никто больше не запишется на семинары: меня и так в последнее время часто попрекали лишним весом, а теперь еще и этот инцидент. Я долго успокаивала ее, но ее аргументы показались мне резонными. Позже позвонил Давид и, услышав мой голос, спросил, что случилось. Я рассказала. Он утешал меня полчаса.

Я не выдержала и заплакала, а он прижал меня к себе и стал успокаивать:

– Ну же, милая, не плачь. Я хочу всегда быть с тобой. Я искал тебя всю жизнь.

Я проснулась в шесть утра с мыслью о том, что хочу круто изменить свою жизнь. Эта идея давно витала в голове, но я даже себе боялась признаться, что писательство перестало меня радовать. Если раньше каждая книга заставляла мое сердце трепетать и казалась чудом, то в последние годы я писала по привычке. Эта книга, которую вы сейчас читаете, – счастливое исключение: ее мне и в самом деле страстно хотелось издать. Однако, работая над ней, я чувствовала, что в ближайшее время больше ничего написать не смогу. Я подумала, что, возможно, проблемы с руками – знак свыше. Может быть, судьба или бог пытается намекнуть, что пора бы мне свернуть с проторенной дороги. Но если перемены в личной жизни были значительными (кстати, за неделю до злополучного семинара меня развели с Хуаном Карлосом), то работой я по инерции продолжала заниматься, пусть и без всякого энтузиазма. Я вспомнила, что собиралась заняться одним проектом, совершенно непохожим на все предыдущие. «Что ж, тридцать четыре года – самое время что-то изменить в этой жизни! – подумалось мне. – Если не сейчас, то

когда?» И я опубликовала в социальных сетях официальное сообщение о том, что «Эмигрантка: история преодоления» станет моей последней книгой.

Вечером приехал взволнованный Давид.

– Что с тобой? – спросил он. – Ты вчера меня очень напугала, я всю ночь не спал.

– Не волнуйся, иногда на меня находит. Мне уже лучше, и я даже придумала, чем теперь буду заниматься.

– Знаешь, что меня в тебе поражает? То, как быстро к тебе возвращается самообладание в сложных ситуациях. Но послушай, ты больше не одна и ты не обязана отвечать за все на свете. Теперь вы с Катей можете положиться на меня. Даже при наихудшем раскладе у меня есть квартира, пусть маленькая, но своя, и мы всегда сможем переехать туда. И я зарабатываю деньги, пусть не сумасшедшие, но мы сможем прожить на них. Так что не переживай ни о чем: я здесь, чтобы поддерживать тебя в горе и в радости.

Я изо всех сил прижалась к Давиду. Наверное, это самое романтичное, что я слышала в жизни. Интересно, в какой момент я начала предпочитать подобные приземленные речи, а не громкие обещания достать звезду с неба? После тридцати лет или после трех неудачных браков?

Мой возлюбленный очень быстро представил меня родителям, брату и друзьям. Мы прекрасно поладили, впрочем, я всегда хорошо сходилась с родственниками своих мужчин, о чем уже упоминала. Трепеща от страха, я познакомила его с мамой. И – о чудо! – Давид ей понравился (ни один из моих бывших не пришелся ей по душе, хотя почти никого из них она не видела живьем). У меня словно камень с души свалился. Сколько бы я ни убеждала себя, что мнение родни для меня не так уж и важно, все же приятно, когда твой выбор одобряют.

На следующий день я написала своему лучшему другу по скайпу:

«Сереж, что-то мне страшно».

«Что такое?» – как всегда оперативно отозвался он.

«Знаешь, Давид до безумия влюблен в меня, говорит, что хочет иметь со мной детей, состариться вместе и умереть в один день. А меня прямо трясет. Вспомнила, почему первые два раза выходила замуж в черном и голубом. Потому что меня передергивает от одного вида свадебных платьев. Я раньше по-другому все воспринимала: ну поженились, ну развелись, если что. А сейчас чувствую, что это действительно навсегда».

Интересно, в какой момент я начала предпочитать

подобные приземленные речи, а не громкие обещания достать звезду с неба? После тридцати лет или после трех неудачных браков?

«Поздравляю, наконец-то вместо страсти ты встретила любовь».

«А тут еще все заладили: “За Давида мы не переживаем, он с тобой навеки, а вот ты сама выдержишь ли спокойную жизнь?” Черт возьми, ну я же была замужем, мне нравилось, другое дело, что я выбирала не тех мужчин. Да и страсти у нас с Давидом хоть отбавляй. Мне с ним не бывает скучно. Я ему недавно сказала, что только с ним поняла: меня по-настоящему никто не любил, и я тоже никого, по сути, не любила. Я влюблялась в образы, в призраки, в свои фантазии. Но не в реальных партнеров. С ним все иначе. И это пугает, особенно когда человек принимает тебя целиком: с невыносимой дочерью-подростком, с собакой, с морской свинкой и с армией тараканов в голове».

«Просто сделай его частью своей жизни – и все сомнения пройдут. Пока ты все еще противишься этому, потому что раньше никому до конца не открывалась».

«В теории это звучит прекрасно, а на практике…»

> Когда человек принимает тебя целиком: с невыносимой дочерью-подростком, с собакой, с морской свинкой и с армией тараканов в голове – это пугает.

«Воспринимай его как часть себя, – продолжил Сережа. – Говори с ним обо всем, советуйся по любому вопросу и принимай его точку зрения с тем же энтузиазмом, что и собственную. Надо не спорить, а вырабатывать общее решение».

«Когда мы ездили в вишневую долину, я впервые почувствовала, что мне совершенно все равно, в каком ресторане есть. Главное, чтобы Давид был рядом. Потому что я знаю: он не пожалуется потом, что ему невкусно, и не надуется на полдня. Мне все равно, какой фильм смотреть в кино, и ему тоже. Потому что мы знаем, что будем гомерически хохотать даже на драме Альмодовара под дружное шиканье всего зала. А когда мы ездили в парк аттракционов с Катькой, я не испугалась в домике ужасов – я просто уткнулась носом Давиду в плечо, и мне было спокойно. Мне нравится, что он по десять раз на дню говорит, какая я красивая и как он меня любит. Наверное, всех своих предыдущих мужчин я воспринимала как источники, сама того не осознавая. Каждый из них многому научил меня и помог оказаться там, где я есть, подготовиться к главным отношениям в моей жизни».

«Ну и что тебя пугает-то? Вот это и называется: не впускаешь в свою жизнь полностью. Попытайся принять мысль, что вы теперь во всех путешествиях будете вместе и вместе будете воспитывать внуков. Не ты “одна-сама” и кто-то рядом, а вы “двое-вместе”».

«Вот это и пугает. Знаешь, что я заметила? В начале каждых серьезных отношений у меня начинается жуткая аллергия. Так было с шестнадцати лет, и сейчас тоже всю обсыпало. Видимо, есть у меня какая-то травма, которая провоцирует такую реакцию».

«Мне кажется, – ответил друг, – ты слишком много думаешь. Не думай, а просто наслаждайся, гони прочь всех тараканов. Ты же сама этому учишь в книгах. Тебе наконец повезло. Прими это. И позволь жизни нести тебя на своих волнах».

«Спасибо, Сереж, ты, как обычно, меня успокоил».

Я выключила компьютер и выдохнула. Мне действительно нужно было отбросить страх и распахнуть перед Давидом сердце. Я знала, что после всего произошедшего это будет нелегко. Я понимала, что будет сложно вернуть себе умение доверять другому человеку. Но я видела, что он меня любит, и чувствовала, что я его безумно люблю. Он всегда находил нужные слова, когда я нервничала. Он с первого взгляда замечал, если я была чем-то расстроена, и я постоянно ощущала его поддержу. Кроме того, Давид относился к моей дочке не так, как почти все остальные мои мужчины. Он не заигрывал с ней, чтобы понравиться мне, а старался быть ей настоящим отцом. Он терпел ее бесконечные выходки и ни разу не повысил голос. Но самое главное, с ним я обрела прежнюю уверенность в себе. Я снова стала веселой, улыбчивой девушкой, и жизнь, кажется, снова повернулась ко мне светлой стороной.

Спустя несколько месяцев мне позвонили с Первого канала и попросили дать часовое интервью. Я пока не вернула себе былую физическую форму и не успела сбросить лишние килограммы, набранные за время послеоперационной депрессии, хотя и основательно занялась собой. Тем не менее я согласилась, подумав, что рассказ обо всем случившем со мной за последние годы может подарить надежду женщинам, которые уже отчаялись обрести счастье. Я решила: поделюсь своей историей, не утаивая ровным счетом ничего. Я осознавала, что после выхода программы в эфир мне, скорее всего, придется надолго исчезнуть из всех социальных сетей, чтобы избежать града критики. Но мысль о том, что обязательно найдутся люди, которые скажут мне спасибо, вдохновляла меня.

За неделю до отъезда в Москву Давид, собираясь на работу, с

загадочным видом сказал:

– Сегодня вечером мы идем ужинать. Форма одежды парадная.

– Хорошо. А куда идем?

– Это сюрприз. Заберу тебя в девять на площади Монклоа.

– Какая загадочность! – рассмеялась я.

В девять вечера, как мы и договаривались, я была на месте. Давид в строгом костюме (замечу, что костюмы ему потрясающе идут) уже ждал меня. Добравшись на его машине до какого-то отеля, мы поднялись на самый верх и вышли на террасу с видом на ночной Мадрид.

> Я осознавала, что после выхода программы в эфир мне, скорее всего, придется надолго исчезнуть из всех социальных сетей, чтобы избежать града критики. Но мысль о том, что обязательно найдутся люди, которые скажут мне спасибо, вдохновляла меня.

– Ух ты! – восторженно произнесла я. – Никогда здесь не была. Как же мне нравится, что ты не перестаешь меня удивлять!

Нас посадили за столик в укромном уголке (мы всегда старались выбирать именно такие, потому что меня раздражают крикливые испанцы). Давид заказал шампанское и закуски, а я смотрела на него и не могла поверить, что этот мужчина в меня влюблен. Я была без ума от него. Когда дошла очередь до десерта, Давид извинился и вышел. Вернулся он через пять минут, счастливо улыбаясь. Внезапно свет на террасе приглушили, и заиграла мелодия, под которую мы впервые признались друг другу в любви – «Thinking Out Loud» Эда Ширана. Официант вынес десерт на серебряном подносе – тирамису с горящей свечкой. Я ничего не понимала: мой день рождения давно прошел. Я вопросительно посмотрела на Давида. Он улыбнулся, встал из-за стола и неожиданно опустился на одно колено. Мое сердце бешено забилось, и я почувствовала себя героиней голливудского фильма. Официант поставил передо мной десерт, и я увидела, что свечку обрамляет кольцо из белого золота с небольшими бриллиантами. Из глаз моих брызнули слезы: всю жизнь я мечтала о таком предложении. Любимый задул свечку и взял кольцо.

– Екатерина Катилина Табаченкова, ты – та, кого я искал всю жизнь. Ты человек, которым я не перестаю восхищаться. Ты самая красивая, умная и сексуальная женщина из всех, кого я встречал. Я хочу быть с тобой. Я хочу, чтобы именно ты родила мне ребенка. Я боготворю тебя. Выходи за меня замуж!

Я закивала головой, потому что не в силах была говорить.

– Да, да, да! – наконец вырвалось из моих губ.

Давид нежно поцеловал меня и надел кольцо мне на палец, и все вокруг захлопали. Мне казалось, что я сплю. Я присмотрелась к кольцу: оно было точно таким же, как то, что досталось мне от бабушки. Я потеряла его при переезде в Мадрид пять лет назад и очень переживала из-за этого.

– Но как ты узнал? – уже потом спросила я.

– Катя помогла, – улыбнулся он; в конце концов ему удалось-таки наладить отношения с дочкой.

Свадьбу решили назначить на октябрь. Осенью я еще ни разу не выходила замуж.

Глава 10
The end

В детстве я любила мечтать о несбыточном. О том, что стану дизайнером, дрессировщицей или писательницей. Но мама была против всех этих профессий. Она вообще считала, что лучшая карьера для женщины – хорошо выйти замуж и никогда больше не работать. Однако я росла слишком амбициозной, чтобы принять такую судьбу, и вопреки материнским заветам стала писательницей.

И все же не могу сказать, что мамины наставления прошли для меня даром. Нет. Потому самой главной моей детской мечтой была свадьба. И не простая, а в католической церкви: я – ослепительно красивая в строгом белом платье по фигуре – в сопровождении отца медленно ступаю по проходу под песню Дайаны Росс и Лайонела Ричи «My endless love», все смотрят на меня в восхищении, а рядом со священником стоит Он – красивый, умный и, конечно же, богатый!

И вот наконец эта мечта стала реальностью.

> Я верила, что мы вместе с Давидом сможем преодолеть всё. Потому что я впервые чувствовала: я не одна.

Правда, жизнь внесла свои коррективы. Я действительно шла по церковному проходу, но сопровождал меня отчим, потому что папа умер почти двадцать лет назад; этого я никак не могла предугадать. В церкви были наши родители, брат Давида, моя тетя, несколько друзей и, конечно же, моя дочь Катя. Платье я выбрала не совсем свадебное: кремовое, строгое, по фигуре (благо она снова позволяла), чуть ниже колена. Зато я впервые отважилась надеть длинную фату. Давид стоял перед алтарем и весь светился от радости. Моя тетя по традиции плакала: она делала это на всех моих свадьбах. Его мама тоже плакала: она не могла поверить, что ее сын все-таки встретил женщину, на которой захотел жениться. Краем глаза я заметила, что и Катя утирает слезы.

Священник спросил:

– Давид, согласен ли ты взять в жены Екатерину?

– Да, согласен.

– А ты, Екатерина, согласна ли ты взять в мужья Давида?

– Да, согласна! – У меня не было в этом никаких сомнений.

– Обменяйтесь кольцами. Жених может поцеловать невесту!

Давид поцеловал меня, и я ощутила себя бесконечно счастливой.

Сказки обычно заканчиваются на этом моменте: все преграды позади, и после свадьбы молодая чета будет жить долго и счастливо. Но любой взрослый человек, и я в том числе, прекрасно понимает, что именно потом начинаются настоящие проблемы. Однако я верила, что мы вместе с Давидом сможем преодолеть все. Потому что я впервые чувствовала: я не одна. И я знала, что так теперь будет всегда. Отныне и присно и во веки веков.

Заключение

Сказать, что писать эту книгу было сложно, – не сказать ничего. Выплескивать на бумагу все пережитое ужасно тяжело. Но, принимаясь за работу, я понимала, ради чего это делаю. Я написала ее не для того, чтобы вы меня пожалели, и тем более не для того, чтобы вы «поплакали вместе со мной» и купили мои следующие книги. Как вы знаете, весьма вероятно, что эта книга станет последней в моей карьере. По крайней мере я не планирую браться за перо в ближайшие годы, потому что мне с каждым разом все сложнее выворачивать душу наизнанку. А иначе – уж не знаю, к счастью или к несчастью, – ничего толкового не напишешь. Когда-то один мой знакомый сказал, что только страдая, можно создать настоящий шедевр. Я, конечно же, ни в коем случае не претендую на роль создательницы шедевров, но мне нравится писать искренне, откровенно, а это утомляет.

В настоящий момент я собираюсь посвятить себя новому проекту corapy.com, который включает в себя кулинарную и психологическую составляющие.

Что же до этой книги, то я не могла не поделиться с вами своей историей. И пусть вас не смущает название «Эмигрантка: история преодоления». Неважно, в какой стране вы живете: многие из вас, прочитав о моих злоключениях, наверняка вспомнят самих себя и решат воспротивиться обстоятельствам. Возможно, моя книга поможет вам осознать простую истину: в любой ситуации можно что-то изменить, даже если кажется, будто выхода нет. И может быть, вы вновь поверите в чудеса. Потому что они случаются лишь тогда, когда в них верят.